

«ГОРОДА НЕСВОБОДЫ»

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ГОРОДА НЕСВОБОДЫ»**

Г. КРАСНОВИШЕРСК, 23-25 ИЮЛЯ 2012 Г.

УДК
ББК

«Города несвободы»: материалы Международной научно-практической конференции «Города несвободы» (г. Красновишерск, 23–25 июля 2012 г.) / издательство «Литер-А». – Пермь, 2012. – 144 страницы

В сборник вошли материалы Международной научно-практической конференции «Города несвободы», состоявшейся в рамках проекта «Вишера-порт» программы «Пермский край – территория культуры». Конференция была посвящена теме появления промышленных моногородов, создававшихся в первые годы индустриализации. Большая часть этих городов была поселениями при трудовых лагерях, а строителями промышленных гигантов и «социалистических городков» – политзаключенные. Участниками проекта «Города несвободы» стали ученые, архивисты, представители музейного сообщества, краеведы, студенты из Российской Федерации и Федеративной Республики Германия, специализирующиеся на теме репрессий, промышленного развития страны в период индустриализации, реновации промышленных музейных объектов. В рамках конференции состоялось открытие фотовыставки «Город-лагерь» и «Город-сад».

ISBN 978-5-903668-12-0

© Коллектив авторов, 2012
© Издательство «Литер-А»

«ГОРОДА НЕСВОБОДЫ»

23-25 июля 2012 года в городе Красновишерске Пермского края состоялись события проекта «Города несвободы», который открыл серию мероприятий Международного гражданского форума «Пилорама–2012» в Пермском крае.

Проект «Города несвободы» был посвящен теме появления промышленных моногородов, создававшихся в первые годы индустриализации. Большая часть их была поселениями при трудовых лагерях, а строителями промышленных гигантов и «социалистических городков» стали политзаключенные. Красновишерск входит в так называемое «северное кольцо» городов, связанных с историей ГУЛАГА в Прикамье. Вишерский бумкомбинат стал первой стройкой промышленного предприятия, которая велась силами ГУЛАГА.

Участниками проекта «Города несвободы» стали ученые, архитекторы, представители музейного сообщества, краеведы, студенты-историки, специализирующиеся на темах репрессий, промышленного развития страны в период индустриализации, реновации промышленных музейных объектов из России и Германии. Специальными гостями проекта стали Павел Нерлер (Полян) – известный писатель, литературовед, исследователь творчества Осипа Мандельштама и Варлама Шаламова, и руководитель музея «Клоппенбург», эксперт в сфере музейного дела Карл-Хайнц Циссов (Германия).

Форум длился три дня и включал в себя мероприятия самой разной направленности. В его рамках прошла международная научно-практическая конференция, бардовский вечер, посвященный памяти людей, пострадавших от репрессий, на месте бывшего лагеря Вижаиха в местечке Красная горка состоялась мемориальная акция «Огонь памяти». Гости и участники конференции смогли побывать на территории ОАО «Вишерабумпром» – уникального памятника промышленной архитектуры периода индустриализации и обсудить проблемы, связанные с реновацией таких объектов и использованием их в качестве музейного пространства.

На центральной площади Красновишерска открылась выставка «Город-лагерь» и «Город-сад», посвященная феномену «соцгородов». Участникам форума был представлен показ спектакля Лысьвенского театра драмы «Ночь Гельвера» по пьесе Ингмара Вилквиста.

Также в рамках конференции прошел круглый стол с участием уполномоченной по правам человека в Пермском крае Татьяны Марголиной.

«Города несвободы» – одно из важных событий проекта «Вишерапорт» – с ним в 2012 году Красновишерск стал победителем конкурса «Центр культуры Пермского края».

СОДЕРЖАНИЕ

Л. А. ОБУХОВ <i>Предисловие</i>	6
А. В. БУШМАКОВ <i>Жизнь заключенных ГУЛАГа в годы Второй мировой войны</i>	7
Д. Ф. ГРИГОРЬЕВА <i>Сопrotивление в ГУЛАГе: одно дело из жизни Вишерских исправительных трудовых лагерей</i>	11
Д. ГУСЕЛЬНИКОВ <i>Феномен отказа выхода на работу по религиозным соображениям по материалам дела «Пузикова-Пономарева»</i>	14
Г. Г. ЗУБАРЕВА <i>Спецпереселенцы в Нарымском крае</i>	19
А. Н. КАБАЦКОВ <i>Городской рабочий – как объект репрессий по приказу №00447 в 1937–1938 гг.</i>	26
А. С. КИМЕРЛИНГ <i>Жалобы как специфическая форма проявления демократических прав в позднюю сталинскую эпоху</i>	32
О. В. ЛЫСЕНКО <i>Массовое сознание пермяков и история репрессий</i>	35
М. Г. НЕЧАЕВ <i>«Могилы для контрреволюционеров» из истории рабочего батальона принудительных работ в Кизеле</i>	38

Л. А. ОБУХОВ <i>Из истории строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и Вишерского лагеря</i>	46
К. А. ОСТАЛЬЦЕВ <i>О проявлениях религиозной несвободы в населенных пунктах Чердынского (Красновишерского) района</i>	58
Павел ПОЛЯН <i>О советской политике режимности (несвободы) и об архипелаге ГУЛАГ и спецпоселениях как их кульминации</i>	71
М. В. РУБИНОВ <i>Производственная деятельность Вишерских лагерей: потери экономические и социальные</i>	87
С. М. РЯЗАНОВ <i>Рассекреченные документы Пермского краевого архива о населении лагерей и спецпоселений в 1940-х – нач. 1950-х гг.</i>	96
Т. Р. СЕМАКИНА <i>История строительства КЦБК и г. Краснокамска в 1930-е гг.</i>	99
Р. Н. ФАТХУТДИНОВ <i>Материально-бытовое положение спецпереселенцев в Пермском крае в 1930-е годы</i>	106
И. Ю. ФЕДОТОВА <i>Архивно-следственные дела православного духовенства как источник для изучения государственно-церковных отношений</i>	109
Г. Н. ЧАГИН <i>Письма во власть крестьян Ныробского района как источник по истории репрессий во второй половине 1920-х – 1930-е гг.</i>	112
Karl-Heinz ZIESSOW <i>ALLGEMEIN. Die Lager Bergen-Belsen, Esterwegen und Ravensbruck-neue Gedenkstätten, ihre Geschichte und Konzeption</i>	123
В. В. ШВЕЦ <i>Наследники Березниковского химического комбината</i>	132
И. В. ЯКОВЛЕВ <i>О понятии «соцгородов»</i>	137

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже почти три десятилетия тема политических репрессий в СССР привлекает пристальное внимание исследователей и публицистов. Опубликованы тысячи больших и малых научных работ, еще больше публицистики. Но тема эта необычайно многогранна и появляются все новые и новые аспекты, вопросы, требующие своего изучения.

В советском тоталитарном государстве практически все население было не свободно. Но были разные уровни несвободы: формально свободные граждане, но ограниченные в правах обязательной пропиской и рядом других ограничений, завербованные, лишенцы (лишенные избирательных прав), спецпереселенцы, заключенные.

Конференция «Города несвободы», проходившая в Красновишерске, была посвящена пока не достаточно исследованной проблеме строительства моногородов, промышленных предприятий, освоения северных районов в период сталинской индустриализации руками заключенных, спецпереселенцев и завербованных. Красновишерск не случайно стал местом проведения подобной конференции: именно здесь впервые был использован труд заключенных при строительстве целлюлозно-бумажного комбината и поселка, ставшего позднее городом. Опыт строительства Вишерского ЦБК оказался широко востребован. Яркий пример тому – судьба начальника Вишерского ИТЛ и строительства Э.П. Берзина, после досрочного пуска комбината назначенного руководителем треста Дальстрой, созданного для освоения Колымы – совершенно иные масштабы, иной уровень.

Можно по-разному относиться к результатам сталинской индустриализации, но не следует забывать о том, какую большую цену заплатили мы за ее осуществление. Сложной оказалась судьба многих моногородов, возникших в тот период.

Настоящий сборник подготовлен по итогам конференции в Красновишерске. Проблематика конференции достаточно разнопланова, но общей темой, объединившей всех участников, стала проблема репрессий. Значительная часть выступлений посвящена «Городам несвободы», прежде всего в Пермском крае (Красновишерск, Березники, Краснокамск), освоению северных районов (Колыма, Нарымский край, Северное Прикамье). В докладах нашли отражение новые виды источников, методы и методологические подходы к изучению репрессий, сопротивления несвободе, проблемы сохранения памяти о репрессиях, реновации промышленных объектов периода сталинской индустриализации.

Представляется, что в Красновишерске положено начало изучению темы «Города несвободы», темы перспективной и требующей дальнейшего исследования.

Л. А. Обухов

ЖИЗНЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ГУЛАГА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ СПЕЦКОНТИНГЕНТА ЛАГЕРЯ №0302)

А. В. Бушмаков, к.и.н., доцент кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры

В лагерях НКВД, расположенных на территории Молотовской области, в годы Второй мировой войны было сосредоточено большое количество подневольной рабочей силы. Кроме собственно заключенных, осужденных за различные преступления, к ним относились военнопленные, «мобилизованные» немцы, спецпоселенцы из Крыма и Западной Украины, а также освобожденные из немецкого плена военнослужащие Красной Армии. К числу последних относился спецконтингент лагеря № 0302, использовавшийся в угольной промышленности на шахтах Кизеловского бассейна.

Об условиях жизни обитателей этого лагеря мы можем узнать благодаря сохранившимся материалам проверки, проводившейся в январе 1945 года специальной бригадой Молотовского обкома ВКП(б) и областной прокуратуры.

На день проверки в лагере находилось 14 302 человека, занятых в основном добычей угля. Спецконтингент подразделяется на три основные группы: бывшие военнослужащие Красной Армии, находившиеся в окружении у противника и вышедшие из окружения, бывшие военнослужащие, находившиеся в плену у противника, и лица из гражданского населения, оставшиеся на оккупированной противником территории и служившие в полиции и жандармерии.

Среди них имелось большое количество офицеров Красной Армии, коммунистов, комсомольцев, орденосцев, инвалидов Отечественной войны. После прохождения проверки большая часть из них передавалась в основном в «постоянный кадр управления угольной промышленности». Остальная часть направлялась для комплектования воинских подразделений по охране других лагерей, комплектования воинских частей, для отправки на фронт (офицеры) и для комплектования штата самого управления лагеря №0302 и его охраны. Таким образом, люди, временно оказавшиеся в лагере, не считались преступниками и в большинстве своем, благополучно проходя проверку, его покидали. Тем не менее их положение по-сути мало отличалось от положения обычных за-

ключенных. Да и обозначение их в официальных документах – с/к (спецконтингент) отличалось от «обычных» зэков (з/к) только одной буквой.

Согласно типовому договору между спецлагерем №0302 и комбинатом «Молотовуголь», последний обязан был предоставить для каждого лагерного отделения жилые помещения, оборудованные нарами вагонного типа, с жилой площадью по 2,2 метра на 1 человека, бани с пропускной способностью 50–75 человек в час, дезкамеры с такой же пропускной способностью, прачечные, сушилки, столовые, кухню, оборудованную необходимым инвентарем, кубовую, санчасть или лазарет, умывальники, водопровод и транспортные средства. Комбинат был обязан обеспечить спецконтингент постельными принадлежностями – матрацами, подушками, одеялами, простынями, наволочками, спецодеждой по нормам ВЦСПС и необходимым количеством топлива.

Реальные условия существования обитателей лагеря были далеки от нормальных:

«Помещения ветхие, разваливаются, непригодны для жилья. В помещениях холодно, т. к. во многих окнах нет тепловых рам, печи развалены и требуют немедленного ремонта. Кроме того, запаса топлива в л[агерном]/отделении нет совсем. В выходные дни топливо в л/отделение также не привозится. Прачечная, сушилки и дезкамера в л/о отсутствуют. Имеющаяся в зоне баня не отвечает необходимым требованиям. В результате отсутствия необходимого количества воды, мыла, белья и постельных принадлежностей среди с/к имеется большая заболеваемость.

Необходимо отметить плохое санитарное состояние помещений, в комнатах грязно, полно клопов... В бараках установлены сплошные 2-этажные нары, на которых спит с/к по очереди, т.к. на нижних нарах из-за холода спать нет возможности» .

Эффективное использование спецконтингента было затруднено неудовлетворительным обеспечением спецодеждой:

«На 1/1 лагерю недостает 3047 комплектов спецодежды и гораздо большее количество резиновых чуней. Выдаваемая комбинатом «Молотовуголь» и трестами спецодежда сроков носки не выдерживает, в результате с/к ходит без последней, к тому же имеются случаи, когда с/к из-за отсутствия спецодежды не выводится на работу или выходит на работу без спецодежды. Имеет большое количество травматических повреждений.

Некоторые лица из с/к по 7–9 месяцев не получали спецодежды, в результате чего она превратилась в лохмотья. Так с/к Осадчий, работающий кузнецом на рудоремонтном заводе, с апреля месяца 1944 г. не получал спецодежды.

В лаготделении №5 на шахте Рудничной с/к были выданы чулки без носок и портянок, в результате чего имелись массовые простудные за-

болевания. На шахте им. Урицкого 600 человек из с/к, работающие на подземных работах, не имеют спецодежды».

Недостаток спецодежды усугублялся тем, что отпущенный на ее изготовление брезент разворовывался, а также тем, что с/к был вынужден продавать свои шинели или обменивать их на еду. Проверка выявила, что только на шахтах Гремячего в течение декабря месяца продано 100 шинелей. Причем шинели покупали не только вольнонаемные рабочие и работники л/отделения, но и руководители шахт.

У значительной части обитателей не было нательного белья. Очень плохо обстояло с питанием. Из-за отсутствия в лагере крупы и овощей, при замене их мукой, супы, приготовляемые для питания с/к, представляли из себя «...безвкусную мучную болтушку. Там, где крупа заменяется горохом, суп жидкий, почти одна вода». Только в одном л/отделении после обеда давался чай – в других отсутствовал не только чай, но и вода для питья.

Внимание проверяющих привлекло неудовлетворительное «трудо-вое использование с/к»:

«Зачастую выведенный на работу с/к работает не полностью, часть его укрывается по укромным уголкам в шахте, спит или просиживает смену. Незначительная часть с/к преждевременно оставляет работу, а потому лишается смены. Учет выхождаемости с/к на некоторых шахтах поставлен неточно, а потому периодически не отражаются рабочие с/к, работающие на поверхностных работах. Значительный процент неработающих составляет заболевший с/к (в среднем от 7 до 9% к трудовому фонду)...

Начальник конвойной службы л/отделения №13 Половко свои обязанности ограничил только сопровождением рабочих до места работы и обратно в зону. В результате конвоиры расставляют рабочих на места работы не в интересах производства, а исключительно в интересах облегчения своей службы, и нередко нач. шахт вынуждены заниматься подачками конвою, чтобы последний расставил рабочих для более производительной работы. Кроме того, имеют место случаи отлучки рабочих с места работы в присутствии конвоя. Так, например, 27.XII. в 1-ю смену на шахте №66 отлучился с места работы рабочий Вулаев и возвратился к месту работы в совершенно пьяном виде и не был способен самостоятельно дойти до зоны».

Таким образом, в работе на шахтах был слабо заинтересован не только подневольный спецконтингент, но и лагерное начальство. Это приводило к падению производительности труда: если в октябре месяце она составляла 1,65 тонны в сутки на одного рабочего, то в ноябре она падает – 1,42 тонны, а в декабре до 1,38 тонны.

Картину жизни спецконтингента дополняют выявленные комиссией массовое рукоприкладство и издевательства над людьми со стороны

охраны на всех уровнях, воровство, обвешивание и обмеривание, а также другие вопиющие случаи – вплоть до имитации расстрела «провинившегося».

Несмотря на ужасные условия жизни в лагере, общее физическое состояние с/к было признано удовлетворительным:

«Несмотря на неудовлетворительные бытовые условия, в лагере заболеваемость и смертность среди с/к низкая. Это объясняется тем, что в основном в лагере находятся молодые возрасты».

Конечно, обком и прокуратуру лагерь заинтересовал именно из-за снижения производительности труда работавшего на шахтах спецконтингента. Следует отметить, что ранее на заседании бюро Молотовского обкома ВКП(б) 16 мая 1944 года уже обсуждался вопрос о неудовлетворительной работе руководителей спецлагеря №0302, допустивших «высокую заболеваемость спецконтингента, массовое освобождение людей от работы по истощению» и, как следствие этого, «резкое понижение производительности труда». Бюро обкома тогда приняло специальное постановление об улучшении трудового использования и условий жизни спецконтингента, содержавшее детальный перечень мер, которые руководство лагеря должно было предпринять в первой половине 1944 года.

Цитированные выше материалы повторной проверки показывают, что в лагере мало что изменилось. Нет никаких оснований считать, что в других подобных лагерях ситуация значительно отличалась от спецлагеря № 0302, просто с проверками им «повезло» меньше, поэтому и мы о них меньше знаем.

СОПРОТИВЛЕНИЕ В ГУЛАГЕ: ОДНО ДЕЛО ИЗ ЖИЗНИ ВИШЕРСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ

*Д. Ф. Григорьева, студентка историко-политологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского
университета*

Донесения начальников исправительно-трудовых лагерей в Главное управление лагерей НКВД сообщают о массе различных нарушений заключёнными режима содержания. Наряду с констатацией повседневных нарушений, – таких форм сопротивления отдельных личностей или групп, как отказ от работы из-за того, что администрация лагеря не предоставила одежду, обувь или рабочий инструмент, членовредительство и приписки (туфта), — фиксируются и другие поступки, которые лагерная администрация рассматривала как «чрезвычайные происшествия» [1]. К таковым относились восстания, хулиганство, групповое неповиновение, голодовка, прекращение работы (волынка), саботаж и диверсии в форме «вредительской деятельности» и т.д.

Архивно-следственное дело №8196 [2] является как раз примером нарушения заключёнными режима содержания. Дело касается заключённых ВИТЛ, отказавшихся от выхода на работу 17 и 20 июня 1931 года по «религиозным убеждениям». 17 июня 1931 года в адрес ВИШХИМЗа прибыло на баржах иностранное оборудование для ВИШКОМБИНАТА. На основании требования Учётно-распределительного отдела (УЧР) 1-го Отделения ВИТЛ ОГПУ командиром 30-й роты была послана партия заключённых в количестве 50 человек для выгрузки из барж поделочных частей в ящиках и отправки их на склады ВИШХИМЗа. Пятеро заключённых от работы отказались. Отказ от работы они мотивировали тем, что являются истинными христианами по своим религиозным убеждениям и поэтому работать 17 июня – в праздник св. Нины не будут.

20 июня 1931 года для выгрузки оставшегося импортного оборудования снова была назначена партия заключённых в количестве 50 человек. 7 заключённых отказались от работы потому, что 20 июня являлся предвоскресным днем и они по религиозным убеждениям работать не желают. 28 июня и 12 июля трое заключённых 30-й роты отказались от лагерных работ – первый по причине воскресного дня, второй и третий мотивировали отказ от работы праздником Петра и Павла.

Анализируя дело, мы прежде всего должны выявить возрастной, национальной, профессиональный, классовый, образовательный состав заключенных. Изучить показания допросов, касающихся собственных мыслей по делу, к которому они привлечены, проанализировать заключительные протоколы.

Всего по делу №8196 проходило 16 человек. Средний возраст обвиняемых – 35 лет (самому младшему – 23 года, самому старшему – 50 лет). Данные по составу заключенных лучше всего представить в виде таблицы.

Критерий	Количество заключенных
Национальность	Русских – 11 чел., украинцев – 3 чел., белорусов – 2 чел.
Уровень образования	Неграмотные – 3 чел., низший уровень образования – 12 чел., среднее образование – 1 чел.
Классовое происхождение	Средняк – 4 чел., кулак – 6 чел., бедняк – 6 чел.
Профессия	9 хлеборобов, 1 плотник, 1 столяр, 1 сапожник, 1 кустарь, 3 служащих культа

Получается, что подавляющее большинство отказавшихся от работы по религиозным убеждениям – это русские малограмотные крестьяне, а вовсе не служители культа.

Что касается допросов, то нужно отметить схему, по которой они проводились. От заключенных требовали ответить на три главных вопроса: кто они по религиозным убеждениям, признают ли советскую власть, пятилетки, ударничество и т.д. И почему отказались от работы. По результатам допросов становится ясно, что большинство – приверженцы катакомбной церкви, различных её течений, а именно «тихоновцев» [3] и «федоровцев» [4, с. 316]. Соответственно, по религиозному составу обвиняемые делились на: «обновленцев» (1), «евангелистов» (2), «тихоновцев» (6), «федоровцев» (5), православных (1) [2, с. 50 – 67]. Неудивительно, что большинство из 16 человек заявляют, что «советская власть – власть антихриста» и подчиняться они ей не будут. Примечательно другое: 4 человека из обвиняемых советскую власть признавали как «власть гражданскую» и подчиняться ей считают нормальным, совершенно «непонятым» для них остаются задачи пятилеток и ударничество – и вот этому подчиняться они совершенно отказываются. Обвиняемых по ст. 58-14 (контрреволюционный саботаж) переводят на содержание в РОЭ (Рота отрицательного элемента) на неопределенное время. 20 октября 1931 года спустя три месяца после начала следствия и вынесения приговора

сотрудник 5-го Отделения СПО ПП ОГПУ (секретно-политический отдел Полномочного представительства ОГПУ) по Уралу Белоусов, рассмотрев следственное дело, присланное из ИСО УВИТЛ ОГПУ (информационно-следственный отдел Управления Вишерских исправительно-трудовых лагерей ОГПУ), нашел, что факт совершения преступления, предусмотренного ст. 58-14, обвиняемыми, как контрреволюционный саботаж, следствием не установлен, а потому следственное дело постановляет прекратить, освободить заключенных из-под стражи в РОЭ и наложить на них за проступок административное взыскание.

Нельзя не заметить своеобразный «зигзаг» в отношении управления лагерем на примере исследуемого дела. Сначала – строгий приговор на неопределенный срок, затем его практически полная отмена и замена на административное взыскание. Возможно, это связано с борьбой с «перегибами» в лагере, с нехваткой рабочих рук, тем более что это был предпусковой период Вишерского завода. Нахождение в РОЭ на пониженной норме питания при более продолжительном рабочем дне приводило к физическому ослаблению заключенных и невыполнению установленных норм. При форсированном строительстве требовались полноценные работники. Отказ от работы по «религиозным убеждениям» в этом случае уже не считался тяжким преступлением.

Источники и литература:

1. Хеделер В. Сопrotивление в ГУЛАГе. Бунт, восстание, побег // <http://shalamov.ru/research/61/16.html>
2. ПермГАНИ. Ф. 641/ 1. Оп.1. Д. 15013.
3. Из истории гонений Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви // <http://www.histor-ipt-kt.org/>
4. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

ФЕНОМЕН ОТКАЗА ВЫХОДА НА РАБОТУ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЛА «ПУЗИКОВА-ПОНОМАРЕВА»

Д. Гусельников

Литература по истории ГУЛАГа, посвященная групповым выступлениям заключенных против лагерного порядка, недостаточно изучена как на федеральном, так и на региональном уровнях. Подавляющее большинство исследований и публикаций посвящено сопротивлению «политического» ГУЛАГа. Не учитывая многочисленных «низменных» форм массовых выступлений заключенных, историография до сих пор не имеет адекватного видения сталинского ГУЛАГа как особого социума и государственного института, выполнявшего в сталинской системе функцию специфического депозитария нерешенных и/или неразрешимых социальных, экономических, политических, культурных и национальных проблем [1]. В этом же депозитарии содержались и религиозные проблемы СССР.

Великие стройки 1930-х годов в Прикамье знамениты не только своими потрясающими результатами, но и методами, благодаря которым эти результаты были достигнуты. В качестве рабочей силы на стройках первых пятилеток работали осужденные со всего СССР. В Вишлага ОГПУ на 1930 год было 30 тысяч заключенных, за год их число увеличилось в 5 раз [2]. Все они были обязаны трудиться на строительстве ВИШХИМЗа. Одной из категорий строителей были заключенные, осужденные за религиозную деятельность (ст. 58-10 – антисоветская агитация и ст. 58-11 – организационная деятельность УК РСФСР 1926 г.).

На примере одного из архивно-следственных дел – Пузикова-Пономарева (ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12820) – попытаемся рассмотреть, что из себя представляли люди, осужденные по религиозным мотивам, отбывающие срок наказания в Вишерском ИТЛ, их поведение в лагере. Дело является достаточно типичным для Вишлага, поскольку процент осужденных по религиозным мотивам был довольно значительным.

17 ноября 1930 года в Вишлаг ОГПУ прибыл этап из Елецкого Исправдома – 319 человек. Прибывших сразу повели в баню, а одежду и белье сдали на дезинфекцию. После бани 25 человек (по другим данным – 26) отказались получать лагерную одежду и белье, требуя выдать им свое белье. В результате эта группа так и не приняла лагерной формы

и в роту ушли раздетыми донага, в связи с чем «продемонстрированная картина внесла в быт лагеря разговоры» [3].

Чтобы не допустить в дальнейшем совместных выступлений, партия была разбита на маленькие группы и разослана в разные роты и участки. Однако это не помогло. Первый отказ от работы произошел 20 ноября, когда партия рабочих (15 человек) на участке Сторожевая Колчимского лесозаготовительного района отказалась от работ, мотивируя это тем, что «на Антихриста они работать не будут» [4].

Дело в отношении лиц, нарушивших лагерный порядок, было начато в ноябре 1930 года. Всего по делу проходило 29 человек. Большинство осужденных по рассматриваемому делу – выходцы из Центрально-Черноземного района СССР – деревень Островок, Красная Поляна, села Новосинское, станции Волосатая. Среди осужденных есть также уроженцы Москвы и Барнаула. Средний возраст группы заключенных 38,5 лет, самому младшему из них 19 лет, самому старшему – 60. Из 29 осужденных двое по своему классовому происхождению мещане, один – рабочий, остальные 26 – крестьяне. Национальный состав осужденных по делу Пузикова-Пономарева на 100% состоит из русских. Уровень грамотности заключенных невысок, восемь человек неграмотны, 12 малограмотны и 9 человек в ходе допроса отметили себя как грамотных. Среди осужденных заключенных 8 хлеборобов, 11 хлебопашцев, 5 чернорабочих. В профессиональном составе есть также ткач, счетовод, машинист и случайно затесавшийся ретуш-фотограф. Семейное положение подавляющего большинства осужденных – женатыми являются 27 человек. Один из осужденных холост, один – вдовец. Все заключенные являются беспартийными, ранее судимым был только один из 29 осужденных.

В последующем при выходе на работу члены группы отказывались от выполнения лагерных работ. Из материальный допроса обвиняемых причину отказа от работ установить невозможно, это отображено лишь в допросе свидетелей, проходящих по делу. Так, И. О. Пузиков, один из осужденных, показывает: «что отказывался я от работ по каким причинам не скажу и вообще работать для лагерей не желаю и не буду» [5]. З. Е. Пономарев: «я работать для Советской власти в лагерях ни под какими условиями не стану» [6]. При этом оба заключенных отрицают обвинения в разговорах о советской власти как о власти Антихриста, виновными себя не признают.

Мотивы отказа от работы группы заключенных раскрывает проходящий по делу в качестве свидетеля Ислам Мутрысович Кутузов, завхоз 28-й роты: «Заключенные не хотят идти на этап, говоря, что завтра суббота, и мы по обряду своему православию не должны ничего делать» [7]. Им же засвидетельствовано оскорбление советской власти, неуважение к распорядку лагерной жизни и подстрекательству других заключенных к неисполнению дисциплины.

Проходящий по делу в качестве обвиняемого Я. Ф. Чусов свою невиновность обосновывает следующим образом: «Кучками в роте не собирались и антисоветских никаких разговоров не вели, ибо я по своему религиозному убеждению считаю это делать Грехом» [8].

Однако подобные мотивы не были приняты прокурором по Чердынскому району Пуртовым и дело Пузикова-Пономарева квалифицировали по ст. ст. 58-10 и 58-14 УК РСФСР [9].

Рассмотрев материалы дела, 16 декабря 1930 года следствие установило, что «главными руководителями являлись заключенные Пузиков И. О. и Пономарев З. Е., которые были помещены в 17-ю роту лагеря, где не только проявили себя активистами в смысле отказа от работ, но вели антисоветскую пропаганду среди заключенных, выразившуюся в том, что на землю пришел «АНТИХРИСТ», [который] управляет и мучает народ» [10]. Часть заключенных, проходивших по делу, признали себя виновными в отказе от работ. Обвинительное заключение утвердил зам. начальника лагеря И.Г. Филиппов.

18 февраля 1931 года Коллегия ОГПУ на своем заседании постановила четверым заключенным, проходящим по этому делу, в том числе Захару Ефимовичу Пономареву, сроки наказания увеличить на пять лет. Четырнадцати заключенным сроки увеличены на два года. Одного из руководителей систематического нарушения дисциплины в лагере Ивана Осиповича Пузикова постановили перевести в штрафизолятор сроком на два года. Десятерых заключенных перевели также в штрафизолятор сроком на один год [11]. 26 февраля за подписью Особо уполномоченного при председателе ОГПУ А.Я. Беленького с Вишеры была направлена телеграмма на имя В.Л. Герсона, секретаря председателя ОГПУ, с просьбой доложить В.Р. Менжинскому о необходимости срочного рассмотрения дела о расстреле И. О. Пузикова, П. Н. Пономарева и В. А. Панарина в связи с тем, что они «не признают советскую власть, считая Антихристом, отказываются от работы, разлагают заключенных и однодельцев» и «для воздействия на остальных заключенных» [12]. Однако телеграмма запоздала, Коллегия ОГПУ уже вынесла свое решение.

В 1957 году Президиум Пермского областного суда постановил «постановление Коллегии ОГПУ от 18 февраля 1931 года в отношении осужденных лиц отменить, дело о них производством прекратить» [13]. В 2004 году на некоторых осужденных было распространено действие закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» [14].

Из материалов дела «Пузикова-Пономарева» можно сделать вывод о том, кто в действительности являлся религиозной оппозицией режиму ГУЛАГа. Вопреки распространенному мнению служители культа не играли ведущей роли в большинстве случаев, а, как и в деле «Пузикова-Пономарева», главными зачинщиками беспорядков выступали русские малограмотные крестьяне.

Трое из осужденных по делу «Пузикова-Пономарева» явно выбиваются из статистики. Двое из них москвичи, в отличие от большинства осужденных – уроженцев сельской местности, один также горожанин – барнаулец. Все трое по происхождению мещане, что подтверждается и их профессиональной деятельностью: счетовод, машинист, ретуш-фотограф – в отличие от большинства хлеборобов, хлебопашцев и чернорабочих. Скорее всего, трое осужденных, имеющих отличные от большинства характеристики, являются примкнувшими к протесту «Пузикова-Пономарева», сочувствующими из числа заключенных.

В материалах допросов осужденных по делу «Пузикова-Пономарева» вопрос о религиозной принадлежности отказников от работ, вопреки распространенной практике, не ставился. Из общего поведения и некоторых элементов культа можно предположить, что осужденные относились к одному из течений катакомбной церкви.

В целом высказывание антисоветских лозунгов, призыв к выходу из коллектива на селе, сравнение советской власти с властью Антихриста – не уникальный случай для Вишерских лагерей. Так, из Информационного обзора №1 начальника УЛАГ ОГПУ Л. И. Когана от 6 ноября 1930 года следует, что «в отчетном периоде отмечаются резкие контрреволюционные настроения среди заключенного духовенства, содержащегося в Соловецких, Северных и отчасти в Вишерских лагерях» [15]. Однако в этом же обзоре отмечается лишь единичный случай (Вишерские лагерь) массового отказа от работ организованной по религиозным мотивам группы лиц («заслуживающий особого внимания, как групповой») – 11 человек из секты «израильтян» отказались от работы на следующий день по прибытии в лагерь, на второй день они выполнили приказ и вышли на работу [16]. Начало дела «Пузикова-Пономарева» датируется 17 ноября 1930 года, а это значит, что за период с момента подачи информационного обзора №1 от 6 ноября 1930 года до момента начала рассматриваемого дела коллективный отказ от работ по религиозным соображениям становится достаточно распространенным явлением лагерной жизни.

Не самое тяжелое наказание для проходящих по делу «Пузикова-Пономарева» – увеличение срока для организатора на пять лет, четырнадцать осужденным – на два года, еще один организатор переведен в штрафизолятор на два года, десять человек – на один год, прошение о расстреле активистов дела лишь после вынесения приговора можно объяснить датировкой дела. 1931 год – предпусковой для Вишерского завода. Более суровое наказание привело бы к физическому ослаблению заключенных и невыполнению установленных норм. Форсированное строительство Вишерского завода требовало полноценных работников, и в этом свете отказ от работы по религиозным убеждениям уже не считался столь тяжким преступлением.

Источники и литература:

- [1] «История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах». Т. 6.– М.: РОССПЭН, 2004. – С. 26.
- [2] «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР», 1923–1960: Справочник. – М.: Звенья, 1998. С. 185.
- [3] ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12820. л. 184.
- [4] Там же. л. 2.
- [5] Там же. л. 152.
- [6] Там же. л. 153.
- [7] Там же. л. 77.
- [8] Там же. л. 141.
- [9] Там же. л. 189.
- [10] Там же. л. 184.
- [11] Там же. л. 194.
- [12] Там же. л. 195.
- [13] Там же. л. 237–240.
- [14] Там же. л. 246.
- [15] «История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах». Т. 6.– М.: РОССПЭН, 2004. – С. 106.
- [16] Там же.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В НАРЫМСКОМ КРАЕ

*Г. Г. Зубарева, заведующая Нарымским филиалом
ОГАУК ТОКМ им. М. Б. Шатилова*

Сегодня на карте Томской области уже не сыщешь многочисленных поселков, основанных по берегам таёжных рек Васюганья первыми спецпереселенцами, нет и печально знаменитого Нарымского округа, в который входил ныне тоже ушедший в небытие Васюганский район. Заросли лесом лоскутные поля, на месте бывших убогих поселков – осинник и трава забвения, на заброшенных погостах – чаща и бурелом... Там на заросших кладбищах лежат ссыльные с Прииртышья, Алтая, Красноярского края, там погребены спецпереселенцы из Прибалтики, Бессарабии, Буковины, с Кавказа... Десятки тысяч сосланных в этот забытый богом край.

В информационном центре УВД считают, что всего на спецпоселение на территорию Томской области было завезено до полумиллиона человек. Подавляющее большинство было доставлено в Нарымский округ, созданный в 1932 году и по территории равный Белоруссии и Литве вместе взятых.

Выбор места не случаен, так как Нарымский край издавна являлся местом царской ссылки, особенно получившим печальную славу после 1905 года. «Бог создал рай, а черт Нарымский край», так говорили о данных местах ещё в дореволюционное время. В 30-х годах среди спецпереселенцев появилась еще одна поговорка: «Кто в Нарыме не бывал, тот и горя не видал».

Из доклада начальника краевой администрации наркому внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачеву о хозяйственно-административном устройстве спецпереселенцев: «Томский округ, являющийся одним из основных пунктов расселения в Сибирском крае, располагает огромными колонизационными фондами в своей северной части, простирающейся от Томска на северо-запад. Однако эти колонизационные фонды, располагающие всеми благоприятными данными для сельскохозяйственного освоения, имеют большую географическую оторванность от культурных и промышленных центров Сибири, а некоторые из них являются совершенно недоступными вследствие отсутствия средств и путей сообщения. Это обстоятельство, являясь, с одной стороны, весьма положительным в смысле общественной изоляции спецпереселенцев, с другой – влечёт за собой трудности хозяйственного устройства поселений».

Первую партию переселенцев привезли зимним путем на лошадях в марте 1930 года. Распустило зимник, пришла весна 1931 года, и тысячи ссыльных стали отправлять водным путем. На местах будущих поселений измученных дальней дорогой в душных трюмах барж людей сгоняли по дощатым сходням на угрюмые берега Васюгана, Кети, Парабели, Чижапки и других таёжных рек. Сгоняли под открытое небо, в нехоженую тайгу, где днём и ночью висел в воздухе стонущий звон сибирского гнуса...

Для надзора за спецпереселенцами были учреждены комендатуры. Всего на территории Нарымского округа было организовано десять комендатур. Галкинская, Парбикская, Шегарская, Тоинская специализировались на сельхозработах. По лесу и кустарным промыслам специализировались – Ново-Васюганская, Средне-Васюганская, Парабельская, Кетская, Кето-Чулымская и Александро-Ваховская.

В связи с созданием большого количества населенных пунктов, в которых жили только спецпереселенцы, было разработано положение «Об управлении принудительно заселёнными населенными пунктами». В пункте номер 1 этого положения указывалось, что управление поселками производится без допущения какой бы то ни было демократии. Во главе комендатур стоял комендант, имеющий двух помощников: одного по хозяйственной части, другого по административной. Коменданту на территории комендатуры были даны права райисполкома. В положении говорится, что он ведет учет населения, организацию работ, организует наблюдение, охрану, контроль в целях недопущения побегов и самовольных отлучек. В спецпоселенческий поселок назначались комендатурой поселковые коменданты или уполномоченные с правом сельсовета. Для удобства поселок разбивался на участки по 10 дворов, и из числа лояльных поселенцев назначались звеньевые.

Была разработана инструкция «О мерах воздействия за самовольные отлучки с работ, поселков и побеги с мест расселения». Самовольный уход с работы или из поселков без разрешения, продолжавшийся менее суток, рассматривался как отлучка, свыше одних суток – как побег с места высылки. Самовольная отлучка, совершенная повторно, рассматривалась так же, как побег. За самовольные отлучки могло последовать наказание – предупреждение, занесение факта в личное дело, зачисление в штрафные команды на срок от 3 до 5 суток с обязательным вычетом 25% заработка. Рабочий день увеличивался на 1,5–2 часа, увеличивалась норма выработки. За побеги возбуждалось уголовное дело, и затем суд направлял виновных дальше на север – в Туруханский край, имущество конфисковывалось и возвращению не подлежало.

Таким образом, можно считать, что в 1930-х годах Нарымский край представлял собой своеобразный полигон для осуществления здесь форсированной государственной колонизации в её специфическом, карательном варианте. По своим масштабам эта программа являлась

одной из крупнейших, в её реализацию было вовлечено от 10 до 15% от общей численности спецпереселенцев страны (около 200 тыс. чел. в 1931 г. и около 120 тыс. в 1938 г.). В депортации крестьян властям представлялся, безусловно, перспективным колонизационный аспект. Согласно правительственному постановлению от 28 декабря 1931 года, в течение уже первых двух лет Нарымский край должен был стать производящим сельхозпродукцию в объёмах, достаточных для нужд не только комендатур, но и местного населения, а также ежегодно увеличивать поставки деловой древесины, что подтвердило бы правильность политики принудительной колонизации.

По прибытии на место поселения спецпереселенцы в Нарымском крае получали задачу на раскорчёвку под пашню, им выдавался план на посев и сдачу зерна государству (в 1931 г. раскорчёвано под сельскохозяйственные цели 6 тыс. га, в 1932 г. – 55,4 тыс. га. Из постановления Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 2 октября 1931 года: «В целях быстрейшего и широкого развёртывания мероприятий по эксплуатации громадных естественных богатств северных районов края и более рационального использования хозяйственной деятельности спецпереселенцев установить: спецпереселенцев, расселённых по Васюгану, Парабели, Кети, Чулыму и их притокам, ориентировать на лесозаготовки (рубка, возка, сплав и погрузка леса), обслуживание лесоперерабатывающих предприятий, лесохимии, лесокустарных промыслов (выработка саней, тары, выгонка смолы, дёгтя, пихтового масла и др.). Остальные виды хозяйственной деятельности, в том числе полеводство, скотоводство и огородничество, в этих районах должны являться подсобными для удовлетворения потребительских нужд самих спецпереселенцев». Борьба с эксплуататорами и кровопийцами, начатая большевиками в 1917 году, закончилась самой беспощадной эксплуатацией своего народа.

Вышестоящее руководство столкнулось с суровой реальностью – в этой таёжно-болотной зоне, где лес и неудобные земли составляли свыше 97% территории, а занятая пашней площадь – 0,3%, успешная сельскохозяйственная деятельность, особенно полеводство, была невозможна. Причиной трудностей стали не только природно-климатические условия, но и организационные факторы.

Состояние «натурфонда», поступившего из районов депортации, хозинвентаря, тягловой силы было плачевно. Негодные или почти полностью изношенные плуги составляли пятую часть общего количества, остальные требовали ремонта. Состояние лошадей, прибывших из мест высылки крестьян, оценивалось как близкое к катастрофическому. Сенокосных угодий в местах нового поселения было немного, и сенокосно-уборочная кампания не принесла ожидаемых результатов. Осенняя посевная кампания 1931 года была обречена на срыв, не стала успешной и весенняя посевная кампания 1932 года. Нередко завозимые в цен-

трализованном порядке семена оказывались непригодными в местном климате.

Другая сложность директивной колонизации Нарыма – значительный удельный вес иждивенцев нетрудоспособных возрастов – стариков и детей до 12 лет. Доля трудоспособных в составе спецпереселенцев Нарыма равнялась 52,3%, а крайних возрастных категорий (стариков и детей) – 47,7%, большинство среди них составляли дети до 12 лет. Столь деформированная возрастная структура, в которой трудоспособное население достигало чуть более 50%, была причиной широкого использования в комендатурах труда подростков, а фактически детей с 12 лет. В общей массе трудоспособных спецпереселенцев пропорции между мужчинами, женщинами и подростками (12–16 лет) составляли соответственно – 38,7, 41,6 и 19,7% (1). Следующая трудность была следствием установки на размещение спецпоселков в отдаленных и труднодоступных местностях, дабы уменьшить риск побегов и нежелательных контактов со старожилами. Доставка туда продовольствия, инструментов и материалов требовала значительных затрат на прокладку дорог среди тайги и болот. Жилищное строительство тормозилось не только нехваткой инструментов и материалов, трудностями доставки их в поселки, но и тем, что очень многие семьи спецпереселенцев, лишённые трудоспособных глав, не могли самостоятельно строиться. Именно поэтому зимой 1931 г. только треть семей была обеспечена «нормальной жилплощадью», большинство же осталось зимовать в землянках. Жилищное строительство в Нарымских комендатурах предусматривалось завершить в октябре 1932 г. и обеспечить таким образом каждого спецпереселенца не менее чем 3 кв. м площади в доме или бараке, но эта цель даже годом позднее далеко не везде была достигнута.

Голод и изнурительный труд каждодневно множили число сирот. Пришлось открывать детские дома для содержания детей. Так, в 1932 году был открыт Васюганский детский дом, где в среднем проживало до 330 человек. Всего таких детдомов в Нарымском округе было открыто пятнадцать. Томский писатель В. Макшеев в своем исследовании «Спецы» приводит докладную записку заведующего Нарымским окружным отделом народного образования, отправленную в мае 1933 года краевым властям в Новосибирск, из которой становится понятно, что из себя представляли детские дома: «Состояние детских домов катастрофическое. Четыре дома имеют более или менее приличные здания, остальные размещены в полуземлянках, бараках, крестьянских избах. Страшная перегруженность помещений: на одного ребёнка приходится 0,25 кв. м площади пола. Дети спят на нарах, под нарами и на полу. Нет постельных принадлежностей. Дети обеспечены одеждой и обувью на 15–75% потребности. Из-за отсутствия обуви посещают школу по очереди. Дети получают полуголодную норму питания, но и эта норма

выделяется очень неаккуратно. Некоторые детдома были по несколько дней без питания» (3).

Из-за отсутствия элементарных санитарных условий, чрезмерной скученности, постоянного недоедания в спецпоселках наблюдалась чудовищная смертность. В документах Сиблага содержится информация о том, что только за июнь 1931 – июль 1932 годов в Нарымских комендатурах умерло свыше 25 тыс. человек, или 11,7% от общей численности спецпереселенцев, 80% умерших – дети. Данные за вторую половину 1932 года позволяют предположить, что смертность здесь уменьшилась и составляла примерно 1 тыс. умерших в месяц.

Однако, несмотря на тяжелейшие условия выживания, отрицать или принижать труд спецпереселенцев в освоении Нарымского севера не следует. Трудовые навыки, несомненно, помогли репрессированным крестьянам адаптироваться к экстремальным условиям северного климата. Следует иметь в виду, что для решения задач «продвижения земледелия на Север» крестьяне–спецпереселенцы из южных районов Сибири с богатым опытом и традициями земледелия подходили больше, чем Нарымские старожилы, занимающиеся преимущественно промысловой деятельностью. То же касается и развития производства, традиционно более успешного на юге Сибири. Кустарные промыслы в промышленных масштабах, производство продукции лесохимии (пихтовое масло, древесный спирт, скипидар и т.д.) являлись сравнительно новыми с технологической точки зрения видами труда и для спецпереселенцев, и для коренных жителей, и ставили их примерно в равные условия. Из итогов колонизации отдаленных районов следует, что в стране в 1930–1937 гг. было раскорчевано и расчищено от кустарника и мелкого леса около 240 тыс. га, в том числе на территории Нарымских комендатур – почти 139 тыс. га. К 1938 году спецпереселенцами было построено 7294 км дорог, из них 3812 км нарымчанами. Если в 1931 г. в Нарымском крае посевы под пшеницу составляли всего 285 га, а урожай чуть более 4 ц/га, то в 1937 г. около 13 тыс. га и 7 ц/га соответственно. В 1931 г. медперсонал составлял всего 45 человек, тогда как в 1937 г. – 130 человек. Количество начальных и средних неполных школ на территории Нарымских комендатур позволяло обеспечить почти полный охват детей школьным обучением. (2)

Освоение Севера посредством «кулацкой ссылки» изначально основывалось на принуждении и потому не имело под собой долговременных перспектив. В середине 1930-х гг., когда остро встал вопрос о правовом положении спецпереселенцев, нарком внутренних дел Г. Ягода обратился к Сталину. В письме от 17 января 1935 г. он отмечал: «...по мере восстановления в правах отмечены массовые выезды трудпоселенцев из мест поселения, что срывает мероприятия по освоению необжитых мест. Вместе с тем, возвращение восстановленных трудпоселенцев в те

края, откуда они были выселены, – политически нежелательно. Считаю целесообразным издание ЦИКом Союза ССР дополнения к постановлению от 27 мая 1934 г., где должно быть указано, что восстановление в правах трудпоселенцев не дает им права выезда из мест вселения». Неделю спустя (25 января 1935 г.) ЦИК СССР принял постановление, которое узаконило пожизненность «кулацкой ссылки». Только с 1938 г. разрешение на выезд из комендатур стали давать молодежи, но отнюдь не из благих побуждений, а с целью провести черту между поколениями. В годы войны, когда на военную службу стали призывать мужское население из комендатур, началось массовое снятие «бывших кулаков» и членов их семей со спецучета НКВД, окончился почти 15-летний период форсированной принудительной колонизации северных районов Западной Сибири силами, главным образом, репрессированного крестьянства, подвергнутого, согласно терминологии сталинской пропаганды, «трудовому перевоспитанию».

В 2006 году на берега таежных рек Васюган, Нюрюлька, Чижалпа отправилась экспедиция, она шла под флагом с надписью «Прощение и память». Ее участниками были и взрослые, и дети.

Экспедиция «Прощение и память» прошла именно по тем местам, где в 30-е годы на крутые берега высаживали спецпереселенцев, обреченных на голод, холод и унижения. Та же суровая, скупая природа Васюганья, бескрайняя, пугающая своей чернотой и безмолвием тайга по берегам, та же малонаселенность и изматывающий гнус, бесконечность пути. Встречи и беседы на поселениях с очевидцами событий, знакомство с документами той поры, круглые столы, поминальные службы, установка памятных знаков и крестов с надписью «Невинно загубленным жертвам сталинских репрессий вечная память!» создали атмосферу сопричастности и сопереживания. Эти ощущения сохраняются для участников экспедиции на всю жизнь.

В Москву на пятый Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия, 20 век» были отправлены проекты участников экспедиции. По решению жюри они вошли в тысячу лучших работ России и были отмечены поощрительными грамотами. Одной из работ был видеофильм Алексея Парфеновича, ученика 11-го класса Каргасокской СОШ. Вот как сам Алексей говорит о мотивах создания фильма: «...Я правнук сосланных с Алтая «кулаков». Участвуя в экспедиции «Прощение и память», работая в архиве г. Барнаула, я постоянно чувствовал мою личную связь с тем временем, долг перед моими близкими... Старшее поколение уходит, а с ним и те воспоминания, которые дороги и ценны для нас, их внуков и правнуков. Но вечный вопрос «За что?», на который до сих пор нет внятного ответа, продолжает звучать набатом и находит отклик в наших душах и сердцах. Изменить то, что было, невозможно, но нужно сохранить память...».(3)

Пройдут годы, на смену нынешнему поколению придут другие, но установленные на берегах памятные кресты будут стоять, как скорбная память в назидание потомкам.

*На высоком бугре
Вырос крест на заре.
Черен он,
словно смоль,
В нем душевная боль.
У подножья его
Свечи плачут
навзрыд,
Тихо шепчут они:
«Здесь никто
не забыт».
Память чайкою
ввысь
Поднялась над рекой
И, уже не таясь,
под широким крылом
В небеса унеслась,
обретая покой.*

Список литературы:

1. С. Красильников. «Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы», Москва РОССПЭН 2003 г., с. 218–221.
2. В. Н. Макшеев «Нарымская хроника 1930–1945 (документы и воспоминания)», изд-во «Русский путь». Москва, 1997 г., с. 8–11.
3. «Прощение и память». По материалам проекта «Прощение и память». Томск – 2008 г.

**ГОРОДСКОЙ РАБОЧИЙ – КАК ОБЪЕКТ РЕПРЕССИЙ
ПО ПРИКАЗУ №00447 В 1937–1938 ГГ.
(на материалах Пермского государственного
архива новейшей истории)**

*А. Н. Кабацков, к.и.н., доцент кафедры культурологии
Пермского государственного института искусства и культуры*

В истории сталинских репрессий есть особые даты, к числу которых относится 1937 год. Этот год стал символом жестоких и бессмысленных массовых репрессий, направленных против самых разных категорий советских граждан. Среди тех, кто подвергся репрессиям, инициированным оперативным приказом № 00447 наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова от 30 июля 1937 года, оказались рабочие Прикамья. Из 7959 человек, о которых есть сведения в базах данных ГКБУ «Пермский государственный архив новейшей истории» (далее ПермГАНИ) – почти половина – 44,8% (3565 человек) по роду своей деятельности могут считаться рабочими. Это означает, что репрессиям подверглась социальная группа граждан, непосредственно занятых индустриальным строительством и развитием промышленного потенциала страны.

С учетом исторических реалий тех лет эта социальная группа была также основным социальным агентом процессов урбанизации. В тридцатые годы наблюдается активный рост социалистических городов, возникших в виде поселков вокруг промышленныхстроек, а затем, по мере запуска комбината или завода, превращавшихся в полноценные урбанистические поселения социалистического образца с развитой инфраструктурой и воспроизводством социальных групп, обслуживающих как промышленное производство, так и городскую среду.

Для Прикамья типичным таким городом можно считать Краснокамск, который вырос из нескольких рабочих поселков, возникших при строительстве бумкомбината. В 1933 г. поселки бумкомбината были переименованы в Краснокамск. Запуск в 1936 г. Закамской ТЭЦ и активное развитие нефтяных месторождений стали стимулом для роста новых трудпоселков и формирования крупной поселковой агломерации. Следует учитывать, что в 1930-х годах эти агломерации не могли считаться полноправными городами, так как не обладали единым культурным и территориальным пространством. В город, с его автономностью индивидуальной жизни и разделением социальных отношений на сферы

приватного и публичного, такие поселения могли превратиться лишь в послесталинскую эпоху, в годы хрущевского и брежневского жилищного строительства. Отметим, что не все поселковые агломерации Прикамья, назовем их социалистическими протогородами, смогли трансформироваться в социалистический город, каким он предстает перед исследователями в конце XX века. В качестве гипотезы можно рассматривать тезис о том, что репрессивная политика сталинского НКВД, направленная против рабочих, затормозила естественные процессы урбанизации поселений, исказила их формы и на десятилетия зафиксировала в стилях городской жизни модели «несвободного» мышления, или, как определяют это социологи, «негативной идентичности».

Вернемся к истории приказа №00447 и технологиям его реализации, сделавших возможным акцентированное направление работы «машины репрессий» против рабочего класса. В самом тексте приказа рабочие в качестве объекта репрессий не упоминаются. Главным объектом репрессивной кампании были объявлены кулаки и разрозненные группы контрреволюционных элементов. Вместе с тем, в приказе была четко расписана технология арестов. Приказывалось составить списки выявленных врагов, классифицировать их на 1-ю и 2-ю категорию. Арестованные по 1-й категории подлежали расстрелу, как лица наиболее враждебно настроенные против советской власти. Лица, подпадающие под 2-ю категорию, должны были быть приговорены к заключению в лагеря на 8 или 10 лет. Для Свердловской области, в состав которой в 1937 году входила территория Прикамья, было запланировано к аресту 4000 человек по первой категории и 6000 по второй. Методы реализации приказа изначально были ориентированы на ускоренное следствие и судопроизводство. Для вынесения приговоров учреждалась Особая тройка при УНКВД Свердловской области, которая должна была рассматривать материалы следствия и выносить приговоры в ускоренном, внесудебном порядке.

Материалы архивно-следственных дел, хранящиеся в фондах ПермГАНИ, позволяют взглянуть не подоплеку репрессий, проникнуть за шаблоны формуляров и отчетов, направлявшихся местными органами НКВД в Свердловское управление, а оттуда поступавших в Москву в виде сухих цифр массовых арестов и расстрелов.

Благодаря материалам, собранным в единую компьютерную базу данных об арестованных в 1937–1938 гг. сотрудниками ПермГАНИ, можно подсчитать, что к началу зимы органами НКВД на территории Прикамья было арестовано 5097 человек. В августе местные органы НКВД арестовали 2062 человека, в сентябре 694 человека, в октябре 1969 человек, а в ноябре было оформлено в качестве арестованных 372 человека. При этом доля рабочих в этих группах арестованных колеблется в пределах 25–33%.

В декабре 1937 года картина меняется. Среди 1355 человек, оформленных в качестве арестованных в декабре 1937 года, 72% составляли люди рабочих профессий, что вдвое превышало предшествующие цифры арестов, относящихся к данной социальной группе жителей Прикамья. В январе интенсификация арестов в рабочей среде продолжалась: из 855 репрессированных 681 человек (79,6% от числа арестованных в этом месяце) были рабочими.

Насколько позволяют оценить ситуацию осени 1937 года материалы архивно-следственных дел арестованных, целевых приказов из УНКВД по Свердловской области в отношении целевых арестов рабочих не поступало. В ориентировках из Управления НКВД сообщались плановые нормативы «операции» и темы «признаний» арестованных, которых следовало добиваться оперуполномоченным на местах.

Бывший в декабре 1937 года заместителем начальника Пермского горотдела НКВД Василий Иванович Былкин, позднее, будучи уже арестованным в 1939 году, вспоминал на допросе: «...По кулацким делам я был следующим образом ориентирован со стороны Леоцкого (начальник ГО НКВД. – А.К.) и Управления НКВД: Если кулаки прибыли на Урал от западных границ, то от них надо, главным образом, добиваться признаний о шпионаже в пользу Польши и Румынии. Если же кулаки прибыли на Урал из Татарии, то с них надо было добиваться признаний о их связях с японской разведкой. Помню, Управление НКВД ориентировало Горотделы протоколом, полученным у какого-то татарина (фамилию не помню). Из этого протокола было видно, что в Харбине под руководством быв. уральских торговцев Тафуровых действует националистический татарский центр, который в Казань и в районы кулацких ссылок (татарских) засылает агентуру для организации повстанческих ячеек».

Подобных расплывчатых указаний о националистической повстанческой организации было достаточно для Пермского ГО НКВД для проведения серии арестов в г. Краснокамске среди татар, переселенцев из ТАССР.

В рамках целевой «Краснокамской операции» за декабрь-январь 1937–1938 гг. было арестовано более 500 человек. К операции привлекались сотрудники Особого отдела 82-й стрелковой дивизии. Благодаря выписке из протокола допроса А. М. Аликина у нас есть возможность познакомиться более подробно с тем, как проводили аресты в Краснокамске особысты 82-й дивизии. Ордера на обыск, постановление об аресте выписывать было некогда, да и не считались важными эти бумаги в ситуации спешки, которая постоянно проглядывает во всех процедурах организации «Краснокамской операции». Ворвавшись в бараки, где проживали трудпоселенцы, они арестовывали людей, «группировали их на грузовых автомашинах и партиями в 50–60 человек направляли на вокзал, где их должны были ожидать направленные в Краснокамск железнодорожные вагоны».

Аресты проводились в период новогодних праздников (31.12.1937–1.01.1938), что привело к незапланированной публичности: «Пока арестованные татары группировались на грузовых автомашинах, – описывал детали операции Аликин, – их семьи, родственники и знакомые толпами собирались у стоянки автомашин, женщины и дети плакали, а некоторые мужчины высказывали явное недовольство совершаемым произволом... Затем, когда автомашины с арестованными татарами направлялись к вокзалу, толпы, их окружавшие, двигались за ними в том же направлении, увлекая за собой других».

Для проводивших операцию оперуполномоченных, работников НКВД, оформлявших затем материалы следственных дел – начальника 4-го отдела Пермского ГО НКВД М. А. Тюрина, заместителя начальника Пермского ГО НКВД В. И. Былкина, начальника Особого отдела 82-й стрелковой дивизии Ф. П. Мозжерина и др., национальность или статус трудпоселенца у арестованных играли второстепенное значение.

Технология реализации репрессивного приказа №00447 была отлажена для выполнения плановых показателей, оптимизирована с целью исключения социально-личностных признаков людей, подвергнутых арестам. Объединение арестованных в повстанческие подразделения контрреволюционных организаций происходило механически. Реальных показаний от арестованного о его социальных связях, контрреволюционных разговорах с товарищами по работе, знакомыми к декабрю 1937 года, следователям было не нужно.

В августе-сентябре, в начале операции, когда следователи еще не осознали, что от них требуется, настойчиво вписывали в протоколы допроса подробные сведения: с кем арестованный вел контрреволюционные разговоры, с кем он общался на антисоветские темы, т.е. конструировали «повстанческие организации» на основе реальной социальной жизни арестованных.

В ходе операции по приказу №00447 выяснилось, что качество работы следователя оценивается по новым стандартам. Ключевую роль играла скорость получения «признательных показаний», для оформления которых даже не всегда была нужна личная подпись арестованного. «Достоверность» контрреволюционной деятельности арестованного стала избличаться на основе его внеличностных социокультурных характеристик. Именно поэтому социально-профессиональные параметры такой группы, как рабочий класс, стали играть важную роль в ориентировании репрессивных действий против тех, кто трудился на предприятиях, стройках или в горнозаводских шахтах производственных центров Прикамья.

Износ оборудования на предприятиях, работавших в период «стахановских кампаний» фактически «на износ», без плановых ремонтов, для которых далеко не всегда были ресурсы и запчасти, создавал багаж

обвинений в диверсиях в отношении рабочих. Каждый третий приговор квалифицированного рабочего содержал обвинения в диверсиях, вредительстве и терроре. Эти обвинения считались более серьезными и по ним, как правило, выносились более суровые приговоры, чем за антисоветскую агитацию или соучастие.

Качественная работа следователей в оценках руководства определялась «серьезностью» обвинений, выдвинутых против разоблаченных «врагов народа». Добавим сюда лимиты по количеству арестов, которые изначально превышали ресурсы «накопленных» в ходе агентурной работы материалов, а затем в ходе кампании стали дополняться новыми, более высокими цифрами и указаниями областного и союзного начальства. Применявшиеся сотрудниками НКВД различные варианты «конвейерной обработки арестованных», в ходе которых из людей «выбивались» подписи под заранее составленные изобличающие показания, воспринимались как «совершенствование» системы работы органов в новых условиях.

Безразличие к социальному прошлому людей, волею случая и произвола НКВД оказавшихся под арестом, демонстрирует один из казусов репрессивной кампании в Прикамье.

Следственные документы по делу Идриса Аюпова немногочисленны. В протоколе его первого допроса от 8 января 1938 года в анкетных данных указано, что по социальному происхождению он кулак, а по национальности – татарин. Сам протокол допроса содержит лишь один вопрос и один ответ:

«Вопрос: Вы арестованы как участник диверсионно-повстанческой организации. Признаете Вы себя в этом виновным?»

Ответ: Да, признаю. Ибо я, будучи завербован в 1936 году агентом японской разведки Абатуровым Галлеем и по его заданию в июле м-це 1937 года, вывел из строя три машины эл. мотора в цехе №10 бумкомбината путем заброски в него металлических [неразборчиво. – А.К.]. Работал я в то время в цехе №10 в качестве эл. монтера».

Из-за неизвестных нам коллизий следственное дело было возвращено на доследование. В результате более подробных материалов сентябрьского, а затем октябрьского допросов 1938 года можно узнать, что Аюпов Идрис попал на Урал в ходе кампании раскулачивания 1930-х годов. На Краснокамском бумкомбинате он никогда не работал. Электромонтером не был. А работал в одном из поселков Краснокамска ассенизатором на собственной лошади.

Переквалификация из разнорабочего в профессионального электромонтера произошла благодаря следователю, выполнявшему указания начальства по разоблачению диверсионной группы на Краснокамском бумкомбинате и вполне осознававшему, что от него требуется в этой работе сделать и как оформить арестованного. Получить подпись под

первым протоколом допроса следователю помогла неграмотность арестованного. Зачитав ему иной вопрос и «якобы» записав ответ, что к советской власти Аюпов Идрис относится хорошо, он получил подпись под бумагой с «признательными» показаниями.

Подведем итоги. В ходе описываемой массовой кампании репрессий, инициированной органами НКВД по оперативному приказу №00447, произошло оформление новых моделей работы следователей НКВД по «разоблачению» контрреволюционных и повстанческих организаций и диверсионных групп. В результате обезличивания персонажа арестованного объектом репрессий стали рабочие. Компактное проживание в трудпоселках промышленных предприятий, типичность их социальной жизни в общностях городского типа (социалистических протогородах) превратили их в социальный объект для массовых репрессий. Вполне вероятно, что репрессивные кампании против рабочих приостановили и повернули вспять процессы социалистической урбанизации и социальной интеграции бывших крестьян в рабочий класс. Сохранив тем самым в социалистических поселениях социальный уклад, более пригодный для реализации тоталитарных практик, чем социально автономные, культурно дифференцированные жизненные миры индустриального города.

ЖАЛОБЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРАВ В ПОЗДНЮЮ СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ *

А. С. Кимерлинг, к.и.н., доцент, руководитель лаборатории изучения истории советской повседневности, НИУ Высшая Школа Экономики

Письма во власть были особым значимым явлением советской действительности. У них было как минимум четыре функции. Во-первых, они были своего рода проявлением демократического права населения на участие в управлении государством и права на правосудие.

Возникновение института жалоб связано с особенностью тоталитарных режимов: на благополучие чиновника влияют не результаты его деятельности, а отношение вышестоящего начальника. С одной стороны, это приводит к лести и угодничеству, а с другой – к составлению таких отчетов о проделанной работе, которые бы не разгневали вышестоящих. Поэтому чиновники на местах чаще всего посылают вверх ту информацию, которую ждет от них начальство, а не ту, которая отражает реальное состояние дел. Но при этом власти не могут оставаться без достоверной информации хотя бы потому, что это создает угрозу для них самих. Поэтому правительство поощряет жалобы и наказывает за доносительство. Так что второй функцией жалоб было обеспечение обратной связи с властью.

В-третьих, «жалобы трудящихся» позволяли в нужный момент использовать их в политических кампаниях, задуманных властями, в качестве повода для репрессий.

В-четвертых, в сталинскую эпоху письма в различные инстанции становятся важнейшей формой идентификации с властью. Традиционные ценности постепенно отмирают или попадают под прямой запрет. Общество рвет социальные связи, и одинокий человек ищет прибежище у власти. Она единственный гарант стабильности в меняющемся мире, воплощение порядка и безопасности, источник всяческих благ. И особую роль здесь, конечно, играли жалобы самому Иосифу Сталину. Е. Зубкова пишет: «Письма вождям – это еще и последняя попытка вырваться из заколдованного круга повседневности... Некоторые сразу апеллировали к верховной власти, заранее убежденные, что на местах они не найдут понимания» [1, 173].

Жалобы имели разную форму, могли быть устными и письменными, очными и заочными, с подписью и анонимными, индивидуальными

и коллективными. Партийные и государственные инстанции обязаны были реагировать на каждую «жалобу» или «критическое замечание». На предприятиях и в учреждениях существовали специальные журналы, где жалобы учитывались. Факты подлежали расследованию в четко установленные сроки.

Если речь шла о членах ВКП(б), «письма и жалобы» рассматривались на партийных собраниях, виноватым выносили партийные взыскания, намечался план исправления недостатков. Вне зависимости от того, подтверждались факты или нет, заявитель имел право на ответ. Он давался инстанцией, которой касалась жалоба, и имел формальное содержание: сообщал, подтвердились ли факты, изложенные в жалобе, затем речь шла о принятых мерах. Ответ мог быть либо письменным, либо устным, если была возможность вызвать автора в соответствующую инстанцию.

Если жалоба поступала в редакцию газеты, то ее могли опубликовать под рубрикой «Письма в редакцию» или в обзоре писем, или отослать как неопубликованную корреспонденцию в упомянутую в жалобе инстанцию для принятия мер и ответа. В любом случае организация, которая подвергалась «критике трудящихся», должна была отреагировать. Редакции газеты вменялось в обязанность проследить за скорейшим исправлением отмеченных недостатков или наказанием виновных. В течение двух-трех месяцев в газете появлялся отчет редакции в рубрике «По следам наших выступлений».

Жалобы как явление становятся частью культуры доноительства, которая переживала расцвет в сталинскую эпоху.

В сталинскую эпоху слово «донос» бытовало только в обыденном языке. Общественная мораль XX века по-прежнему осуждала доноительство. Казенный язык предпочитал заменять глагол «доносить» другими терминами: «сигнализировать», «сообщать», «доводить до сведения», «разоблачать» и т.п.

Наиболее активно жалобы поступали в органы власти в периоды развертывания политических кампаний. Государство находило нового врага, и граждане тут же начинали проявлять бдительность и искать этого врага на своей территории. Именно на разоблачения была направлена активность масс во время политических кампаний. Это позволяло людям выплеснуть накопившееся недовольство. Так было и в начале 1953 г., когда в качестве врага были определены медики – убийцы в белом халате, и одновременно евреи – безродные космополиты. Но не только медики и евреи стали жертвами этой кампании. Начальники всех рангов оказались в опасности.

Местные газеты исправно перепечатывали передовицы из «Правды», которые призывали быть бдительными. Письма, жалобы и заявления трудящихся огромным потоком хлынули в различные инстанции.

Характер их далеко не всегда соответствовал характеру кампании, но призыв к бдительности не остался без ответа. Люди писали о том, что им ближе. О проблемах на своих предприятиях, о непосредственных начальниках. Значительным оставалось и количество чисто бытовых жалоб. Однако во время политической кампании в начале 1953 г. критика начальников начинала преобладать. Интересны данные, приведенные в одном из отчетов Кунгурского горкома партии за 11 апреля 1953 г.: «Количество жалоб ... значительно увеличилось... За три месяца 1952 г. – 76 жалоб, за три месяца 1953 г. – 103. Изменился и характер жалоб. Если раньше больше было по квартирным вопросам, то теперь больше сигнализируют о беспорядках на предприятиях и учреждениях» [2, 16].

Во всяком случае, именно во время политических кампаний возрастает вероятность того, что жалоба получит необходимый ее автору отклик. Так случилось с директором завода торгового машиностроения «Механолит» Ф. Л. Суловым. Начиная с 1950 года на него писали доносы, однако Кагановический райком и Молотовский горком защищали его от нападок. «Дело врачей» не позволяло прощать покровительство неблагонадежным лицам. 23 января 1953 г. бюро Молотовского обкома выносит постановление: «За злоупотребление правами единоначальника, нарушение государственной дисциплины, ротозейство, за отрыв от масс, игнорирование партийной организации и неправильное отношение к критике т. Сулова Ф.Л. с работы директора завода «Механолит» снять и объявить ему строгий выговор с занесением в учетную карточку» [3, 73].

После смерти Сталина политическая кампания «дело врачей» постепенно сошла на нет. И к концу 1953 года тематика и интенсивность жалоб вернулись в свои обычные рамки. Без идеологического давления из центра местная бюрократическая система, действуя по корпоративному принципу, сумела остановить невыгодные для нее потоки жалоб и выйти из-под огня критики.

Литература:

1. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. – М., 1999.
2. Отчет о ведении секретного и простого делопроизводства в Кунгурском ГК КПСС. 11/IV-1953.// ПермГАНИ. Ф. 158. Оп. 21. Д. 13.
3. Протокол заседания бюро Молотовского обкома 23.01.1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 29.

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ ПЕРМЯКОВ И ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ *

*О. В. Лысенко, к. социол. н., доцент кафедры культурологии
Пермского государственного педагогического университета*

Однажды, пару лет назад, навещая одного хорошего знакомого, проживавшего на северо-востоке Пермского края, я получил от него приглашение ознакомиться с одной из местных достопримечательностей. Речь шла о Широковском водохранилище, точнее – о его дамбе, своеобразном памятнике ГУЛАГа. Мой знакомый увлеченно рассказывал, как вручную сооружали это циклопическое сооружение, сколько при этом погибло заключенных и трудармейцев, показывал памятник погибшим калмыкам-фронтовикам. Обычный рассказ, один из десятков, услышанных в разных районах региона. Такими рассказами пропитана история всей страны.

В июне 2012 года мне вновь довелось побывать в г. Губахе, вблизи которого и расположена Широковская ГЭС. На этот раз – для проведения серии фокус-групп, направленных на изучение представлений о культуре и культурной политике. И тема репрессий всплыла вновь, правда, в совершенно ином ракурсе. Практически на всех групповых интервью респонденты, рассуждая о культурных символах района, несколько раз подробно и обстоятельно обсуждали, почему нельзя вспоминать лагерное прошлое этих мест. «Прошлое ворошить не надо» – такой вердикт был получен и от бюджетников, и от пенсионеров, и от рабочих.

Два примера, два мнения. Их несоответствие приводит к ряду интересных для социолога исследовательских проблем. Какое из них более адекватно отражает установки массового сознания относительно истории сталинских репрессий? Насколько история лагерей и ссылок (и давняя, и относительно современная) способна участвовать в формировании образа региона в сознании его жителей? И вообще, какое место занимают репрессии в современном массовом сознании, в том числе на региональном уровне? Ответы представляются не столь простыми, как это может показаться с первого взгляда.

Прежде всего с тюрьмами, лагерями и ссыльными пермская история связана на уровне повседневности. В топонимике городов и районов (преимущественно народной) они присутствуют десятками и сот-

нями. Например, в пермском микрорайоне Гайва отдельные его части самими жителями до сих пор именуются «зонами», сохраняя память о лагерях заключенных и военнопленных, строивших Камскую ГЭС. «Сталинские» дома, построенные сразу после войны, жители до сих пор связывают с немецкими военнопленными, вплоть до пересказов легенд о скелетах икладах. В именных списках жителей Губахи, Лысьвы, Березников и Соликамска, равно как и десятков других городских поселений края, наблюдается великолепная мешанина из немецких, дагестанских, украинских, польских и прочих фамилий, намекая на волны принудительных миграций начиная с XVIII века и заканчивая серединой века XX. Тюремно-лагерное прошлое живет в семейных историях, деревенских преданиях, изысканиях краеведов и даже в кладбищенских надгробиях.

Однако эти пласты памяти извлекаются для публичного употребления очень избирательно. С одной стороны, в образ региона устойчиво входит представление о Перми, как месте бегства от государства («Мы – край кержаков!»), вольных людей, ссыльных («Пермяки не верят пришлым, себе на уме»). Этим чуть ли не гордятся. С другой стороны, в массовом сознании жителя Пермского края тема советского лагерного прошлого, оказывается, чаще всего табуирована. Если рассказы о знаменитых ссыльных царских времен (А. Сперанском, А. Герцене, В. Короленко) занимают достаточно видное место в массовом образе Перми, то советское лагерное прошлое оказывается чудесным образом заблокированным иными напластованиями культуры. И никакие форумы «Пилорамы» пока не в состоянии сломать эти представления. Десятки районных и поселенческих музеев готовы рассказывать о Сибирском тракте, по которому шли каторжане, но практически никто не рассказывает о раскулачивании. Едва ли не каждая территория Пермского края лезет из кожи вон, чтобы придумать свою отличительную особенность в рамках проекта «Пермский край – территория культуры», но только Красновишерск поднимает тему лагерей, да и то, пожалуй, только благодаря В. Шаламову. В Гайнах три зала отведены под экспозицию, посвященную Героям Социалистического Труда, и нет ни одного экспоната, посвященного спецпоселенцам, которых в Коми-Пермяцком округе было огромное количество. Дело доходит до смешного. Даже в уважаемом музее «Пермь-36» экспонаты, характеризующие лагерный быт (одежда, предметы утвари и лагерного обустройства), привезены в основном с Колымы, хотя в Пермском крае огромное количество заброшенных зон и лагерей 40–50-х гг.

Объяснение этого явления вряд ли будет уникальным. По большому счету, нечто подобное происходит и в массовом сознании всех россиян, с теми или иными вариациями. В разговорах респондентов фокус-групп, в дискуссиях на политические темы в студенческих ауди-

ториях, в беседах с работниками культуры и учителями выстраивается следующая картина. В рамках широкого информационного поля (телевидение, Интернет, федеральная пресса) ведут борьбу две точки зрения, два лагеря противников – сторонники десталинизации, олицетворяемые Н. Сванидзе и некоторыми правозащитниками, с одной стороны, и сторонники «Великой России», олицетворяемые, например, В. Мединским и С. Кургиняном, с другой. Обе стороны стремятся добиться распространения своего мнения на более широкую аудиторию. Однако было бы наивно полагать, что для этого достаточно просто обратиться к людям напрямую с телеэкранов или со страниц прессы. Информационный посыл обеих сторон, так или иначе, сталкивается с установками массового сознания. А эти установки формируются благодаря разным факторам. И одним из важнейших является наличие проводников идей на уровне педагогов, работников культуры и библиотек.

Думается, если бы основная масса так называемой интеллигенции пожелала бы встать на сторону сторонников десталинизации, то хватило бы 10–20 лет, чтобы общество само потребовало переименовать улицы, придать новый смысл памятникам красным героям (например, памятники жертвам Гражданской войны с обеих сторон) и начать работы по увековечению памяти жертв репрессий. Пока же мы наблюдаем иную картину. Да, есть семейная история, в которой присутствуют в том числе и репрессии. Но ее перебивает более мощная и влиятельная установка, причем скорее стилистическая, нежели идеологическая, которая не позволяет знанию о репрессиях стать фактом поведения. Она формируется теми же самыми музеями, в которых 30-е гг. есть время «битвы за хлеб» во имя будущей победы, а не катастрофа коллективизации, названиями улиц – на треть из имен революционеров и чекистов, «патриотическим» телевидением, в котором бравые смершевцы разоблачают вражеских агентов, школьными учебниками, где на репрессии отводится 2 абзаца. Лишь малая часть общества готова встать на ту или иную сторону в этом споре. Основная же масса людей просто бежит от этого выбора, предпочитая «славную историю», в которой мирно уживаются и «эффективный менеджер Сталин», и герои «шарашек», и даже А.И. Солженицын – ведь и он составляет славу русской литературы (как никак нобелевский лауреат!). В этой комиксной по сути культуре всему найдется место. Всему, кроме правды.

«МОГИЛА ДЛЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРОВ»: ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО БАТАЛЬОНА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В КИЗЕЛЕ

*М. Г. Нечаев, к.и.н., доцент кафедры государственного управления
и истории гуманитарного факультета Пермского национального ис-
следовательского политехнического университета*

Об истории советской пенитенциарной системы долгое время можно было узнать лишь из специальных изданий для служебного пользования. Однако за последние более чем двадцать лет отечественные исследователи сделали многое в изучении «белых пятен» в истории. Тем не менее события 1918 года, когда были заложены основы советской пенитенциарной системы, до сих пор мало изучены в этом аспекте.

В 1917–1918 гг. еще не была разработана даже концепция строительства советской пенитенциарной системы. Это выразилось в отсутствии системы правовых актов центральной власти, регулировавших её функционирование и значительной роли местного правотворчества¹.

Обычно считается, что началом истории советских лагерей является постановление ВЦИК от 15 апреля 1919 года «О лагерях принудительных работ»². Согласно этому постановлению заключению в лагерях принудительных работ подлежали те лица и категории лиц, относительно которых состоялись постановления Отделов Управления Чрезвычайных Комиссий, Революционных Трибуналов, Народных Судов и других Советских Органов, коим предоставлено это право декретами и распоряжениями³. 17 мая 1919 г. вышел декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ», в котором подробнейшим образом детализировались вопросы, связанные с организацией лагерей⁴.

Однако на Востоке России, в том числе и в Пермской губернии, данный вопрос был настолько актуальным, что требовал немедленных решений. На Омском съезде комиссаров юстиции Западной Сибири и Урала в мае 1918 г. был принят ряд положений нормативного характера. Их авторы предлагали заменить тюрьмы рабочими домами. Основным методом воздействия на заключённых в таких домах должно стать, по мнению авторов, нравственное воспитание⁵.

Уже 14 февраля 1918 г. в Пермской губернии была начата организация тюремных рабочих команд⁶. 14 августа 1918 г. постановлением Пермского военно-революционного комитета привлекались к обязатель-

ной трудовой повинности лица 18–45 лет, по своему социальному положению не подлежащие призыву на военную службу. К этой категории были отнесены те, кто живёт на «нетрудовые» доходы (проценты с капитала, поступления с имущества); лица, использующие наёмный труд для получения прибыли, члены правлений и служащие акционерных обществ и компаний, а также целый ряд «бывших»⁷.

Советская Россия остро нуждалась в кизеловском угле. Донбасс был на Украине, где находились немцы, подмосковный бурый уголь не везде можно было использовать. На четвертом районном съезде профессиональных союзов Кизеловского Угольного Треста, состоявшемся 15–17 августа 1918 г. в Кизеле (на съезде присутствовало 84 человека от профессиональных организации и Деловых Советов, а также выбранные на Общих собраниях рабочих различных предприятий и других организаций), было особо отмечено, что в настоящее время «Кизеловский округ является только одним источником, откуда подается каменный уголь, наша обязанность напрячь все силы свои, дабы добыть угля как можно больше»⁸.

В то же время в 1918 г. добыча угля сократилась в период с января до конца августа. Так, в Коршуновской копи за этот период добыли 3 484 305 пудов угля, а в 1917 г. за это же время 4 976 926 пудов, в Княгининской копи 3 126 150 пудов, а в 1917 г. за это время 3 945 465 пудов⁹. Главная причина сокращения добычи была нехватка рабочих рук. Однако были и другие причины, например «неаккуратные выходы на работу»¹⁰.

Летом 1918 г. после приезда чрезвычайной комиссии во главе с областным комиссаром В.Н. Андрониковым было созвано собрание Княжеской, Коршуновской, Княгининской копей и представителей завода, на котором была принята резолюция: «Общее собрание рабочих, заслушав доклад т. Комиссара Андроникова и других, признавая всю серьезность момента и задачи, лежащей на них, постановляет: все свои силы направить к тому, чтобы поднять производительность и усилить добычу угля, все стремления помочь нам мы, рабочие, приветствуем и со своей стороны даем обещание идти навстречу этому и дать больше угля. Пусть мы рабочие на местах и наши выборные товарищи, идя рука об руку, упорным трудом закрепим власть за Советом»¹¹.

В Кизеловские копи отправляли даже провинившихся коммунистов. Так, «постановлением президиума областного комитета коммунистов» был исключен из партии «сроком на два месяца за пьянство» гражданин Типикин и отправлен в Кизеловские копи в распоряжение Кизеловского комитета РКП(б). Президиум Областного Комитета просил принять Кизеловский комитет РКП Типикина «под свое наблюдение» и по истечении 2-х месяцев сообщить о результатах наблюдения»¹².

Еще в годы Первой мировой войны лишённые свободы привлекались к добыче угля в Кизеловских копиях. В 1915 г. из числа заключенных был

организован так называемый Кизеловский арестантский рабочий отряд для добычи угля в копях князя С. С. Абамелек-Лазарева. В начале ноября 1915 г. в Кизеловском отряде числились 435 заключенных¹³. Здесь, в том числе, применялся труд военнопленных из Австро-Венгерской армии на различных, в том числе тяжелых, физических работах¹⁴. К маю 1916 г. в Пермской губернии трудилось 47018 военнопленных иностранцев, в том числе 35 230 чел. – в частной промышленности, 5 079 чел. – на казенных объектах, 3 650 чел. – на железнодорожных, 2 303 чел. – в аграрном секторе, 480 чел. – на работах местных самоуправлений и 276 чел. – на прочих¹⁵.

Из воспоминаний участника Гражданской войны А. А. Рудженец можно сделать вывод, что охраняла копи военная команда: «Состав этой команды в большинстве своем был из солдат, которые были уже на фронте и находились на выздоровлении, но начальником команды был кадровик подпоручик, точно я его не понял, каких он был политических убеждений, монархист или кадет <...> Начальник команды меня заподозрил в большевистской агитации и отправил меня в полк обратно в Екатеринбург, как вредного элемента»¹⁶. Далее он пишет, что по прибытии вторично в Кизел в конце сентября 1917 г.: «Мной сразу же было приступлено к организации командного комитета и на общем собрании солдат нашей команды (каковая была численностью более 200 человек), я был избран председателем командного комитета»¹⁷.

Пермский и вятский исследователи, соответственно, священник Алексей Гоголев и Е.В. Кустова среди материалов Кизеловского краеведческого музея обнаружили в воспоминаниях А.А. Калашникова, П.С. Михалева, С.П. Косарева, А.Н. Таныгиной неоднократные и подробные упоминания о «Кизеловском концлагере»¹⁸. Так, А.А. Калашников утверждал, что «Кизеловский концлагерь» – могила для контрреволюционеров, попов, эсеров и меньшевиков всего Урала»¹⁹. Житель Кизеловского завода П.С. Михалев вспоминал об узниках концлагеря: «Каждый день рано утром и поздно вечером, сквозь проволочную изгородь, громяхая кандалами, шли вверх и вниз по четыре человека толпы людей. Голова у них была обрита наполовину, а на спине одежды, если так можно назвать, был накрашен червонный туз, на ногах цепи. Там, наверху, под охраной они спускались в специально для них пробуренный шурф и попадали в забои Старо-Коршуновской штольни. Тяжелая и изнуряющая работа, потом подъем и медленное усталое шествие сквозь колючую проволоку вниз, снова в тюрьму, которая представляла собой 5–6 деревянных бараков по 70–80 мест каждый. В них стояли двухъярусные нары с соломенной подстилкой, она не менялась и гнила под ними, тут же сушилась мокрая одежда и портянки»²⁰.

Однако название «Кизеловский концлагерь» является, скорей всего, парадоксом «исторической памяти». Точное название можно узнать из

официальных сохранившихся бумаг – «Рабочий батальон принудительных работ при Ленинских копиях». Заведующий рабочим батальоном принудительных работ при Ленинских копиях Шнейдер 29 ноября 1918 г. обращается в «Кизеловский комитет партии коммунистов (большевиков)» с запиской: «В связи с все увеличивающимся количеством арестованных при вверенном мне батальоне – увеличивается и количество работы у администрации тюремным батальоном, что с открытием тюрем в Губахе и Половинке, общее наблюдение за которыми возложено только на меня, с одним помощником нет возможности управиться со всей массой работы на месте и я до сего времени не имел возможности лично проверить, как эти тюрьмы функционируют, а потому прошу о назначении мне еще одного помощника и, если можно, заменить т. Косякова, не выполняющего соответствующего своему назначению труду, более активным работником»²¹.

В своих воспоминаниях Н. Н. Никитин, который был в 1918 г. комиссаром труда Кизеловских копей, а в момент наступления колчаковцев на Кизел начальником эвакуации Кизела, позднее назначен комиссаром отряда по охране ценностей и эвакуации этих ценностей в Вятку²², пишет: «На меня, как на комиссара труда, была возложена ответственность усилить добычу и погрузку угля в вагоны силами арестованных-заложников, антисоветских элементов и других тунеядцев – 600 человек, которые были присланы к нам в Кизел на работу из разных больших городов по лозунгу «Кто не работает, тот не ест»²³. Причем именно этот отрывок не вошел в сборник документов о гражданской войне «В пороховом дыму»²⁴.

Таким образом, в Кизеле, Губахе и Половинке в период приблизительно с сентября до начала декабря (5–6 декабря) 1918 года функционировал «Рабочий батальон принудительных работ», где более 600 человек выполняли различные работы.

В связи с этим очень важен социальный состав арестованных и сильно мобилизованных в «Рабочий батальон». Согласно документальным источникам основу «Рабочего батальона» составляли заложники. При использовании системы заложничества в годы Гражданской войны, в первую очередь страдали уважаемые и известные многим люди. Так, Революционный штаб Уральской области, организованный в Екатеринбург после первых же известий о вооруженном выступлении Чехословацкого корпуса, 30 мая 1918 г. арестовал целый ряд лиц в качестве заложников. В приказе Революционного штаба по этому поводу говорилось следующее: «При контрреволюционном выступлении заложники будут расстреляны в первую очередь»²⁵.

В начале июня в Перми по обвинению в выступлениях против советской власти были арестованы 38 человек. В июле Пермская ЧК арестовала более 80 заложников. Некоторые из арестованных, после взятия с них

подписки о невыезде и обязательства не вести агитацию против советской власти, были освобождены. Однако, как правило, их вновь арестовывали. Уже в августе Пермская ЧК подвергла аресту 144 человека²⁶.

В ответ на убийство Урицкого и покушение на Ленина в Перми было расстреляно 42 заложника, в Кунгуре – 29²⁷. В Оханске были взяты на учет «неблагонадежные элементы» – 50 человек. С приездом Ровинского из Екатеринбурга в Оханск с полномочиями Уральской ЧК все взятые на учет были арестованы, проведено следствие в течение 5 дней и все 50 человек по постановлению ЧК и с санкции Совета были приговорены к расстрелу²⁸. Нарком внутренних дел Г. И. Петровский издал в сентябре 1918 г. следующий приказ: «Из буржуазии и офицерства должны быть немедленно взяты значительные количества заложников. При малейшей попытке сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел. Местные Губисполкомы должны проявлять в этом отношении особую инициативу»²⁹.

Среди заложников было много священнослужителей, а Кизеловский «Рабочий батальон» «прославился» именно тем, что туда посылали чаще всего монашествующих и послушников из монастырей со всего Урала.

24 августа 1918 г. VIII отдел при Народном комиссариате юстиции (руководил им П.А. Красиков) опубликовал имеющую силу закона инструкцию «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Все мероприятия необходимо было провести за два месяца со дня опубликования этого документа³⁰. В сентябре началась реализация декрета, которая сопровождалась в том числе национализацией церковно-монастырской земли, свечных заводов и монастырских кустарных мастерских, жилых и торговых помещений, а также всех церковных капиталов. Например, в Кизеле на заседании «совета партии коммунистов» от 19 ноября 1918 г. А. Я. Лоскутов доложил, что в церкви имеется 22 тыс. рублей, а также золотые и серебряные вещи. В результате: «Постановили: деньги сдать в финансовый отдел для Комиссариата просвещения, а весь инвентарь взять на учет, то есть золотые и серебряные вещи»³¹.

На Урале началась ликвидация монастырей. 21 сентября 1918 г. в Вятке был ликвидирован Успенский мужской Трифонов монастырь. Тогда же, в сентябре 1918 г., иноки монастыря (по штату 1917 г. в число братии входило 15 иеромонахов, монахов и послушников) были арестованы. Их отправили в Кизел в «Рабочий батальон»³².

26–27 октября 1918 г. разгрому подвергся весь монастырский комплекс Белогорского Свято-Николаевского мужского монастыря, самого крупного в Пермской епархии, прозванного Уральским Афоном. Всё монастырское имущество было конфисковано³³. Расстреляли 36 человек. Монахи были брошены в ямы и залиты нечистотами. 28 октября 1918 г. в

Пермь под конвоем доставили 102 белогорских насельника, мобилизованных для принудительных работ. Их также отправили в Кизел. 10 ноября 1918 г. по постановлению исполкома Чердынского уездного совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов Богословский женский монастырь был закрыт, а на монастырской даче устроена детская колония, при которой монахиням удалось остаться в качестве обслуживающего персонала³⁴. Около 6 монахинь в свою очередь были этапированы в Кизел. Таким образом, численность монашествующих и послушников в «Рабочем батальоне» принудительных работ в Кизеле составляло более 120 из общего количества в 600 человек.

Естественно, такое большое количество монашествующих, послушников и священнослужителей, работавших на угольных копях, не могло не поразить воображение местных жителей и пройти бесследно в исторической памяти Кизела. Об этом свидетельствует стихотворение «Шахтеры попы», написанное И.Г. Давыдовым и опубликованное 3 ноября 1918 г. в журнале Кизеловского комитета РКП (б) «Горняк»³⁵:

*На солнце глазами сверкая, под звуки заводских гудков.
На улице грязь разминая, проходил полк попов-гривачей.*

<...>

*Вот полк размещен по работам, последний гудок прогудев.
Берись за кирку иль лопату, забудь про кадило ты, поп!³⁶*

Была также сохранена фотография арестованного духовенства, работавшего в Кизеле в 1918 г. на шахте Княжеской (Ленина) на рытье траншеи к электростанции³⁷.

5 декабря 1918 г. началась эвакуация Кизела³⁸. Естественно, встал вопрос о судьбе «Рабочего батальона» в Кизеле. Надпись на найденной фотографии гласит о том, что 5 декабря 1918 г. перед эвакуацией большевистских учреждений из Кизела арестанты были сброшены в шурф Старо-Коршуновской штольни³⁹. Однако, по воспоминаниям А.Н. Таныгиной, следственная комиссия правительства Колчака, созданная «для установления и расследования преступных деяний, совершенных представителями советской власти и ее приверженцами», активно занималась поиском исчезнувших заключенных и обнаружила лишь 31 тело, которые были подняты на поверхность 24 декабря 1918 г.⁴⁰. Есть данные о том, что заключенных этапировали в Пермь, но до Перми они так и не дошли.

На основании имеющихся материалов можно сделать вывод о том, что «Рабочий батальон» принудительных работ в Кизеле являлся одним из первых по сути политических лагерей в истории советской пенитенциарной системы. Те принципы, которые стали впоследствии основополагающими в создании ГУЛАГа, были впервые реализованы в Кизеле в период с сентября до начала декабря 1918 г.

¹ См.: Рубинов М. В. Становление и развитие советской пенитенциарной системы 1918–1934 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2000. – С. 24.

² См.: Известия ВЦИК. 1919. 15 апреля.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Известия ВЦИК. 1919. 17 мая.

⁵ См.: Рубинов М. В. Указ соч. С. 24–25.

⁶ См.: Известия Пермского губисполкома. 1918. 21 января (3 февраля).

⁷ См.: Рубинов М. В. Указ. соч. С. 26–27.

⁸ Там же. Л. 1, 5.

⁹ Там же. Л. 14.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Д. 5. Л. 10.

¹² ПермГАНИ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 5. Л. 23–24.

¹³ См. Обухов Л.А. Кизеловский рабочий отряд заключенных//История сталинизма: репрессированная российская провинция. – М., 2011. С. 144.

¹⁴ Подробней об использовании труда военнопленных Первой мировой войны см.: Еремин И. А. Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 1. С. 259–263; Журбина Н. Е. Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 230–235; Иванов Ю. А. Военнопленные Первой мировой войны в российской провинции // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 100–105; Иконникова Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004; Копылов В. Р. Иностранцы трудящиеся в России в период нарастания революционного кризиса и Февральской революции (октябрь 1916 – март 1917 г.) // Общие закономерности и особенности развития России в период империализма. М. – Л., 1967. С. 61–69; Липина С.А. Использование труда военнопленных как попытка частичного возмещения трудовых ресурсов в дореволюционный период Первой мировой войны (по материалам Вятской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. С. 65–70; Нагорная О. В. Проблемы военного плена в восприятии власти и ответственности России в период Первой мировой войны // Юбилей России. 2005: историко-политологический альманах. Челябинск, 2005. С. 128–138; Ниманов И. Б. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 гг. в Поволжье: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2009; Он же Содержание и использование военнопленных в России в годы Первой мировой войны (август 1914–февраль 1917 г.) // История в культуре, культура в истории: материалы V Сафаргалиевских науч. чтений. Саранск, 2001. С. 187–199; Солнцева С. А. Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь 1917 г.) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 148–152; Суржикова Н. В. Военнопленные Первой мировой войны в Екатеринбурге и на Урале в 1914–1916 гг. (по материалам газеты «Уральская жизнь») // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VII Всерос. науч. конф.: в 2-х т. Екатеринбург, 2005. Т. 1. С. 252–263; Таскаев М. В. Военнопленные Тройственного Союза в Коми крае (1916–1919 гг.) // Участие жителей Коми края в войнах и вооруженных конфликтах (IX – начало XX века):

труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Сыктывкар, 2004. Вып. 1. С. 89–96.

¹⁵ Суржикова Н. В. Хозяйство под принуждением: организация труда военнопленных на Урале в 1914–1917 гг. // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов всероссийской научной конференции / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. С. 372.

¹⁶ ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 2. Д. 1205. Л.3 5.

¹⁷ Там же. Л. 36.

¹⁸ См.: Алексей (Гоголев), священник, Кустова Е.В. Судьба братии Успенского Трифонова монастыря в советское время // III Региональная церковно-научная конференция «Обретение святых» / Составитель: А. Балыбердин. – Киров: 2012. – С. 20–24.

¹⁹ Там же. С. 20.

²⁰ Там же. С. 20–21.

²¹ ПермГАНИ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 2. Л. 59–59 об.

²² Там же. Ф. 90. Оп. 2. Д. 976. Л. 6.

²³ Там же. Л. 10, 19.

²⁴ Никитин Н. И. Эвакуация // В пороховом дыму. – Пермь, 1961. – С. 97–101.

²⁵ Власть народа. – 1918. – №14. – 19 июня.

²⁶ См.: Обухов Л.А. Прикамье в годы революции и Гражданской войны // Прикамье. Век XX: Учебное пособие. – Пермь, 1999. – С. 79.

²⁷ Там же.

²⁸ Записки председателя Оханской ЧК (Оханск в 1916–19 гг.) / под редакцией А. Ширинкина. – Пермь, 2005. С. 101.

²⁹ Цит. по: Медведев Р.А. О соотношении цели и средств в социалистической революции // Вопросы философии. – 1988. – №8. – С. 167.

³⁰ См.: Известия ВЦИК. 1918. 30 августа.

³¹ ПермГАНИ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1. Л. 50–54.

³² См.: Алексей (Гоголев), священник, Кустова Е.В. Указ. соч. С. 20–21.

³³ См.: Освобождение России. 1919. 30 марта.

³⁴ См.: Чистухин Дмитрий, священник. Чердынь православная. – Тутаев: Собор, 2002. – С. 63.

³⁵ В октябре 1918 г. вышел первый номер журнала «Горняк». Подробней об этом журнале в переписке партийных и советских органов власти с редакцией журнала «Горняк» по расследованию заметок. См.: ПермГАНИ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–38.

³⁶ Цит. по.: Алексей (Гоголев), священник, Кустова Е.В. Указ. соч. С. 21.

³⁷ Там же. С. 21, 196.

³⁸ Подробней об этом см.: Никитин Н.И. Эвакуация // В пороховом дыму. – Пермь, 1961. С. 97–101.

³⁹ См.: Алексей (Гоголев), священник, Кустова Е.В. Указ. соч. С. 21, 196.

⁴⁰ Там же. С. 22.

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ВИШЕРСКОГО ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОГО КОМБИНАТА И ВИШЕРСКОГО ЛАГЕРЯ

*Л. А. Обухов, к.и.н., доцент кафедры новейшей истории России
историко-политологического факультета Пермского государственного
национального исследовательского университета*

До сих пор мы не имеем полной истории строительства Вишерского ЦБК и Вишерского лагеря. А ведь это был один из первых, если не первый, опыт строительства крупного промышленного предприятия в СССР руками заключенных. В литературе во многом благодаря В. Т. Шаламову и его антироману «Вишера», а также работам местных краеведов, достаточно подробно изучен завершающий этап, когда строительство и лагерь возглавил Э. П. Берзин. Однако следует иметь в виду, что замечательное произведение Варлама Тихоновича Шаламова не историческое исследование, а воспоминания свидетеля и участника описываемых событий. Начальный и последний периоды строительства комбината и деятельности лагеря до сих пор практически не исследованы.

Все началось с того, что в 1925 г. Наркомат по военным и морским делам принял решение о строительстве Бумажно-Целлюлозных-Химических заводов на севере Пермского края на реках Каме и Вишере. Уже в ноябре 1925 г. на реке Вишере, в устье реки Вижаихи, было образовано Управление целлюлозно-бумажного завода Военно-хозяйственного управления при Начальнике Снабжения РККА ¹. Одновременно со строительством был организован концлагерь – Вишерское отделение СЛОНа (Соловецкий лагерь особого назначения). В мае 1929 г. Г.И. Бокий, член Коллегии ОГПУ, куратор СЛОНа на объединенном собрании Вишерской заводской ячейки ВКП(б) и ячейки Вишерского отделения УСЛОН так объяснил создание лагеря и строительство: «...военвед начал постройку Завода только потому, что ОГПУ согласилось организовать тут Лагерь для использования рабочей силы заключенных, это своеобразный комбинат, не будь здесь Лагеря, не было бы и Завода, не начни военвед постройки заводов, не было бы смысла открывать тут Лагерь» ². С января 1926 г. труд заключенных использовался на лесозаготовках и строительстве. К апрелю только на строительстве завода численность заключенных составила более 400 человек ³, сколько было занято на лесозаготовках – неизвестно. По косвенным данным можно предположить, что на 1926/27

операционный год (финансовый год начинался с 1 октября) численность заключенных должна была составить 1200 человек ⁴.

Строительство находилось в ведении Наркомата по военным и морским делам и было секретным. Видимо, не случайно на начальном этапе, до августа 1927 г., во главе строительства стояли кадровые разведчики, в основном из латышей, находившиеся в то время в резерве РККА: А. И. Звиргздынь – директор, К.К. Звонарев * – зам. директора и др. Кто был первым начальником Вишерского лагеря, пока точно установить не удалось. Своеобразной «кузницей» кадров являлись Соловки, многие руководители лагеря и строительства прошли «школу» СЛОНа. Известно, что в 1927 г. на Вишере находился Зубков, в дальнейшем возглавивший 5-е отделение УСЛОНа на Кольском полуострове. Вполне возможно, что он какое-то время возглавлял лагерь *.

В 1926 г. в составе Военно-хозяйственного управления Наркомата по военным и морским делам был организован трест «ВИШХИМЗ» (Вишерские химические заводы) **. Главными задачами треста были подготовка и начало строительства ряда заводов в Верхнем Прикамье.

Строительство было настолько секретным, что местные партийные и советские органы за любой информацией о строительстве и лагере должны были обращаться в Москву. Даже окружной прокурор не имел права вмешиваться, надзор за лагерем осуществляла Прокуратура РСФСР.

В навигацию 1926 г. предполагалось завести 1 500 000 пудов заводского имущества и оборудования, до 5 тыс. человек технического персонала и рабочих с семьями ⁵. Планы были явно нереальны, учитывая то, что Вишера судоходна только в период половодья весной и осенью. Для регулярного судоходства требовалось углубление русла, на это нужны значительные средства, но на навигацию 1926 г. ничего подобного не планировалось. Завербовать такое количество технического персонала и рабочих для работы на севере, в тайге тоже было нереально. Тем не менее на месте будущего завода начались активные подготовительные

* Звиргздынь А.И. (1882–1938), латыш, член ВКП(б) с 1905 г. В 1930–1938 гг. в распоряжении Разведуправления РККА, полковой комиссар (1936). Репрессирован. Звонарев (Звайгзне) К.К. (1892–1937), латыш, член ВКП(б) с 1908 г., участник Гражданской войны. В 1924–1926 гг. – 1-й помощник начальника Разведуправления штаба РККА. В 1933–1937 гг. – преподаватель, нач. кафедры разведки Военной академии им. Фрунзе, полковник (1936). Автор ряда работ по истории разведки. Репрессирован.

* Зубков известен тем, что придумал такую меру наказания как «бродячие командировки» или «кольцевые этапы», когда проштрафившихся заключенных под конвоем с собаками гоняли с командировки на командировку.

** В «Докладе о работе ВИШХИМЗа за 1928/29 год» говорится, что трест организован в 1925 г. и приступил к работам в 1926 г. См: ПермГАНИ. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 24. Л. 93.

работы к строительству и приему рабочей силы: велись лесозаготовки, распиливался материал на лесопилке, строился дом для рабочих и служащих, ремонтировались другие дома. Построили конюшню, кузницу. Летом начато строительство второго лесопильного завода и механических мастерских, кирпичного завода и разработка для него известкового камня. Развернулась постройка мелководных барж и шитиков для переброса грузов в верховья Вишеры. Создан сельхоз, проведена посадка и посев хлебных и др. культур, начата расчистка заводской площади, проведение лесоустройства в заводском лесе и постройка клуба. Наряду с заключенными использовались и вольнонаемные рабочие, прежде всего сезонные строительные артели. Однако их количество было невелико, в конце года составляло около 300 человек⁶. Квалифицированных рабочих, используемых на строительстве и лесозаготовках, не хватало. Заключенные использовались в основном на неквалифицированных работах.

Структура управления строительством была двухуровневой: в Москве находилась Главная дирекция ВИШХИМЗа, а на Вишере – Дирекция заводов. Главным директором ВИШХИМЗа был назначен старый чекист Эдуард Берзин, а его 1-м заместителем А.П. Ногтев, прославившийся своей жестокостью бывший начальник СЛОНа. В январе 1927 г. Э.П. Берзин и И. Г. Филиппов, будущий начальник лагеря и заместитель Берзина, посетили Вишеру и ознакомились с ходом строительства. Вместе с ними прибыл П. И. Феонов, назначенный уполномоченным ОГПУ на строительстве⁷.

План 1926 г. не был выполнен как по строительству, так и по лесозаготовкам. Не наблюдалось серьезного улучшения и в 1927 г. О плохом качестве строительства свидетельствует факт разрушения весной части построек 1926 г. Положение в строительстве завода не устраивало руководство ВИШХИМЗа. Э. Берзин и А. Ногтев в августе 1927 г. прибыли на Вишеру разбираться в ситуации. Старая дирекция была отозвана, новым директором назначен беспартийный инженер Сасовский, а его заместителем старый коммунист латыш А. Ф. Звиукш⁸. Из кадровых разведчиков далеко не всегда получают хорошие строители и организаторы. В марте 1928 г. назначен новый начальник лагеря Г. Ф. Муравьев.

Положение заключенных, занятых на строительстве, описывает в своей докладной записке член бюро Чердынского райкома ВКП(б) К.П. Дудырев, посетивший в октябре 1927 г. строительство. Почти босые, полураздетые заключенные в холодную погоду, когда уже идет снег, вынуждены работать. Для многих работа явно непосильная. Так, на земляных работах установлена норма 1 куб. сажень на 3-х человек, а паек явно недостаточный и голодный человек не в силах справиться с заданием. Особенно невыносимые условия у тех, кто занят сортировкой и выгрузкой леса лошадьми на Вижаиже: на ногах вместо сапог опорки, все мокрые, руки при зачаливании бревен в холодной воде выше локтя, работают по

10 часов. По мнению К.П. Дудырева, при такой работе через полгода заключенный выйдет из строя и останется калекой. Такое отношение к заключенным не перевоспитывает их, а превращает во врагов советской власти. По свидетельству зам. директора А. Звиукш, невыносимые условия приводят к саморубам на лесозаготовках и случаям самоубийств. Заключенные обходятся дороже вольных рабочих и работают намного хуже. Лагерь получает за представленную рабсилу полностью, по ставкам вольнонаемных рабочих, но о заключенных заботится плохо ⁹.

А. Ногтев, как 1-й зам. Главного директора, регулярно посещал Вишеру. Выступая в августе 1928 г. на собрании ячейки ВКП(б), он следующим образом объяснил причины строительства заводов на Вишере: «В 1926 г. деятельность завода носила зачаточный характер. Основной причиной, почему военное ведомство начинает строить заводы здесь, являлось то, что в Чердынском районе нет никакой основной промышленности, кроме охоты и лесного промысла, а район богат ископаемыми, а культурный уровень населения слишком низкий и плохая обеспеченность населения» ¹⁰.

В 1928 г. форсировалось строительство 2-го лесопильного завода. На лесопильных заводах предполагалось установить 6 рам, которые заказали в Германии фирме «Гофман». Однако одна рама быстро вышла из строя из-за трещины. Трещины были обнаружены еще в трех рамах. На претензии завода фирма ответила, что трещины получились во время пути следования.

Для обеспечения строительства лесом военное ведомство взяло в аренду на 30 лет 1 млн десятин леса.

Завод приобрел 2 парохода, один из которых был назван в честь куратора УСЛОНа, члена Коллегии ОГПУ Г. Бокия – «Бокий». (Пароход с аналогичным названием был на Соловках). Завод имел 19 мониторов и 20 шитиков, арендовал 4 парохода. Все эти средства использовались в основном на сплаве.

Планировалось в 1928 г. построить рабочий городок, но не смогли это выполнить из-за нехватки квалифицированных строителей, прежде всего плотников. Проблема с вольнонаемными рабочими-строителями была достаточно острой: они отказывались ехать на Вишеру из-за низких расценок и проблем с жильем. В 1927/28 году заключенные составляли 87,7% рабочей силы ВИШХИМЗа, а в 1928/29 – 82,3% ¹¹.

В крупных транспортных узлах, прежде всего в Перми, Соликамске, Ленве, Усть-Улсе были созданы Агентства отдела снабжения, являвшиеся перевалочными пунктами, штат которых состоял в основном из заключенных.

13 июля 1928 г. Совет труда и обороны утвердил план строительства комбината, отметив в качестве базовых предпосылок этого строительства предварительное создание кирпичного и лесопильного заводов, ме-

ханических мастерских и «наличие рабочей силы, обеспеченной жилыми помещениями», под которой в первую очередь понимались заключенные Вишерского отделения УСЛОНа. Основной задачей являлась постройка целлюлозно-бумажного и химического заводов. Считалось, что при наличии сырья (еловый лес, известняки) и при наличии водного транспорта продукция будет в два раза дешевле.

Для пресечения побегов лагерь организовал заставу в с. Губдор, а затем и в Чердыни. Получает все более широкое распространение практика материального вознаграждения местных жителей за поимку беглецов.

Руководство ВИШХИМЗа широко использовало в качестве специалистов бывших и действующих заключенных, которые занимали руководящие должности в различных отделах Управления, что вызывало недовольство партийной ячейки и Чердынского райкома партии. Отношения между Вишерской партией и Дирекцией завода, во главе которой стоял беспартийный инженер Сасовский, были напряженными. Его обвиняли в том, что на многие руководящие должности в управлении назначает бывших и настоящих заключенных из числа «казров» (контрреволюционеров) и «затирает» коммунистов. Но Главная Дирекция ВИШХИМЗа высоко оценивала деятельность Сасовского и поддерживала его. В декабре 1928 г. на собрании ячейки разгорелась бурная дискуссия по этому вопросу. В ответ на все претензии А. Ногтев заявил «... вы ничего не стоите против одного беспартийного Сасовского, он умнее и заслуженнее вас»¹². Резко обострились отношения между директором завода и уполномоченным ОГПУ Феоновым, в результате последний в конце 1928 г. был отозван в Москву.

В начале 1929 г. происходит очередная смена в руководстве строительства: А. Звиукш отозван, вместо него в состав дирекции назначен З. А. Алмазов, заместителем Э. Берзина назначается И. Г. Филиппов, ставший с июня начальником ВИШЛОНа. А. Ногтев в мае снова назначен начальником Соловецкого лагеря. В мае 1929 г. Э. Берзин на собрании Вишерской ячейки выступает с докладом о реорганизации управления заводом и лагерем¹³. Однако в 1929 г. полностью преодолеть противоречия между заводом и лагерем не удалось, несмотря на решение СТО о передаче ВИШХИМЗа ОГПУ. Возможно, это объясняется тем, что Э. Берзин вместе с главным инженером Д. С. Соколовским выезжал в длительную командировку в Германию и США для закупки оборудования и заниматься непосредственно делами строительства и лагеря не мог.

В конце 1928/29 операционного года Вишерское отделение СЛОНа становится самостоятельным Вишерским лагерем особого назначения (ВЛОН).

К 1929/30 операционному году трест ВИШХИМЗ построил: 2 лесопильных завода производительностью 85–90 тыс. куб. м пиломатериалов, ящичную мастерскую, кирпичный завод, столярную мастерскую, механи-

ческий цех, литейную мастерскую. Водный транспорт, обслуживавший строительство, состоял из 3 пароходов, 54 единиц непарового флота, 5 моторных лодок. Кроме того, имелось 800 лошадей, используемых в основном на лесозаготовках, предполагалось закупить еще 300. Была построена больница на 10 коек для вольных и 40 коек для заключенных¹⁴. Начало строительства целлюлозно-бумажной фабрики все время откладывалось. Сначала планировалось начать строительство со строительного сезона 1929 г. Затем начало строительства перенесли на январь, потом на март 1930 г. Фактически приступили к строительству только в апреле. По плану закончить строительство фабрики должны были весной 1932 г.¹⁵ С 1 января 1930 г. начали строительство рабочего поселка.

В связи с активизацией строительства в 1929/30 гг. предполагалось довести численность заключенных лагеря до 8 тыс. человек. Для этого планировалось построить 14 бараков при Вишерском отделении, 12 бараков на лесозаготовках и оборудовать бараки и этапные пункты в Соликамске, с. Мошево, д. Татарская, с. Губдор, д. Федорцево, д. Вергорт, с. Сыпучи, д. Акчим. Однако уже в марте 1930 г. численность заключенных составила 11 тыс. человек¹⁶.

В 1930 г. при значительном увеличении количества заключенных удалось благодаря строительству новых бараков уменьшить плотность заселенности бараков: вместо 300 человек в бараке размещалось 240 человек¹⁷.

Как отмечалось в докладной записке от 31 июля 1930 г. заместителя председателя ОГПУ С.А. Мессинга и заместителя начальника УЛАГа М.Д. Бермана в СНК СССР о хозяйственной деятельности ОГПУ и передаче в лагеря новых контингентов заключенных: «...Вишерские лагеря сосредоточили свое внимание на форсировании строительства химических и целлюлозно-бумажных заводов ВИШХИМЗа, лесозаготовках на севере Урала и на обслуживании предприятий Всехимпрома на Ленве и в Перми – Березниковский химкомбинат. Для этих работ требуется не менее 26 000 человек, имеется же около 20 000 человек»¹⁸. Кроме того, велись переговоры о том, чтобы передать УВЛОНу строительство части железной дороги Яр – Фосфоритная в Кировской области. Насколько можно судить по документам, переговоры закончились безрезультатно.

Несмотря на решение об объединении ВИШХИМЗа и ВЛОНа, процесс этот шел крайне медленно. В «Краткой записке о состоянии лагерей», составленной весной 1930 г., отмечалось: «Происшедшее объединение с ВИШХИМЗом до сих пор остается актом декларативного порядка, без существенного отражения на практике. Оба хозяйства по-прежнему остаются взаимно отчужденными, не осуществлена при этом самая элементарная, само собой напрашивающаяся рационализация... Перспективы лагеря в значительной мере зависят от превращения в реальный факт декларированного слияния с ВИШХИМЗом и создания такой прак-

тики взаимоотношений, при которых действительное руководство объединением будет находиться в руках лагеря»¹⁹. Тем не менее процесс объединения все же шел. В июле было принято решение об объединении отделов снабжения ВИШХИМЗа и УВЛОНа²⁰.

В середине 1930 г. структура ВИШЛАГа выглядела следующим образом: 1. г. Пермь (Отдельная командировка). 2. Ленва (Отделение). 3. М. Вижаиха (Управление и Отделение). 4. с. Усть-Улс (Отделение).

Трудно сказать, кто возглавлял лагерь в 1930 г. И.Г. Филиппов упоминается в сентябре и декабре месяце как зам. начальника УВИТЛ, а в ноябре как начальник. Можно предположить, что с конца 1930 г. и лагерь, и строительство возглавил Э.П. Берзин, а И.Г. Филиппов стал его заместителем по УВИТЛ.

В январе 1931 г. трест «ВИШХИМЗ» был ликвидирован, а его функции переданы образованному в составе Главного управления лагерей отделу ВИШХИМЗа.

К апрелю 1931 г. в ВИШЛАГе было уже 39 тыс. заключенных. Это было значительно выше плановых цифр и вызвало тревогу: «Лагерь получил в результате переброски количество рабочей силы, превышающее и его план, и его хозяйственные потребности». Предельным лимитом численности заключенных ВИШЛАГа, «гарантирующим сохранение его экономической прочности», считалось 35–36 тыс. заключенных²¹.

Досрочно освобождаемые заключенные с 1930 г. переводились на «колонизацию» с целью сохранения рабочей силы и освоения территории в районе действия лагеря. Создавались колонизационные поселки, как, например, спецпоселок Калийная Горка в Березниковском отделении.

Увеличение численности заключенных было связано с форсированием строительства и досрочным пуском комбината. В начале 1931 г. намечается досрочный пуск комбината 1 августа. Методы строительства отражают названия печатных органов УВИТЛа, призванные мобилизовать заключенных и вольнонаемных рабочих на досрочный пуск: «Темп» – 1-е Отделение, «Штурм» – 2-е Отделение, «Штурм Севера» – Северный лесозаготовительный район, «Буксир» – Пермское отделение. В июле 1931 г. газета «Темп» стала органом УВИТЛ.

Досрочный пуск комбината, погоня за темпами привели к усилению эксплуатации подневольного труда: обычной стала практика 10-часового рабочего дня и отмена выходных дней. Кроме того, с конца 1929 г. получает распространение система премирования заключенных за ударный труд, использование материальной заинтересованности. На лесных участках применялась такая форма наказания заключенных, как раздевание на морозе зимой и привязывание к дереву летом. Но справедливости ради следует отметить, что такие формы наказания руководством УВИТЛ не поощрялись²².

Задержки с поставками оборудования, главным образом отечественных заводов, нехватка квалифицированных специалистов вынудили перенести пуск комбината на 15 сентября, затем на 1 октября²³. В течение 1931 г. завершался монтаж оборудования целлюлозно-бумажного комбината, активно шло строительство Химического комбината в Березниках, где в некоторых цехах тоже перешли к монтажу оборудования.

Официальный пуск комбината состоялся 30 октября 1931 г. В ноябре 1931 г. Красновишерский целлюлозно-бумажный комбинат им. Менжинского был сдан комиссии Наркомлеса СССР. Комбинат введен в строй досрочно, за 18 месяцев. Следствием досрочного пуска явилось то, что потребовалось почти четыре года, чтобы вывести комбинат на проектную мощность. Завершение строительства и ликвидация недоделок продолжались в течение 1932–1933 гг.

Опыт строительства Вишерского ЦБК и Березниковского Химкомбината руками заключенных был признан удачным. После пуска комбината Э. Берзин отбыл в Москву, где получил новое назначение – директором треста «Дальстрой» и уехал на Колыму организовывать промышленную добычу золота и других ценных металлов трудом заключенных. Это был иной масштаб, другой уровень, но опыт Вишеры, безусловно, оказался востребован ГУЛАГом и получил дальнейшее развитие.

После отъезда Э. Берзина с 20 ноября 1931 г. по 26 мая 1932 г. начальником УВИТЛ был назначен его заместитель И. Г. Филиппов. С 26 мая по 23 августа 1932 «временно исполнял должность» начальника Управления ВИШЛАГа Р. И. Васьков. В ноябре 1932 г. и Васьков и Филиппов были уже у Берзина на Колыме, где сначала Васьков, а потом Филиппов возглавили Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛ).

30 июля 1931 г. подписан приказ о зачетах, а 22 ноября циркуляром ГУЛАГа была объявлена инструкция по зачету рабочих дней (перевыполняющим регулярно производственные задания засчитывались 3 дня за 4 и 4 дня за 5, ударникам – 2 дня за 3 и 3 дня за 4). Для осужденных по ст. 58 предусматривались ограничения по зачетам²⁴. В связи с пуском комбината многие заключенные получили сокращение сроков или досрочное освобождение. Можно предположить, что это было первое применение на практике системы зачетов в лагерях ГУЛАГа ОГПУ.

Приказом ОГПУ от 17 января 1932 г. Вишерский ЦБК был выделен из состава ГУЛАГ и передан в ведение Управления делами ОГПУ. При этом ГУЛАГ был обязан закрепить за комбинатом рабочую силу в количестве 9000 человек и обеспечить в 1932 г. выполнение программы лесозаготовок 920 тыс. кубометров. Уже в марте 1932 г. приказом ОГПУ Вишерский комбинат был передан Союзбумаге. Согласно приказу от 3 апреля 1932 г. обязательства ГУЛАГ перед комбинатом (обеспечение рабочей силой и выполнение плана лесозаготовок) остались в силе²⁵.

С пуском комбината обострилась проблема нехватки квалифицированной рабочей силы. Основную массу рабочих на комбинате составляли вчерашние заключенные, освобожденные досрочно. Для подготовки кадров было открыто ФЗУ (фабрично-заводское училище), в котором 50% преподавателей составляли заключенные²⁶.

На Каме завершалось строительство первой очереди химического комбината, монтировалось и запускалось оборудование. В апреле дал первую продукцию завод синтетического аммиака, в июле введены в эксплуатацию заводы калийной группы.

После выполнения основных задач по строительству заводов происходит сокращение численности заключенных. 23 февраля 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о строительстве железных дорог на Дальнем Востоке. Политбюро предложило ОГПУ «немедленно перебросить на эти работы 5 000 человек условновцев из Березников и одновременно выяснить возможность переброски еще 5–10 тысяч человек условновцев и спецпереселенцев»²⁷.

На 31 января 1932 г. в 1-м, «Вижаихском» отделении ВИШЛАГа содержалось 12 346 заключенных, во 2-м, «Березниковском» – 12 228. Количество заключенных в Красновишерском лесном отделении составило 8779 чел., в Усть-Улском – 3965 чел. Кроме того, при управлении ВИШЛАГа содержался 581 заключенный.

Общая численность заключенных ВИШЛАГа, без учета Пермского отделения, составляла 37 899 человек. В апреле численность заключенных сократилась до 33,6 тыс., а к концу 1932 г. остается лишь 8 900 человек²⁸. Большую часть заключенных Вишлага этапами отправили в другие лагеря – Белбалтлаг, в Караганду и Дальстрой.

С целью использования высвобождающейся рабочей силы получает дальнейшее развитие система контрагентских договоров. Заключенные УВИТЛ используются на строительстве различных объектов в Березниках, Соликамске, Красновишерске, в погрузочно-разгрузочных работах в Перми и Левшино. Создается лагпункт в Краснокамске, где с 1929 г. началось строительство ЦБК. Организуется Кизеловское отделение, где заключенные были задействованы на добыче угля.

Кроме строительства в Березниках, заключенные 2-го отделения занимались лесозаготовками в верховьях Камы, где был создан лагпункт «Керчево-Шакшер» с основанным в 1932 г. сплавным рейдом, занимавшимся обвязкой в плоты молевого леса, сплавливавшегося по Каме. Программа лесозаготовок для ВИШЛАГа на 1932 год была определена в один миллион кубометров. Но уже в мае 1932 г. был подписан договор между ВИШЛАГом и Уралзападлесом о передаче лесозаготовительных участков бывшего Красновишерского и Усть-Улского отделений ВИШЛАГа со всеми жилыми, складочными, производственными, коммунальными и прочими постройками и зданиями²⁹.

Осенью 1932 г. на Вишеру вновь прибывает П.И. Феонов, назначенный зам. начальника УВИТЛ и начальником Информационно-следственного отдела (ИСО). В апреле 1933 г. он возглавил УВИТЛ, но уже в сентябре отстранен от занимаемой должности за «неумелое руководство»³⁰.

В мае 1933 г. ГУЛАГом были установлены лимиты лагерного населения на второе полугодие. По ВИШЛАГу они составили: 17 000 человек, в том числе:

Вишкомбинат – 5000 чел.

Камбумстрой – 1300 чел.

Курт – 800 чел.

Уголь (Кизел, Губаха) – 4000 чел.

Собственные сельскохозяйственные работы – 1500 чел.

Куспром – 1400 чел.

Производственно-эксплуатационные мастерские, транспорт, лагерное строительство – 1200 чел.

Собственные лесозаготовки – 150 чел.

Опытная сельскохозяйственная станция – 300 чел³¹.

В 1933 г. вторым по значимости направлением деятельности ВИШЛАГа, исходя из количества занятых заключенных, становится угледобыча.

Лагерь в короткие сроки превращал здоровых людей в инвалидов. Самый высокий процент инвалидов, из всех лагерей ОГПУ, был именно в ВИШЛАГе. Помимо полуинвалидной командировки в Перми был создан Кожинский полуинвалидный участок в 1-м отделении. Одной из самых высоких среди лагерей ОГПУ была и смертность в Вишерском лагере.

Голод 1932–1933 г. не обошел стороной и лагеря ОГПУ. Новые этапы прибывали чрезвычайно ослабленные, особенно с Украины. Истощенные заключенные в непривычных климатических условиях не могли выполнять производственные нормы и получали пониженный или штрафной паек. В результате чрезвычайно высокая смертность. С новыми этапами в лагерь был завезен тиф. На ноябрь 1932 г. было зафиксировано около 80 случаев заболевания сыпным и брюшным тифом. Было признано, что эпидемия приобретает чрезвычайно серьезный характер³². В 1933 г. наблюдается резкое увеличение смертности в лагерях ОГПУ. Если в 1932 г. смертность по лагерям ОГПУ составила в среднем 4% (в Вишлагае – 4,9%), то в 1933 г. средняя смертность составила 15,7 %, а в Вишлагае – 34,6%³³.

Как свидетельствовал начальник Пермского отделения ВИШЛАГа, в 1933 г. в 1-м Отделении умерло только за май месяц более одной тысячи человек, а с февраля по май более 4-х тысяч. И в других отделениях ВИШЛАГа смертность была очень высокой. Во вновь организованном

Кизеловском отделении вспыхнул сыпной тиф, который через этапы был занесен и в Пермское отделение. В Пермском отделении за 4 месяца (февраль–май) умерло 860 человек и была очень высокая заболеваемость³⁴.

Все этапы, прибывающие на Вишеру и отправляемые в другие лагеря, проходили через Пермь. Пермь была важным перевалочным пунктом как для заключенных, так и для грузов. В первой половине 1933 г. ГУЛАГ дал указание отправить из Вишлага три эшелона не менее 3 тыс. человек в Севвостлаг и четвертый женский этап в Караганду³⁵.

После завершения основных работ по строительству на Вишере и в Березниках лагерь частично меняет направление своей деятельности. Одним из основных видов работ становится добыча угля в Кизеловском бассейне и создается Кизеловское отделение. Продолжаются лесозаготовки и строительные работы в Березниках и добавляется Губаха, но закрывается лагпункт в Краснокамске. Заключенные широко используются на погрузочно-разгрузочных работах в Перми, Березниках, Красновишерске.

Расширяется деятельность Сельхоза ВИШЛАГа, созданного еще в 1926 г. Перед ним была поставлена задача обеспечить в основном заключенных и работников завода овощами. С 1 октября 1932 г. лагеря были сняты государством со снабжения мясом и должны были обеспечивать лагнаселение за счет забоя собственного скота. Сельхоз УВИТЛ на 1933 год состоял из семи участков:

Центральный – молочная ферма, свиноводство;

Кожинский – молочная ферма;

Колчимский – молочная ферма и полеводство;

Ораловский – полеводство, намечено свиноводство;

Покчинский – свиноводство;

Чердынский – полеводство и огородничество;

Юмышский – птицеводство, молочная ферма, огородничество³⁶.

В августе 1933 г. на Вишеру прибыл Н. А. Гротов, назначенный зам. начальника УВИТЛ. После смещения Феонова он возглавил лагерь.

В конце года был взят курс на ликвидацию лагеря. С ноября 1933 г., согласно приказу, были прекращены лесозаготовки, рабочая сила снималась и направлялась в другие лагеря. Все отделения были преобразованы в лагпункты.

В апреле 1934 г. создается ликвидационная комиссия ВИШЛАГа, которую возглавил Н. А. Гротов. Приказом вновь образованного НКВД СССР, которому подчинялись пенитенциарные учреждения ОГПУ, с 14 июля 1934 г. ВИШЛАГ считался ликвидированным.

Своеобразный эксперимент на Вишере имел огромное значение для развития ГУЛАГа. Многое здесь делалось впервые. Впервые был использован массовый труд заключенных в промышленном строительстве,

за три года до принятия официального постановления Совнаркома об использовании труда уголовно-заключенных.

На Вишере впервые на практике было осуществлено слияние производственных структур с лагерными и создан единый комплекс: лагерь-стройка под руководством ОГПУ.

В Вишерском лагере прошла своеобразную проверку система материального поощрения заключенных. Именно к заключенным Вишлага была впервые применена система зачетов. В последующем именно пайка и зачеты, пока их не отменили в 1939 г., явились главными стимулами для повышения производительности подневольного труда.

Вишерский лагерь был одним из самых суровых среди лагерей ОГПУ. Об этом свидетельствуют цифры заболеваемости и смертности, количество инвалидов. Слишком дорогой ценой был достигнут досрочный пуск Вишерского ЦБК и Березниковского Химкомбината.

¹ ПермГАНИ. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 11. Л. 45; Ф. 156. Оп. 1. Д. 29. Л. 33–33 об.

² Там же. Ф. 849. Оп.1. Д. 202. Л. 125–125 об.

³ Там же. Д. 89. Л. 30, 43.

⁴ ГАРФ. Ф. р.–9414. Оп. 1. Д. 2918. Л. 35, 155.

⁵ Ф. 156. Оп.1. Д. 29. Л. 33–33 об.

⁶ ПермГАНИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. Ф. 849. Оп.1. Д. 146. Л.28.

⁷ Там же. Ф. 1015. Оп.1. Д. 22. Л. 5.

⁸ Там же. Ф.1015. Оп.1. Д. 17. Л. 27 об; Ф. 849. Оп. 1. Д. 156. Л. 195 об.

⁹ Там же. Ф. 156. Оп.1. Д. 66. Л. 195–195 об.

¹⁰ Ф. 849. Оп. 1. Д. 202. Л. 62 об.

¹¹ Там же. Л. 63; Ф. 1015. Оп. 1. Д. 24. Л. 93.

¹² Там же. Д. 253. Л. 47–47 об.

¹³ Ф. 849. Оп.1. Д. 202. Л. 126 об.

¹⁴ ПермГАНИ. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 24. Л. 93–94.

¹⁵ Там же. Л. 14, 94; Д. 32. Л. 5.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 10а. Д. 364. Л. 12–12 об; ПермГАНИ. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 33. Л. 21.

¹⁷ ПермГАНИ. Ф. 849. Оп. 1. Д. 253. Л. 39.

¹⁸ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 3. Экономика ГУЛАГа. – М., 2004. С. 67.

¹⁹ Там же. С. 61–62.

²⁰ ПермГАНИ. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 33. Л. 30.

²¹ ГАРФ. Ф. р.–9414. Оп. 1. Д. 2920. Л. 41, 44.

²² ПермГАНИ. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 33. Л. 21.

²³ Там же. Д. 35. Л. 9 об.–10.

²⁴ См.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 3. С. 531.

²⁵ См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 2. Карательная система: структура и кадры. – М., 2004. С. 619.)

²⁶ ПермГАНИ. Ф. 849. Оп. 4. Д. 1. Л. 40.

²⁷ История сталинского ГУЛАГа... Т. 2. С. 27.

²⁸ ГАРФ. Ф. р.– 9414. Оп. 1. Д. 2920. Л. 133, 148, 162, 178.

²⁹ ПермГАНИ. Ф. 1015. Оп.1. Д. 37. Л. 5.

³⁰ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. – М., 1986. С. 185.

³¹ История сталинского ГУЛАГа... Т. 3. С.109.

³² ПермГАНИ. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 37. Л. 39.

³³ История сталинского ГУЛАГа... Т. 4. С. 465, 478.

³⁴ ПермГАНИ. Ф. 849. Оп. 2. Д. 21. Л. 6 об.–7.

³⁵ Там же. Л. 7 об.–8 об.

³⁶ Там же. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 14507. Т. 1. Л. 208.

О ПРОЯВЛЕНИЯХ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕСВОБОДЫ В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ ЧЕРДЫНСКОГО (С 1941 ГОДА – КРАСНОВИШЕРСКОГО) РАЙОНА на примере архивных документов

***К. А. Остальцев, заведующий архивным отделом
администрации Красновишерского муниципального района***

Основным документом, регулирующим государственно-церковные отношения и положившим основу советского законодательства о религиозных культах, стал «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый 23 января 1918 года. Согласно декрету «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием». Именно этот пункт дал основание для закрытия многих церковных храмов и передаче церковного имущества в собственность государства, колхозов.

Постановлением ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» в СССР вводилась обязательная регистрация религиозных объединений, которая представляла заключение типового договора, где указывались права и обязанности верующих. По этому договору верующие получали в бесплатное пользование молитвенное здание и культовое имущество, а также могли нанимать, приобретать, арендовать таковое, но при этом имущество, приобретенное религиозными объединениями, «является национализированным», то есть право собственности не предусматривалось.

Постановление запрещало религиозным обществам «заниматься какой-либо деятельностью, кроме как удовлетворение религиозных потребностей верующих». Однако и эта деятельность была обставлена множеством ограничений.

В архивном отделе администрации Красновишерского муниципального района сохранились документы, характеризующие отношения советской власти с церковью на протяжении длительного времени – с 30-х по 90-е годы.

По инициативе органов НКВД в начале 30-х годов развернулась кампания по закрытию церквей, и местным органам власти было предоставлено право окончательного решения о закрытии молитвенных зданий». (История Урала. Под ред. проф. Б.В. Личмана. Екатеринбург. 1996. С. 112).

(Кампания по закрытию церквей резко активизировалась в период сплошной коллективизации: духовенство было объявлено противником колхозного строя, защитником кулачества, и под этим предлогом проводились массовые репрессии против священнослужителей и закрытие церквей. – Л.О.).

Значительное количество ходатайств о закрытии молитвенных зданий на местах вынудило Уральский областной исполнительный комитет (в августе 1931 г.) направить в районные и городские исполнительные комитеты письмо от 6 августа 1931 года, в котором говорилось, что «в облизполком продолжают поступать ходатайства с мест о закрытии молитвенных зданий без докладных записок..., характеризующих сущность того или иного дела...». Это «заставляет аппарат облизполкома запрашивать с мест дополнительные материалы, что задерживает принятие решения». В письме указывалось на «безусловную необходимость представления по каждому ходатайству о закрытии молитвенных зданий самой подробной информации, ...ходатайства, по которым нет надлежащей информации, рассматриваться не будут» и прилагался перечень из 10 вопросов, которые должны быть раскрыты в данной информации. Подчеркивалась необходимость представления объективной информации, ибо «как правило, места сообщают, что верующих насчитывается 15–20 старух, между тем церковь ремонтируется, служители культа содержатся, здание храма отапливается и т.д. Совершенно ясно, что 15–20 старух сделать этого не могут и, следовательно, верующих значительно больше»¹.

Состав документов по закрытию молитвенных зданий однотипен. Во-первых, это протоколы и решения собраний членов колхозов, заседаний исполнительных комитетов сельских Советов, правлений колхозов, акты обследования молитвенных зданий, постановления Чердынского и Красновишерского райисполкомов, это переписка исполнительных комитетов сельских Советов с Чердынским (позднее Красновишерским) райисполкомом. Во-вторых, это переписка районных (*Чердынского, а позднее Красновишерского*) исполнительных комитетов с областным исполнительным комитетом, постановления облизполкома. В-третьих, это переписка с республиканскими органами власти, постановления Президиума Верховного Совета РСФСР. Кроме этого, среди документов есть многочисленные письма от имени общин верующих, направляемые в вышестоящие советские организации.

События во всех населенных пунктах развивались в основном одинаково, хотя в чем-то своеобразно.

Типичным является дело о закрытии церкви в с. Нижняя Язьва. Нижне-Язьвинская религиозная община включала верующих самого села Нижняя Язьва, деревень Немзя, Федорцова и хутора Воскресенский (*справка, выданная Чердынским райисполкомом служителю культа*

Иоанну Георгиевичу Микову 9 сентября 1933 года.)² Дело о закрытии молитвенного здания в селе Нижняя Язьва начинается с решения президиума Нижне-Язьвинского сельского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов от 4 сентября 1936 года о закрытии церкви, передаче здания под клуб и созыве общего собрания колхозников.³ Общее собрание членов колхоза, проведенное 5 сентября 1936 года, на котором согласно протоколу присутствовало 103 человека, постановило: «Учитывая, что Нижне-Язьвинская церковь уже несколько лет пустует ни чем не занятая, а частично используется группой старух, вносим предложение об изъятии церкви под клуб». За данное предложение проголосовало 89 человек. Правление Нижне-Язьвинского промколхоза вынесло решение о выделении «на переоборудование церкви под клуб 1000 рублей»⁴.

Обследованием церковного здания (в обследовании приняли участие представители власти и члены церковного совета) было установлено, что здание нуждается в капитальном ремонте. В акте был сделан вывод: «церковь необходимо закрыть, т.е. службу верующих не производить... пока не будет произведен полный ремонт»⁵.

На основании всего вышеизложенного Чердынский райисполком 1 октября 1936 года постановил: «ходатайство граждан селения Нижняя Язьва о закрытии церкви удовлетворить и просить Президиум Свердловского облисполкома об утверждении постановления»⁶. Верующие Нижне-Язьвинской общины написали письмо в Чердынский райисполком, в котором посчитали такое решение несправедливым. Они писали, что голосование на собрании граждан было проведено «неправильное, запутанное. Все граждане поднимали руки за то, что они храм не отдают, а зафиксировали наоборот». Писали, что после собрания у них «стали насильно отбирать ключи от храма. Но, зная закон о том, что храм не может быть закрыт без постановления облисполкома, староста отдал ключи от храма отказался». Авторы письма просили разрешение на проведение служения в храме. К письму прилагался список верующих с подписями 192 человек.⁷ Тем не менее Президиум Свердловского облисполкома 19 декабря 1936 года вынес постановление об удовлетворении ходатайства Чердынского райисполкома о закрытии Нижне-Язьвинской церкви⁸.

Но процедура закрытия растянулась еще на три года. Дело в том, что в соответствии с распоряжением Президиума Свердловского облисполкома от 1 августа 1936 года «О порядке оформления культовых зданий» к фактическому изъятию культового здания и ликвидации культового имущества власть могла приступить только после получения от верующих расписки в том, что они ознакомлены с постановлением. Такая расписка была получена в декабре 1936 года.⁹ Но верующие написали письмо в Центральный исполнительный комитет СССР, откуда 5 мая 1937 года был послан запрос о более подробной информации по данному делу. А

когда с ответом из Чердыни затянули, 14 августа 1937 года было прислано повторное требование срочно ответить на этот запрос дополнительными сведениями о церкви в селе Нижняя Язьва¹⁰. В ответе Чердынско-го райисполкома в секретариат Председателя ЦИК СССР от 19 августа 1937 года отмечалось, что в 10 километрах от Нижней Язьвы в деревне Федорцова «находится другая церковь того же вероисповедания». Далее писалось, что «в поданной жалобе о закрытии церкви со стороны церковного совета нами установлено, что ряд людей в список они внесли без согласия верующих и даже мертвых»¹¹. Окончательное постановление о закрытии молитвенного здания было вынесено Президиумом Верховного Совета РСФСР 17 ноября 1939 года. До этого времени здание находилось в ведении религиозной общины¹². В 1940–1941 годах церковное здание было переоборудовано под клуб¹³.

Подобным же образом была закрыта церковь в деревне Нижняя Бычина. В ноябре – декабре 1935 года были проведены общие собрания населения в деревнях Бычинского сельского Совета – Палева, Гилева, Нижняя Бычина, Ивачина, Мохова, Кислова, в бригадах Бычинского колхоза. В протоколах (всего их 9) не отражено серьезного обсуждения вопроса о закрытии молитвенного здания. Говорилось об отрицательной роли церкви в царской России: «до революции церковь давала возможность расширяться буржуазному классу. Буржуазия существовала за счет религии, за счет недопонимания всего крестьянства». Попы назывались «царскими наймитами», а церковь в годы Гражданской войны «штабом царских элементов и сопротивления власти рабочих». Говорилось о существовании «церковно-кулацкой политики». Отмечалась несовместимость религии с жизнью того времени: «В настоящее время мы с вами подходим к бесклассовому обществу. А при религии к бесклассовому обществу нам не подойти». Поэтому церковь объявлялась как «ненужная в строительстве социализма». Некоторые аргументы в пользу закрытия приводились довольно интересные. Например: «Товарищи! Мы на сегодняшний день должны быть сознательными, культурными. А поэтому мы должны ликвидировать часовню. То есть закрыть с тем расчетом, чтобы не было никакого звона в колхозных селах»¹⁴. В протоколах отмечено единогласие при голосовании за закрытие молитвенного здания. Протоколы со сводкой о числе присутствующих на собраниях (404 человека)¹⁵ и сопроводительным письмом Бычинского сельского Совета 30 апреля 1936 года были отправлены в Чердынский райисполком. 7 мая 1936 года райисполком постановил «ходатайство граждан о закрытии Бычинской церкви утвердить. Просить облисполком об утверждении настоящего постановления»¹⁶. 4 июня 1936 года Свердловский облисполком вынес постановление об удовлетворении ходатайства Чердынского райисполкома о закрытии трех церквей в Чердынском районе: Бычинской, Кушмангортской и Анисимовской¹⁷.

Однако на этом история о закрытии молитвенного здания не закончилась. Верующие Бычинской общины написали письмо «Председателю Всероссийского Исполнительного комитета Союза ССР тов. Михаилу Ивановичу Калинин» от имени более чем 500 человек. К письму они приложили план церковного здания с указанием всех его размеров¹⁸. В письме выражалось непонимание причин закрытия церковного здания: «Община зарегистрирована в Чердынском райисполкоме. Налоги со строения, а также земельная рента, ...страховка платились исправно, никаких недоимок не было. Самое здание храма небольшое и ни под какое учреждение не подходит, так как оно холодное, построенное без моха и нагревалось лишь во время службы железной печкой. Храм содержался в чистоте, и здание поддерживалось соответствующим ремонтом»¹⁹. Далее отмечалось, что председатель сельсовета «делал некоторое притеснение над совестью граждан, запугивал и угрожал, что отнимет храм от верующих», а на собрании «ни с чем не считаясь, насильно заставлял присутствующих голосовать за отобрание храма, угрожая, что если кто не будет голосовать за закрытие церкви, тот враг советской власти и контрреволюционер».²⁰ Отмечались также нарушения, допущенные при голосовании, что «даже молодежь и неверующие страшно были возмущены таким голосованием». Далее верующие показали свое знание законов и что они также являются советскими гражданами: «Закрытием храма явно стесняется свобода совести, несмотря на то, что в проекте Конституции Союза ССР в статье 124-й обеспечивается свобода совести в отношении вероисповедания и свобода отправления религиозных культов. И по существующему закону свобода вероисповедания признается равно за каждым гражданином». Выражалась готовность «послать своего представителя в Москву специально с ходатайством об оставлении храма в нашем пользовании» и надежда, «что наша просьба будет удовлетворена»²¹. В начале письма действительно стоит штамп регистрации его во Всероссийском Центральном Исполнительном комитете под № 2/60 от 26 августа 1936 года.

И вот в ноябре 1937 года в Свердловск, а потом и в Чердынь, приходит письмо из постоянной комиссии по вопросам культа при Президиуме Центрального Исполнительного комитета СССР, в котором говорится: «После предварительного обсуждения на заседании комиссии возвращается вам обратно дело о закрытии церкви в д. Нижняя Бычина Чердынского района для дополнительной проработки и выяснения новых обстоятельств. Судя по материалам дела, здание церкви не является ценным, по размеру оно мало и едва ли подходит под клуб. Есть ли целесообразность закрывать эту церковь, тогда как в 3-х километрах в с. Дубровка остается функционирующая церковь, которая, весьма возможно, является более пригодной для переоборудования под клуб. Необходимо в первую очередь утверждать ликвидацию молитвенных зданий, имеющих большую ценность»²².

В апреле 1938 года руководство Чердынского райисполкома вновь и срочно запрашивает у Бычинского сельского Совета дополнительную информацию о молитвенном здании в деревне Нижняя Бычина, а также обо всех близлежащих церковных зданиях. Информация должна была содержать указание мотивов закрытия церкви, какая массовая работа была проведена среди населения, предполагаемое использование здания закрываемой церкви, план и проект переоборудования здания, фотографические снимки внешнего и внутреннего вида, постановление Президиума сельсовета и протоколы собраний граждан о закрытии церкви с указанием количества населения свыше 18 лет ²³. Скорее всего, информация была направлена. В деле находятся машинописные выписки из всех ранее указанных протоколов собраний граждан ²⁴. В деле нет окончательного постановления Свердловского облисполкома о закрытии молитвенного здания. Сохранилось только сопроводительное письмо к этому постановлению (принято оно было 26 августа 1938 года). Молитвенное здание было закрыто с соблюдением всех формальностей. Была получена и отправлена в облисполком расписка верующих об объявлении и вручении им постановления о закрытии. Затем было получено разрешение облисполкома на изъятие здания и церковного имущества. Рукописные записки об этом сохранились, написанные наискосок, на том же сопроводительном письме из облисполкома, датированные 25 и 28 сентября 1938 года ²⁵.

В деле о закрытии молитвенного здания Покровской церкви в с. Оралово документов меньше, но они не менее интересны (Ф. 188. Оп. 1. Д.3). Дело начинается письмом председателя правления Ораловской сельскохозяйственной артели (название дано на основании углового штампа артели) прокурору Чердынского района от 20 апреля 1936 года. В письме отмечается, что «церковь при проведении в ней богослужений в старые религиозные праздники дает большой срыв работы по всему колхозу. А именно, в самый разгар летних работ есть старый религиозный праздник Ильин день. Весь народ бросает работу и идет в церковь. В зимнее время, когда шла работа по обмолоту хлеба, перед Пасхой церковь была тоже открыта, и крестьяне бросили молотьбу и пошли в церковь. Таким образом, на два дня был срыв работы». А далее, видимо, серьезно опасаясь за жизни и здоровье верующих, автор пишет: «Так как здание ветхое, во избежание человеческих жертв правление Ораловского колхоза просит вашего содействия в закрытии данной церкви» ²⁶.

26 апреля 1936 года было проведено общее собрание населения Ораловского сельского Совета, на котором присутствовали уполномоченный Чердынского райисполкома и помощник районного прокурора. (Протокол собрания показывает, насколько бурно обсуждался вопрос о закрытии церкви.) Протокол собрания написан довольно подробно и отражает действительно серьезное обсуждение вопроса о целесообразности за-

крытия церковного здания. Уполномоченный райисполкома в конце своего доклада, в котором он подробно рассказывает о внешней и внутренней политике СССР, призывает к закрытию церкви и передаче ее под клуб²⁷. Мнения присутствующих разделились, хотя сторонников закрытия, судя по протоколу, оказалось больше. Привожу дословно цитаты из протокола:

«Нужно найти под клуб другое помещение, а церковь закрывать не надо».

«Религия – дурман. Она мешает колхозному строительству и разветвлению культуры в Ораловском колхозе. Раньше обманывали нашего брата, темных, а нам нужна культура. Я предлагаю церковь закрыть и передать под клуб».

«Церковь нам не нужна, а нам нужен клуб».

«У нас совершенно нет культурного помещения, поэтому нельзя вернуть культуру, население наше в этом отстало. Предлагаю церковь закрыть».

«Религия есть вред. Колхозники должны быть грамотными, культурными, зажиточными. Церковь нужно передать под клуб».

«Церковь от государства отделена и закрытию не подлежит».

«Церковь закрывать не надо. Если церковь закрыть и устроить там клуб, то никто туда не пойдет. Нужно изыскать под клуб другое помещение».

«Мы живем в Советском Союзе. Религия нам строить культуру мешает. Наше население отстало в культурном отношении. Религия это дурман. Церковь нужно закрыть и передать ее под клуб, пускай там наша молодежь развивается».

«Мы тут с вами большинство колхозники, строители социализма. А в системе социализма не должно существовать церковного дурмана. Мы должны работать, изучать трактора, комбайны, а не религию. Церковь нужно закрыть»²⁸.

Интересно то, что люди не боялись выступать против закрытия церкви. При голосовании из 109 присутствовавших на собрании 47 проголосовали за закрытие церкви, 46 – против и 16 – воздержались. Несмотря на такое разделение голосов, церковь было решено закрыть. В протоколе также отмечено, что 38 человек отсутствовали по уважительным причинам. Их мнение никто не спросил.

Далее следуют документы уже известные нам по закрытию предыдущих церковных зданий. 7 мая 1936 года постановление о закрытии молитвенного здания было принято Чердынским райисполкомом²⁹ 23 мая того же года было принято постановление Свердловского облисполкома³⁰. Затем в связи с обжалованием верующими решений о закрытии в деле присутствуют запросы Комиссии по вопросам культа при Президиуме Центрального Исполнительного комитета СССР, а также Свердловского облисполкома о представлении дополнительных сведений

о церковном здании и общине верующих³¹. Церковное же здание до окончательного решения было оставлено в пользовании верующих. Решение вопроса затянулось. Последними в деле фигурируют списки церковного совета и ревизионной комиссии Покровской церкви, а также список верующих, включающий 180 человек, датированные 21 августа 1937 года³². Документы вышестоящих органов власти о закрытии церкви отсутствуют. Но уже из других источников известно, что церковное здание было закрыто.

Более чем на 20 лет растянулась процедура закрытия церковного здания в деревне Нижняя Дубровка. В протоколе заседания исполкома Верх-Язьвинского сельсовета от 28 июля 1940 года № 17 сказано, что «Дубровская церковь закрыта в 1937 году общим собранием граждан деревни Дубровка, и общины верующих с 1937 года нет»³³. Однако решение вышестоящих органов власти о закрытии церкви по какой-то причине принято не было³⁴. Поэтому 12 февраля 1941 года Красновишерский райисполком на основании решения общего собрания граждан д. Дубровка (протокол от 24 января 1941 года³⁵) и вышеуказанного решения исполкома сельсовета принял постановление о закрытии церковного здания и передаче его под культурное учреждение³⁶. В августе 1942 года жители деревни Гурина от имени верующих Верх-Язьвинского сельсовета обратились в Молотовский облисполком с просьбой о передаче «в пользование верующих церковного здания, находящегося в деревне Дубровка»³⁷. Облисполком направил письмо верующих для рассмотрения в Красновишерский райисполком. Райисполком организовал обследование здания, о чем был составлен соответствующий акт от 28 августа 1942 года. В акте отмечено, что «здание церкви построено в 1910 году силами и средствами граждан Дубровского земельного общества». Далее следует описание здания с приложением плана и отмечается, что «взамен фундамента поставлены столбы, которые совершенно сгнили и здание шатается; крыша также сгнила; железная облицовка куполов проржавела; косяки окон колокольни сгнили; входное крыльцо полностью разрушено; три бревна южной стены нижней части колокольни сгнили; печей и отопительных приспособлений нет». Затем следует заключение, что зданию необходим капитальный ремонт, включающий 13 пунктов³⁸. Обследование было проведено через полтора года после закрытия молитвенного здания, следовательно, оно так и не было использовано под культурное учреждение. На основании проведенного обследования Красновишерский райисполком принимает решение «группе верующих деревни Гуриной в ходатайстве отказать» на том основании, что «жители деревни Гуриной участия в строительстве церкви не принимали и не имеют никакого отношения к зданию церкви, так как проживают от Дубровки на расстоянии 11 километров...церковь закрыта и передана в пользование Дубровского колхоза под детские ясли»³⁹. Данный ответ был послан группе верующих 7 сентября 1942 года, а копия – в Молотовский облисполком. Однако, видимо,

местные власти и далее не использовали здание для своих целей и не принимали мер к его ремонту.

В результате подъема патриотизма в годы Великой Отечественной войны отношение государства к традиционным религиям существенно изменилось. Произошло сближение с Русской православной церковью. Было восстановлено патриаршество, открывались храмы. И верующие деревни Дубровка все же добились передачи этого здания в их пользование. Об этом гласит договор, заключенный 23 января 1945 года гражданами д. Дубровка с Красновишерским райисполкомом. По этому договору верующие принимали на себя серьезные обязанности «беречь переданное нам церковное здание и прочее имущество и пользоваться им исключительно соответственно его назначению; ...на свои средства производить оплату всех текущих расходов по содержанию церковного здания; ...за продажу или порчу переданных нам предметов несем материальную ответственность солидарно; ...за непринятие всех зависящих от нас мер к выполнению обязанностей, вытекающих из сего договора, или за прямое его нарушение, мы подвергаемся уголовной ответственности»⁴⁰.

Последующие документы (а их около 30) свидетельствуют о жестком контроле, который осуществляли органы власти за деятельностью Дубровской церкви. Ежегодно церковь представляла кассовый отчет о поступлении и расходовании денежных средств⁴¹. Письмом от уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 9 августа 1949 года с настоятеля церкви требовалось «чтобы службу проводил только с 10 часов вечера, а утром должно быть закончено всякое богослужение к 6 часам, независимо: рабочий день, воскресенье или религиозный праздник»⁴². В следующем подобном письме от 2 ноября 1949 года настоятелю запрещалось проводить всякие службы в здании церкви. Причем уполномоченный просил «настоящее отношение церковникам не оглашать и на меня никаких ссылок не делать»⁴³. В мае 1950 года Красновишерским райисполкомом в связи с поступлением заявления от настоятеля церкви об отказе от службы ввиду его преклонного возраста и болезни была сделана попытка закрыть церковь⁴⁴. На это была запрошена санкция уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Молотовском облисполкоме. Однако был дан ответ, что «закрывать церковь или печатывать без утверждения Правительства нельзя, правящий архиерей имеет право послать другого священника, но поскольку пока священника нет, никаких молебнов или собраний верующих быть не может»⁴⁵.

Постоянный священник в Дубровскую церковь так и не был послан. В 1958 году верующими была направлена просьба в Красновишерский райисполком, чтобы служение в церкви вел псаломщик: «просим о разрешении служения в церкви без священника, так как псаломщик является служителем культа»⁴⁶. Разрешение дано не было.

30 сентября 1959 года в очередном письме от уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви Пермского облисполкома говорилось: «В церкви д. Дубровка длительное время нет постоянного священника, и они там не задерживались раньше ввиду малых доходов. Временные священники мной впредь регистрироваться в эту церковь не будут, а поэтому прошу Вас, если кто приедет для служения без моего документа, служить в церкви не разрешайте. Сейчас в д. Дубровка и других находящихся вблизи населенных пунктах надо усилить воспитательную работу с населением, на самоликвидацию этой религиозной общины. Ставить вопрос о закрытии этой церкви пока преждевременно»⁴⁷.

Тем не менее постановлением Совета по делам Русской православной церкви от 23 февраля 1960 года «церковь в д. Дубровка Верх-Язьвинского сельсовета Красновишерского района с учета действующих снята», то есть закрыта. Распоряжением от 18 марта 1960 года Пермский облисполком предлагал Красновишерскому райисполкому «заключенный типовый договор 23 января 1945 года на право пользования зданием с религиозной общиной расторгнуть. Здание церкви и имущество, согласно имеющейся инвентарной описи, от религиозной общины принять. Денежные суммы, хранящиеся в церкви и сберегательной кассе, передать в доход государства. Церковное здание передать в арендное пользование колхозу под зерносклад»⁴⁸. Прихожане снова, как и раньше, пытались писать в вышестоящие органы власти. В апреле 1960 года (они направили) было написано письмо в Министерство внутренних дел (в котором говорилось:) следующего содержания: «Когда отбирали ключи от нашей церкви, нас назвали татарами, оскорбили наш пермяцкий язык и не посчитались с нашими убеждениями. Насильно отобрали ключи и вытолкали нас из церкви. Мы взволнованы, наши чувства верующих оскорблены. Дубровцы»⁴⁹.

В августе 1960 года было (направлено) написано письмо в Пермский облисполком с просьбой вернуть церковь верующим. В письме верующие пытались объяснить, что они тоже советские граждане, уважающие власть Советов, считающие ее своей властью, что многие из них воевали в Великой Отечественной войне, потеряли мужей, сынов и имеют право на отправление своих религиозных потребностей⁵⁰. Ответ из Пермского облисполкома гласил: «Церковь в д. Дубровка снята с регистрации правильно и восстановлению не подлежит. Впредь такие просьбы рассматриваться не будут, и нет для этого основания»⁵¹. Религиозные убеждения людей власть основанием не считала. Остается добавить, что церковное имущество по акту было передано в Морчанскую церковь.

В деревнях Антипиной и Суибе (ныне – Ваньковой) проживают старообрядцы. В военное время ими делались попытки восстановить молитвенные дома, что нашло отражение в документах. В 1941 году в д. Антипиной было закрыто молитвенное здание общины старообрядцев

под предлогом необходимости проведения там капитального ремонта. Спустя более чем два года, в мае 1943 года, в письме в Молотовский облисполком председатель Красновишерского райисполкома сообщал, что «указанный молитвенный дом официально закрыт не был, ... здание в настоящее время временно до производства необходимого капитального ремонта закрыто и ничем не занято»⁵². Ходатайство общины об открытии молитвенного дома решением Красновишерского райисполкома от 16 июля 1941 года было отклонено⁵³. На повторное ходатайство в 1942 году Красновишерский райисполком снова ответил отказом. В марте 1943 года верующие Антипинского и Талаволского сельсоветов вновь обратились в Молотовский облисполком об открытии молитвенного здания. Они писали, что «молитвенное здание ветхости никакой не имеет, ибо производился ремонт в 1936 году...» и обязывались «выполнять все правила законоположения, касающиеся религиозного культа...»⁵⁴. Ответа не было. Община снова обращается в райисполком в апреле 1944 года, мотивируя тем, что здание с 1941 года закрыто, ничем не занято и не ремонтируется. Верующие изъявляли готовность своими силами провести весь требующийся ремонт⁵⁵. Однако общине старообрядцев так и не удалось добиться открытия молитвенного дома в Антипиной. Более того, здание молитвенного дома в августе 1950 года было передано под склад Антипинского колхоза им. Сталина⁵⁷; (бого)служебные книги из молитвенного дома в количестве 13 штук были переданы представителю РОМГБ младшему лейтенанту Шатунову В. Д.; церковное имущество молитвенного дома (иконы, крест, подсвечники, сосуды, лампы, кадило) было сдано «на хранение до особого распоряжения, ... сложено в ларь, заперто замком, опечатано сургучной печатью ...» в самом бывшем здании молитвенного дома; остальное хозяйственное имущество молитвенного дома⁵⁸ (ведра, тазы, полотенца, сосуд для тушения углей, шкаф и т.д.) было передано «для реализации через Антипинскую лавку»⁵⁹.

Есть еще один интересный документ. Это письмо верующих деревни Талавол в Молотовский облисполком от 27 ноября 1943 года. Хочется привести его почти дословно: «Мы, нижеподписавшиеся верующие граждане д. Талавол, принадлежащие к православному вероисповеданию, в июне ходатайствовали о возвращении нам храма-часовни, находящейся в д. Арефиной. Но нам в рассмотрении дела отказано. Мотивировано тем, что будто бы молитвенное здание закрыто по ходатайству населения. Это неверно. Мы, православные жители упомянутой деревни, не ходатайствовали и не желали закрытия молитвенного здания. Мы его охраняли как памятник старины. Этот храм-часовня постройки древней 17 века, когда-то тут было подворье Пыскорского монастыря. Иконы древнего письма нами хранились как памятник русской старины 17–18 веков. С отобранием у верующих этого здания ремонта в нем не производилось. Находящиеся старинные иконы от попадающей сырости портятся,

крыша протекает, крыльцо падает. Утварь очень старинная расхищена. В настоящее время еще целы некоторые иконы. Мы просим возвратить храм в наше пользование для удовлетворения религиозных потребностей»⁶⁰. Просьба не была удовлетворена.

В ответе от 10 ноября 1943 года на запрос Молотовского облисполкома Красновишерский райисполком сообщает, что с 1923 по 1941 годы в Красновишерском районе закрыто 19 молитвенных зданий. Закрытые молитвенные здания перестраивались, переоборудовались и использовались как избы-читальни, склады, сельский магазин (часовня в д. Романиха), клубы, мастерские (Нижняя Язьва), даже как скотный двор (д. Бычина)⁶¹. Некоторые постепенно приходили в негодность и разрушались. А ведь часть из них действительно представляла ценность: здания бывшей церкви Святой Троицы в селе Говорливое и здание часовни Святого Николая Чудотворца над ключами в селе Нижняя Язьва еще в 1933 году постановлением ВЦИК и СНК были объявлены памятниками архитектуры №6798 и 6815 и взяты под охрану государства⁶². Однако в актах обследования в сентябре 1948 года отмечено, что «в связи со многими переделками, а также сильными разрушениями» здания утратили «свою архитектурную и историческую ценность» и были сняты с учета как памятники архитектуры⁶³.

Таким образом, документы по вопросам религиозных культов представляют несомненный интерес, так как они беспристрастно и объективно отражают политику советской власти в отношении к церкви и ту ситуацию религиозной несвободы, в которую были поставлены верующие. Религиозная несвобода выражалась в массовом закрытии молитвенных зданий, в ограничении деятельности священнослужителей и верующих и в ущемлении их прав как граждан СССР, в немотивированных отказах в возвращении молитвенных зданий общинам верующих и их открытии, в утрате культовых зданий и культового имущества.

Отдельное исследование представляет собой тема взаимоотношений советской власти и протестантских церквей.

¹ Архивный отдел администрации Красновишерского муниципального района. Ф. 21. Оп.1. Д. 1. Л. 20.

² Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ Там же. Л. 1116.

⁸ Там же. Л. 19.

⁹ Там же. Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 24.

¹¹ Там же. Л. 25.

¹² Там же. Л. 22, 26.

¹³ Ф. 188. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

¹⁴ Ф.188. Оп.1. Д. 2. Л. 5–12.

¹⁵ Там же. Л. 13.

¹⁶ Там же. Л. 15.

¹⁷ Там же. Л. 16.

¹⁸ Там же Л. 23–24.

¹⁹ Там же. Л. 17–18.

²⁰ Там же. Л. 18.

²¹ Там же. Л. 20.

²² Там же. Л. 26.

- ²³ Там же. Л. 27.
²⁴ Там же. Л. 29–33.
²⁵ Там же. Л. 28.
²⁶ Там же. Д. 3. Л. 4.
²⁷ Там же. Л. 5.
²⁸ Там же. Л. 5–6.
²⁹ Там же. Л. 9.
³⁰ Там же. Л. 10.
³¹ Там же. Л. 12–13.
³² Там же. Л. 15–18.
³³ Ф.23. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
³⁴ Ф.1. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.
³⁵ Ф.188. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
³⁶ Ф.1. Оп. 1. Д. 6. Л. 55.
³⁷ Ф.188. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–5
³⁸ Там же. Л. 7–8.
³⁹ Там же. Л. 9.
⁴⁰ Там же. Л. 10–11.
⁴¹ Там же. Л. 13–24.
⁴² Там же. Л. 25.
⁴³ Там же. Л. 27.
- ⁴⁴ Там же. Л. 31.
⁴⁵ Там же. Л. 33.
⁴⁶ Там же. Л. 45–46.
⁴⁷ Там же. Л. 51.
⁴⁸ Там же. Л. 54.
⁴⁹ Там же. Л. 59.
⁵⁰ Там же. Л. 63.
⁵¹ Там же. Л. 64.
⁵² Там же. Д. 6. Л. 5.
⁵³ Ф.1. Оп. 1. Д. 8. Л. 193.
⁵⁴ Ф.188. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
⁵⁵ Там же. Л. 9.
⁵⁶ Там же. Л. 14.
⁵⁷ Там же. Л. 15.
⁵⁸ Там же. Л. 16.
⁵⁹ Там же. Л. 17.
⁶⁰ Там же. Л. 10.
⁶¹ Там же. Д. 7 Л. 1–3.
⁶² Там же. Д. 8. Л. 15.
⁶³ Там же. Л. 22, 23.

О СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКЕ РЕЖИМНОСТИ (НЕСВОБОДЫ) И ОБ АРХИПЕЛАГЕ ГУЛАГ И СПЕЦПОСЕЛЕНИЯХ КАК ИХ КУЛЬМИНАЦИИ ¹

Павел ПОЛЯН (Фрайбург – Москва)

Многочисленные и все более широкие ограничения мобильности населения в виде всякого рода «режимных зон» явились следствием и инструментом ужесточения после 1929 г. системы социального контроля и репрессий, заложенной уже в первые годы советской власти. Территориальная мобильность и социальные права приводились в соответствие с социальным статусом, а он, в свою очередь определялся режимом, установленным для каждой социальной, этнической и территориальной группы населения. На низшем этаже этой новой социальной иерархии находились все более и более многочисленные контингенты заключенных ГУЛАГа. Без этого «второго крепостного права» было бы невозможно создать военно-промышленный комплекс – ядро обслуживающей его нужды закрытой квазиавтаркической экономики, новую территориальную структуру хозяйства, соответствующую геополитическим целям советского государства. Противостояние СССР как «осажденной крепости» всему остальному миру и территориальная экспансия требовали усиления военного присутствия в широкой зоне по всему периметру границ, развития коммуникаций, освоения труднодоступных районов и создания там очагов производства и военных баз.

География ГУЛАГа и спецпоселений и сегодня во многом определяет территориальную структуру хозяйства страны. Система мест заключения лежала в основе ограничений территориальной мобильности советских граждан, а затем после того, как «железный занавес» был несколько приоткрыт, и иностранцев.

Размещение объектов ГУЛАГа было продиктовано задачами, во-первых, мобилизации экономических ресурсов и человеческого потенциала для сокращения технологического отставания от передовых стран и строительства конкурентоспособных предприятий военно-промышленного комплекса; во-вторых, освоения необходимых для этого природных ресурсов и новых территорий для наращивания выпуска металлов и других материалов; в-третьих, создания военной и иной инфраструктуры и устройства территории вдоль внешних рубежей СССР.

Наконец, ГУЛАГ играл ведущую роль на «великих стройках», кото-

рые было невозможно осуществить без массового применения бесправной и потому почти бесплатной (чаще всего малоквалифицированной) рабочей силы. Поэтому, кстати, ярко выраженный гигантизм постоянно воспроизводился в советской хозяйственной деятельности. Именно масштабные стройки отвечали духу централизованной иерархической системы планирования и управления, а также служили идеологическим задачам – доказательству преимуществ социалистической системы.

Система ГУЛАГа должна была обеспечить контролируемую территориальную мобильность рабочей силы в соответствии с географией «великих строек» и меняющимися экономическими задачами государства. «Человеческий материал» для их решения в обилии поставлялся в ходе репрессий – коллективизации и кулацкой ссылки, зачисток других «классово чуждых элементов» и территорий вдоль границ, Большого Террора 1937–1938 гг., аннексии и советизации территорий в 1939–1940 гг., депортации этнических и культурных групп и т.д. Вся страна служила своего рода «человеческим карьером», откуда добывалась «человеческая руда» – принудительно используемая рабочая сила, а репрессии были циничным методом их добычи «открытым способом» и массовой дешевой транспортировки. Тем самым репрессии играли еще и роль механизма для конструирования нового экономического и социального пространства страны, основанного на ложной, но тем не менее твердой уверенности в том, что принудительный труд, если его грамотно применять, может быть более эффективным, нежели труд свободный.

При этом между различными типами репрессий существовало определенное, в том числе и территориальное, «разделение труда». Так, «Архипелаг ГУЛАГ» жиждился на легитимизированной через квазисудебные решения абсолютной бесправности «зэка» и был в значительной мере специализирован на освоении природных ресурсов районов с экстремальными природными условиями (как, например, угледобыча в Печорском бассейне, лесодобыча и лесосплав на Крайнем Севере ², добыча золота на Колыме или платины в районе Норильска и т.д.). Он же обеспечивал физическим трудом и промышленное строительство (ВИШЕРЛАГ тут де-факто пионер), а если надо, то и проектирование и частично эксплуатацию («шарашки») сверхсекретных объектов (военных баз, урановых рудников, закрытых городов и т.д.) ³.

Жертвы депортационной политики (спецпоселенцы и аналогичные им группы) выбирались иначе – на контингентно-административной репрессивной основе, формально допускавшей минимум общих для них прав (сохранение институтов семьи, соседства, а отчасти и профессиональной преемственности) ⁴. Реализация этих прав была бы невозможна в климатически экстремальных условиях. В соответствии с этим ареалами вселения депортированных служили относительно обжитые территории Европейского Севера, Урала, Западной Сибири, Казахстана и

Средней Азии, за исключением разве что наиболее урбанизированных и приграничных районов, где спецпереселенцам запрещалось жить.

Центрами территорий их вселения служили, как правило, небольшие поселки, в которых размещались комендатуры. Поэтому расселение депортированных в начальной своей фазе было, как правило, мелкоселенным, а по своей хозяйственной функции в основном аграрным или лесохозяйственным, что хотя и дублировало аналогичную «ГУЛАГовскую отрасль», но, как правило, не означало перекрытия с лесными зонами лагерных островов ГУЛАГа.

Еще один специфический и географически самостоятельный элемент «межрепресссионного разделения труда» составляли плановые трудовые мигранты, де-юре не репрессированные, а завербованные по линии планово-добровольного переселения. Ареалами их вселения вполне могли быть и трудодефицитные регионы с относительно благоприятными природными и социальными условиями (например, юг Дальнего Востока, Поволжье, Северный Кавказ или даже отдельные районы Украины или Крыма после коллективизации, голода или массовых депортаций). Однако методы этого добровольного переселения и условия, в которые попадали мигранты, зачастую носили такой характер, что фактически ничем не отличались от «мягких» репрессий типа административной ссылки или высылки ⁵.

В правовом отношении указанным группам принудительно мобилизованных рабочих соответствовали разные административные режимы, отличавшиеся по степени личной свободы и ограничения мобильности (или, иначе, по степени «прикрепленности» человека к месту отбывания им репрессии). Регламент ГУЛАГа сравним с рабовладельческим укладом, спецпоселения – с феодально-крепостническим, а добровольно-плановые трудовые миграции представляли собой столыпинскую реформу, вывернутую наизнанку. Если Столыпин взял курс на экономическое освобождение вчерашних крепостных, хотя и обретших личную свободу, но не способных вырваться за черту своей общинной оседлости, то статус трудовых мигрантов по оргнабору имел отчетливую тенденцию к их закреплению и помещению в ту или иную устанавливаемую государством «черту новой оседлости». Их номинальная свобода передвижения ограничивалась и режимом прописки, и условиями заключенных с государством договоров, нацеленных на максимально жесткое закрепление рабочей силы за предприятиями. Статус трудовых мигрантов по оргнабору заметно ужесточился в конце 1930-х гг. и особенно сильно – в годы войны. Это отражалось и в документальном оформлении кабалы: фактическое отсутствие личных документов на зоне (в ГУЛАГе), наличие индивидуальных справок и комендантский режим у спецпоселенцев (и, отчасти, и у ссыльных) и частичная паспортизация (в начале 1930-х гг.) у плановых переселенцев из числа горожан.

В экономическом плане трудовые мигранты в принципе могли работать в любой сфере, вплоть до обрабатывающей промышленности и образования, и, соответственно, оседать даже в крупных городах, тогда как экономическим профилем ГУЛАГа были добывающая промышленность и строительство, а спецпоселенцев – сельское и лесное хозяйство. Из них только ГУЛАГ был зоной, при необходимости «свободной» от действия экономических законов, описанных в свое время К. Марксом и его последователями. Только ГУЛАГ в порядке рецидива и даже пароксизма рабовладельчества допускал постановку, а в отдельных случаях, не считаясь с рентабельностью или даже человеческими жертвами, и «решение» задач, практически нерешаемых в иных общественных условиях (например, строительство железной дороги Воркута – Дудинка, заслуженно прозванной потом «мертвой дорогой»).

После войны, когда демографический потенциал страны основательно оскудел, указанное «разделение труда» начало постепенно размываться, особенно после смерти Сталина. Новые хозяйственные задачи требовали иной раз объединения усилий как репрессированных, так и нерепрессированных. Крупные проекты стали уже непосильны ни для одной из категорий в отдельности. Классический пример – освоение целины. Трудовые ресурсы этого проекта представляли собой комбинацию остаточных элементов всех упомянутых «архипелагов» в сочетании с системой так называемого «комсомольского призыва» – своего рода инновации в области принудительной мобилизации труда, по-прежнему стремящейся иметь видимость добровольной.

Роль репрессий и, в частности, ГУЛАГа, и спецпоселений в формировании современного расположения промышленности невозможно переоценить. Острова «архипелага ГУЛАГ» – основа новых военных баз, «закрытых городов» и других объектов, составивших новый каркас территории страны.

ГУЛАГ был одним из важнейших средств ограничения мобильности граждан: максимальная единовременная численность заключенных достигала более 2600 тыс. человек. Изолируя в лагерях такое количество людей, преимущественно городских жителей, верховная власть запрещала им возвращаться в свои дома даже в случае освобождения. При этом сельские жители, как известно, были лишены паспортов, и их переезд в города был сопряжен с преодолением сложных административных препятствий. Жизнь в городе, тем более крупном или столичном, снабжавшемся по льготным нормам, предоставлявшем широкие возможности трудоустройства и более комфортные условия жизни, рассматривалась как значительная привилегия. Люди, прошедшие через лагеря, не имели на них права. Была создана и постоянно развивалась целая система ограничений – режимы, известные как «минус пять» (запрет на проживание в пяти самых крупных городах), «минус десять» и т.д. Были установ-

лены категории регионов, зон, городов, закрытых для освобожденных из лагерей и других «лишенцев» в зависимости от «стратегической» значимости местности и статьи, по которой были осуждены узники. К началу 1953 г. ограничения на место жительства охватывали 340 городов, местностей, железнодорожных станций, а также пограничную зону вдоль всей границы страны, ширина которой варьировала от 15 до 500 км.

Коренным образом перековать карту страны, строя на голом месте новые промышленные центры, не смогли ни ГУЛАГ, ни паспортный режим, ни спецпоселения.

Институциональная инфраструктура миграций в России имеет свою историческую традицию. До конца XIX века вопросами вяло текущего переселения занималось Министерство государственных имуществ: выразительная деталь, подчеркивающая специфическое отношение Российского государства к своему населению именно как к «имуществу». По мере обретения населением России личной свободы и индивидуального лица миграционные компетенции все больше сосредотачивались у МВД, какие бы ипостаси – ОГПУ, НКВД и др. – оно впоследствии ни принимало. Так, первый в России миграционный орган – Переселенческое управление – впервые было основано 2/14 декабря 1896 г. при МВД. При этом международные миграции осуществлялись МВД в кооперации с МИД, а внутренние в кооперации с органами юстиции⁶ или аграрного профиля – в зависимости от степени принудительности миграции. То же Переселенческое управление было изъято в мае 1905 г. из подчинения МВД и передано в ведение Главного управления землеустройства Министерства земледелия. Главное Переселенческое управление СССР длительное время (с 1924 по 1936 гг.) находилось в ведении Минсельхоза СССР. В советское время впервые наметился тренд к выделению миграционных органов из структур МВД и их превращению в самостоятельные структуры при правительстве.

Но, разумеется, все то, что было связано с вопросами насильственного переселения, из рук репрессивных органов МВД, как правило, не утекало. В этой связи немалый интерес представляет организационная структура депортационного дела в СССР. При всем принципиальном отличии между советскими депортированными (как административно-высланными спецпоселенцами) и советскими заключенными (как осужденными НКВД или судами) существенно помнить, что сугубо организационно и за то, и за другое отвечали органы ОГПУ–НКВД–МВД. Большую часть периода депортаций Отдел спецпоселений или аналогичные ему органы входили непосредственно в ГУЛАГ как его составная часть. В самом начале 1930-х гг., во время кулацкой ссылки, в составе ОГПУ существовал самостоятельный Отдел по спецпереселенцам, со своими отделениями и инспекциями на местах.

Заметим, что и третья составная часть внутренних миграций –

добровольно-принудительные «плановые переселения» – некоторое время тоже входила в состав компетенций НКВД. Переселенческий отдел НКВД был образован 22 июля 1936 года на базе Всесоюзного Переселенческого комитета при СНК ⁷. 9 августа 1939 года отдел был вновь выведен из штата НКВД и передан в ведение Переселенческого управления при СНК. Интересно, что на время его существования в составе НКВД пришла первая тотальная этническая депортация – выселение корейцев.

Институционализация миграций, в том числе и принудительных, неотрывна от ее документального наполнения. Жанровый репертуар документации по принудительным миграциям велик и неупорядочен. Анализ одного только сборника документов «Сталинские депортации» ⁸ выявил около двух десятков таких жанрово-типологических обозначений: законы, постановления, указы, распоряжения, решения, директивы, приказы, циркуляры, планы, указания, циркуляры, инструкции, сводки, письма, телеграммы, шифрограммы обращения, докладные и служебные записки, разъяснения, запросы, справки, спецсообщения и сообщения, донесения, рапорты, отчеты, представления к награждению, памятки, просьбы и т.п. Вся эта пестрая жанрово-типологическая совокупность, безусловно, заслуживает своего анализа и упорядочения.

Такие типы документации, как законы, постановления, указы, распоряжения, издавались высшими органами власти. Издающими органами при этом выступали СНК, ГКО (во время войны), ПВС. Но нередко иницилирующими и решающими бывали не советские, а партийные документы – решения политбюро и его комиссий (именно им «обязаны» кулаки и поляки в 1930 г.). Но руку прикладывали не только центральные, но и региональные парторганы (в частности, тотальная депортация корейцев была инициирована директивой крайкома).

Нередко практиковались и совместные постановления исполнительной власти и партийных органов, в частности, постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» от 26 августа 1941 г. Указы ПВС СССР как бы завершали необходимую бюрократическую работу – «оформляли» все как надо и легитимизировали любое беззаконие. Случай оформления депортаций (точнее, ее итогов) в виде законов единичен: это Закон РСФСР «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область» от 25 июня 1946 г.

Всю исполнительскую, – но нередко, впрочем, и иницилирующую – работу по депортациям осуществляли органы НКВД, так что преобладающие именно их документооборота в большинстве публикаций первичных материалов по депортациям более чем понятно.

Принципиальные решения о депортациях (в особенности о депортационных кампаниях) всегда принимались в Москве, на центральном

уровне, откуда транслировались в регионы и ниже. В 1920-е и 1930-е гг. изредка встречались депортации, санкционированные республиканскими органами (в частности, УССР), но пика своей децентрализации депортационное дело достигало в годы ВОВ, когда право вынесения решения о тех или иных депортациях было делегировано фронтовым армейским органам: в качестве примера укажем на Постановление Военного Совета Ленинградского фронта №00714а от 20 марта 1942 г. об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов области и города Ленинграда.

Следует заметить, что массовые переселения депортационного типа занимают промежуточное положение между насильственными перемещениями в пространстве ГУЛАГа миллионов осужденных советских граждан и так называемым плановым, или организованным, или сельскохозяйственным, переселением, призванным выправить внутреннюю диспропорцию трудовых и земельных ресурсов, сложившуюся в пределах России и СССР (отчасти исторически, отчасти в результате перегибов национальной и экономической политики). Формально это последнее переселение велось на «добровольной основе», в действительности же — в условиях тоталитарного режима — все было совершенно иначе: недаром к реализации этой политики были привлечены не только органы внутренних дел, но и система военкоматов, а вся документация по этому вопросу велась в режиме секретности.

Методы «добровольной» вербовки, особенно в 1930-е гг., не оставляют и тени сомнений в принудительном и неэффективном характере этих переселений. Так, в «Докладе об итогах переселения красноармейских хозяйств на Северо-Кавказский край» за 10.12.1933 читаем: *«Отдельные воинские части, в погоне за выполнением «контрольных цифр», — при вербовках допускали по существу насильственные методы вербовок, в приказном порядке. У части коммунистов отбирались партбилеты за отказ от выезда на Кубань; исключали из партии. В эшелоне №170 у переселенца отобрана подписка о невыезде его с Кубани; отдельных красноармейцев снимали с постов, приказывали грузиться в эшелоны и выезжать»*⁹.

Вместе с тем закономерно возникает вопрос о соотношении типологических, организационных и, в особенности, географических черт между системами планово-добровольного, депортационного и тюремно-лагерного («Архипелаг ГУЛАГ») переселения и т.д. Депортационная политика тесно связана с общей политикой принудительного труда в СССР и может быть понята только в единстве с практикой принудительного трудоустройства осужденных в ГУЛАГе и планово-добровольного переселения.

В частности, провал планового переселения в 1920-е гг. в сочетании с валютоприносящим экспортом древесины во многом предопределили принудительные формы и методы переселения и трудоустройства,

на которые государство перешло в 1930-е гг. как по линии заключенных (исправительно-трудовая система ГУЛАГа), так и по линии депортированных (спецпереселенцев, административно-высланных и т.д.). При этом считалось, что принудительный труд мог быть более эффективным, чем свободный. Между плано-добровольным, депортационным и тюремно-лагерным типами переселений отмечалось не всегда четкое, но все же ощутимое макрогеографическое разделение труда: так, плановое переселение «отвечало» за переселение в трудодефицитные регионы с относительно благоприятными природными и социальными условиями (например, на Северный Кавказ или в отдельные районы юга Дальнего Востока), тогда как «Архипелаг ГУЛАГ» специализировался на освоении районов с экстремальными природными условиями (как, например, на Колыме) или же обеспечивал физическим трудом сверхсекретные объекты (урановые рудники, закрытые города и т.д.).

Что же касается системы спецпоселков и комендатур для депортированных, то она занимала промежуточное положение между ними, в результате чего основными ареалами вселения депортированных были Европейский Север, Урал, Западная Сибирь, Казахстан и Средняя Азия, за исключением самых обжитых или приграничных районов.

Политэкономия большевизма зиждилась на ложной, но твердой уверенности в том, что принудительный труд, если его грамотно применять, может быть более эффективным, нежели труд свободный. Поэтому репрессии разных видов должны были не только обильно поставлять «человеческий материал», но и обеспечить контролируруемую территориальную мобильность рабочей силы в соответствии с географией «великих строек» и меняющимися экономическими задачами государства. Вся страна служила своего рода «человеческим карьером», откуда добывалась принудительно используемая рабочая сила, а репрессии были циничным методом их добычи и транспортировки.

При этом между различными типами репрессий существовало определенное, в том числе и территориальное, «разделение труда». Так, «Архипелаг ГУЛАГ» зиждился на легитимизированной через квазисудебные решения абсолютной бесправности «зэка» и был в значительной мере специализирован на освоении районов с экстремальными природными условиями (как, например, угледобыча в Печорском бассейне, лесодобыча и лесосплав на Крайнем Севере ¹⁰, добыча золота на Колыме или платины в районе Норильска и т.д.). Он же обеспечивал физическим трудом строительство, а если надо, то и проектирование и частично эксплуатацию («шарашки») сверхсекретных объектов (военных баз, урановых рудников, закрытых городов и т.д.).

Жертвы депортационной политики (спецпоселенцы и аналогичные им группы) выбирались иначе – на контингентно-административной репрессивной основе, формально допускавшей минимум общих для них

прав (сохранение институтов семьи, соседства, а отчасти и профессиональной преемственности). Реализация этих прав была бы невозможна в климатически экстремальных условиях. В соответствии с этим ареалами вселения депортированных служили относительно обжитые территории Европейского Севера, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, за исключением разве что наиболее урбанизированных и приграничных режимных районов, где спецпереселенцам в силу их статуса запрещалось жить.

Центрами территорий их вселения служили, как правило, небольшие поселки, в которых размещались комендатуры. Поэтому расселение депортированных в начальной своей фазе было, как правило, мелкоселенным, а по своей хозяйственной функции в основном аграрным или лесохозяйственным, что хотя и дублировало аналогичную «ГУЛАГовскую отрасль», но, как правило, не означало перекрытия с лесными зонами лагерных островов ГУЛАГа.

Еще один специфический и географически самостоятельный элемент «межрепрессийного разделения труда» составляли плановые трудовые мигранты, де-юре не репрессированные, а завербованные по линии плано-добровольного переселения. Ареалами их вселения вполне могли быть и трудодефицитные регионы с относительно благоприятными природными и социальными условиями (например, юг Дальнего Востока, Поволжье, Северный Кавказ или даже отдельные районы Украины или Крыма после коллективизации, голода или массовых депортаций). Однако методы этого добровольного переселения и условия, в которые попадали мигранты, зачастую носили такой характер, что фактически ничем не отличались от «мягких» индивидуализированных репрессий типа административной ссылки или высылки¹¹.

В правовом отношении указанным группам принудительно мобилизованных рабочих соответствовали разные административные режимы, отличавшиеся по степени личной свободы и ограничения мобильности (или, иначе, по степени «прикрепленности» человека к месту отбывания им репрессии). Регламент ГУЛАГа сравним с рабовладельческим укладом, спецпоселения – с феодально-крепостническим, а добровольно-плановые трудовые миграции представляли собой столыпинскую реформу, вывернутую наизнанку. Если Столыпин взял курс на экономическое освобождение вчерашних крепостных, хотя и обретших личную свободу, но не способных вырваться за черту своей общинной оседлости, то статус трудовых мигрантов по оргнабору имел отчетливую тенденцию к их закреплению и помещению в ту или иную устанавливаемую государством «черту новой оседлости». Их номинальная свобода передвижения ограничивалась и режимом прописки, и условиями заключенных с государством договоров, нацеленных на максимально жесткое закрепление рабочей силы за предприятиями. Статус трудовых мигрантов по

органбору заметно ужесточился в конце 1930-х гг. и особенно сильно – в годы войны. Это отражалось и в документальном оформлении кабалы: фактическое отсутствие личных документов на зоне (в ГУЛАГе), наличие индивидуальных справок и комендантский режим у спецпоселенцев (в некоторых случаях и у ссыльных) и частичная паспортизация (в начале 1930-х гг.) у плановых переселенцев из числа горожан.

В экономическом плане трудовые мигранты в принципе могли работать в любой сфере вплоть до обрабатывающей промышленности и образования и, соответственно, оседать даже в крупных городах, тогда как экономическим профилем ГУЛАГа были добывающая промышленность и строительство, а спецпоселенцев – сельское и лесное хозяйство. Из них только ГУЛАГ был зоной, при необходимости «свободной» от действия экономических законов, описанных в том числе и К. Марксом. Только ГУЛАГ в порядке рецидива рабовладельчества допускал постановку, а в отдельных случаях, не считаясь с рентабельностью или даже человеческими жертвами, «решение» задач, практически нерешаемых в иных общественных условиях (например, строительство железной дороги Воркута – Дудинка, заслуженно прозванной потом «мертвой дорогой»).

После войны, когда демографический потенциал страны основательно оскудел, указанное «разделение труда» начало постепенно размываться, особенно после смерти Сталина. Новые хозяйственные задачи требовали иной раз объединения усилий как репрессированных, так и нерепрессированных. Крупные проекты стали уже непосильны ни для одной из категорий в отдельности. Классический пример – освоение целины. Трудовые ресурсы этого проекта представляли собой комбинацию остаточных элементов всех упомянутых «архипелагов» в сочетании с системой так называемого «комсомольского призыва» – своего рода инновации в области принудительной мобилизации труда, по-прежнему стремящейся иметь видимость «добровольной».

Выше уже упоминались понятие режима (режимности) территорий и ссылка и высылка как «мягкие» формы индивидуальных репрессий. При этом под высылкой традиционно понимается насильственное выдворение из некоей местности, а под ссылкой, – наоборот, водворение в определенной предустановленной по суду местности на жительство¹². Они могли быть и бессрочными, но чаще всего приговор содержал в себе и указание срока.

Свобода передвижения высланного или ссыльного имела немало ограничений, но ограничения вовсе не прекращались с истечением срока высылки и ссылки. Далее в ход вступали разнообразные «минусы» («минус 6», «минус 12» и т.д.), суммировавшие запреты и ограничения на дальнейшее проживание в отдельных местностях¹³.

Однако, как это ни удивительно, вопросы миграционной режимности репрессированных категорий граждан относятся к числу наименее

изученных в науке о репрессиях в СССР, а значительная часть соответствующей документации по необъяснимым причинам до сих пор не раскрыта.

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта Фрайбургского университета «Миграции в сельско-городском континууме России в 20-м веке: управление, приживаемость и стратегии преодоления» (Немецкого Исследовательского общества).

² До известной степени роль леса в экспорте СССР в сталинское и отчасти в хрущевское время сопоставима с ролью углеводов во время правления Брежнева и после него.

³ См.: Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. / Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Морюков. М.: МФД – Материк, 2005. Экономика ГУЛАГа. / Отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. История сталинского ГУЛАГа. В 7 т. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2004.

⁴ Подробнее см.: Полян П.М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. / Послесловие А. Вишневого.– М.: О.Г.И. – Мемориал, 2001; Поболь Н.Л., Полян П.М. (Сост.) Сталинские депортации. 1928–1953. Документы. / Сер.: Россия XX век. М.: Материк – Фонд Демократия, 2005.

⁵ Подробнее см.: Полян П.М. Депортации и этничность // Поболь Н.Л., Полян П.М. (Сост.) Сталинские депортации. 1928–1953. Документы. / М., 2005. С.8–10. При этом речь идет не о десятках и не о сотнях тысячах человек, а о миллионах в каждом из перечисленных трех случаев.

⁶ Минюст составлял им конкуренцию исключительно по пенитенциарной системе.

⁷ В 1937–1938 гг. его возглавлял И.И. Плинер.

⁸ Сталинские депортации. 1928–1953. Документы / Сост.: Поболь Н.Л., Полян П.М. Сер.: Россия XX век. М.: Материк – Фонд Демократия, 2005. 904 с.

⁹ РГАЭ. Ф.5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 49. Не менее выразительно и то, что по пути контакты с местным населением не допускались.

¹⁰ До известной степени роль леса в экспорте СССР в сталинское и отчасти в хрущевское время сопоставима с ролью углеводов во время правления Брежнева и после него.

¹¹ Подробнее см.: Полян П. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Колосов В.А., Полян П.М. Ограничение территориальной мобильности и конструирование пространства от сталинской эпохи до наших дней // Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов М.: РОССПЭН, 2009. С. 25–48.

¹² Таганцев Н. Ссылка и высылка как уголовное наказание // Журнал гражданского и уголовного права. – 1881. Т. 11. Кн. третья, Май – Июнь. – С. 117–134.

¹³ См., например: Нерлер П. «Слово и «Дело» Осипа Манделштама. Книга допросов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С.79–84.

МОБИЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ЛЕСОЗАГОТОВКИ В ПЕРИОД С 1942 ПО 1947 ГГ.

**(по документам личного состава ликвидированных
предприятий п. Яйва Александровского района)**

***А. Ю. Попова, заведующая архивным отделом администрации
Александровского муниципального района***

Архивная служба Александровского района действует с апреля 1948 года. Архивный отдел хранит документальный комплекс, хронологические рамки которого охватывают период с начала XIX века и до наших дней. Здесь сосредоточены документы по истории района.

Начало 90-х характеризуется коренными изменениями в составе документов, хранящихся в архивном отделе: с 1992 года начат прием документов по личному составу.

В составе фондов списки работников, приказы и распоряжения о приеме – увольнении, расчетные ведомости по заработной плате, личные дела работников и др. Документы по личному составу исследователями не использовались. Но так сложилось, что эти документы являются в ряде случаев единственными источниками по истории предприятий района.

Цель данной публикации – показать информационные возможности документов по личному составу.

Документы 57 ликвидированных предприятий хранятся в архиве, в том числе леспромхозов Ивакинского, Александровского, Яйвинского, Яйвинского домостроительного комбината и др.

В настоящей статье ограничимся рассмотрением документов Вижайского мехлеспункта п. Яйва по интересующей теме: мобилизации населения в трудовую армию годы войны в Александровский район.

Выделим 9 томов бывшего предприятия лесной промышленности поселка Яйва за 1942–1947 годы. Они создавались в годы Великой Отечественной войны, в период начала мобилизации населения в трудовую армию. В них включены документы: списки личного состава прибывших мобилизованных, алфавитные списки, приказы и распоряжения.

Страничка по политическим репрессиям в Александровском районе открыта, но еще далеко не завершена. Переселение репрессированных на территорию нашего района остается актуальным вопросом. Сбор сведений о ссыльных, спецпереселенцах, мобилизованных – задача, кото-

рую предстоит решать. Информация о репрессированных группы «мобилизованные в трудовую армию» обнаружилась в документах по личному составу ликвидированных предприятий. Заметим, что ранее эти документы хранились в ведомственных архивах и были нам недоступны.

В Александровский район первая партия мобилизованных на лесозаготовки в трудовую армию прибыла в 1942 году.

Прибывали граждане, мобилизованные горвоенкоматами в трудовую армию, из разных частей России: из Поволжья, Туркменской ССР, Казахстана, Молотовской области [Д. 9. Л. 20].

В деле №1933 (л. 64) имеется «Именной список на команду мужчин-немцев, призванных Ояшинским райвоенкоматом...» 24 ноября 1942 года. В списке 29 человек. Все прибывшие были направлены для работы в 96 и 100 кварталы п. Яйва на лесозаготовки.

Возраст мобилизованных: от 15 до 18 лет – 14 чел., от 33-х до 55 лет – 15 чел. Среди них были бухгалтеры, экономисты, химики-технологи, кузнецы.

В «Списке мобилизованных корейцев...» значатся 93 человека, возраст мужчин от 21 года до 57 лет (Там же, Л.Л.135–153).

«Список рабочих Вижайского мехлесопункта мобилизованных из Туркменской ССР по состоянию на 20/VIII-1943 г.» Всего 202 человека, в том числе 105 узбеков, 97 туркменов (Там же, Л. 45–56).

В деле №1883 в списке мобилизованных рабочих так же, как и в предыдущем, значатся узбеки и туркмены, прибывшие в «Еловакт» 16 июля 1943 года, всего 151 человек.

Практически все направлены из колхозов, социальное положение и происхождение – из рабочих и крестьян, «неграмотные», «отношение к военной повинности» – военнообязанные. Мобилизованных привлекали к работе в лесу на лесозаготовках, к строительству дорог.

В «Списке личного состава вновь прибывших немцев по Вижайскому мехлесопункту на 3–5 декабря 1942 г.» значатся 912 человек (Д. 1934 Л.60–129). 67% мобилизованных – это молодые люди в возрасте от 13 до 18 лет. В графе «социальное положение» большинства значится – учащиеся. По спискам по учету личного состава можно проследить этнический состав и количество привлеченных мобилизованных с указанием фамилий, места, откуда прибыли.

В приказах встречается информация, касающаяся дисциплины, наказания и поощрения работников. За самовольный уход с работы привлекали к уголовной ответственности как дезертиров. В качестве примера можно привести приказ №162 от 28 декабря 1942 года: «Мобилизованные рабочие из В.-Муллинского р-на Култаевского с/совета колхоза «Политотдел», прибывшие на л/заготовки в Вижайский мехлесопункт, нижеследующие:

Казанцев Леонид Федорович, 1926 г.р. (16 лет)

Назаров Василий Иванович, - " -
Мельчуков Павел Андреевич - " -
Милагонов Павел Андреевич - " -

в ночь на 23/ХІІ- 1942 года из общежития Каменского л/уч-ка сбежали в неизвестном направлении.

ПРИКАЗЫВАЮ: Отделу кадров МЛП оформить материал по Указу от 26/ХП-1941 г. и 1-го по ст. ГКО от 1 /ХІІ-1942 о лесозаготовках и направить прокурору В.-Муллинского р-на для привлечения к уголовной ответственности как дезертиров трудового фронта.

Директор Механошин». (Д. 8. Л. 182).

Мобилизованным выдавали специальные удостоверения. В деле №1933 содержится «Список на получение спец. удостоверения мобилизованным рабочим по Каменскому лесопункту». В списке 20 человек, по национальности казахи (Л. 169). Аналогичный «Список мобилизованных на получение спец. удостоверений Вижайского лесоучастка – 21 человек» имеется в деле №1938. В графе «национальность» указаны украинцы, узбеки, корейцы, евреи, русские. Место расселения – ст. Яйва, п. База (Л. 171).

В деле №10 содержится приказ №259 по Вижайскому МЛП от 5/ІХ-1944 г. следующего содержания:

«...Ранее мобилизованной рабочей из Частинского р-на БАЙДИНОЙ Анне Андреевне и перешедшей на работу в постоянный кадр за систематическое перевыполнение дневных норм в порядке поощрения и для перевозки домашних вещей ПРИКАЗЫВАЮ: предоставить пятнадцатидневный отпуск сроком с 5/ІХ по 20/ ІХ 1944 года.

Отделу кадров возбудить ходатайство перед Александровским ГОНКВД о получении пропуска гр. Байдиной на право проезда от ст. Яйва до пристани Частые и обратно.

Основание: личное заявление Байдиной и приказ по Долгинскому л/уч-ку от 2/ІХ-44 г. Директор (подпись)» (Л. 13).

Мобилизованных рабочих обучали профессиям в лесу, на рабочем месте. Приказ №247 от 12 августа 1944 года предписывал: «Во исполнение приказа по тресту «Кизелшахтстрой» от 17/VI-44 г. за №223 для обеспечения плана лесозаготовок квалифицированной рабсилы и в связи с наличием еще необученных новых рабочих ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Под личную ответственность начальников Яйвинского л/уч-ка т. Захарова и Вижайского л/уч-ка т. Пономарева организовать с 15/VIII-44 г. индивидуально--групповое обучение новых рабочих к профессии лесорубов по 20 человек на том и другом лесоучастке и по одному к профессии пилоправа.

2. На рабочих, которые подлежат обучению, списки представить к 14/ VIII-44 г. в МЛП в количестве, указанном в п. 1 настоящего приказа, с указанием фамилий инструкторов, закрепленных за группами обучаемых.

3. Обучение проводить непосредственно на рабочем месте и в порядке инструктажа беседами.

4. Инструктору, ведущему обучение, выплачивать за каждого ученика в сумме 75 рублей и за каждого обученного, сдавшего гостехэкзамен, по 50 рублей премиальных.

5. Срок обучения к профессии лесорубов устанавливается с 15/VIII по 1/X-44 г.

6. Контроль за выполнением настоящего приказа и руководство обучаемых в целом по МЛП возлагаю на методиста по тех. обучению т. Гиттис.

И.о. дир-ра МЛП (подпись)».

С 1942 года наблюдается высокая смертность среди трудармейцев, начались массовые побеги людей, не выдержавших тяжелых условий.

В деле №1933 имеется список Долгинского лесоучастка на 124 человека – «Список на умерших мобилизованных немцев Вижайского мехлесопункта по состоянию на (дата не указана)». Этот пофамильный страшный список фиксирует даты побегов и смерти – с конца 1942 года по апрель 1944 года. Причины смерти в основном кохексия, сыпной тиф, дизентерия, туберкулез легких. Возраст умерших – примерно 40% от 30 до 50 лет, среди остальных большинство – от 15 до 18 лет (Л. Л. 18–19).

Большее число мобилизованных прибыло из Поволжья. По состоянию на 5 августа 1945 года их осталось 259 человек [Д. 1937. ЛЛ. 33–53].

В приказах, списках мобилизованных за 1942–1947 г. обязательно указывалась национальность.

«Приказ №244 от 08 августа 1944 года по Вижайскому МЛП:

1. Мобилизованного немца РЫНОС-ПРИБЫЛОВА Леонида Ивановича командировать в Новосибирскую область по отгрузке теплых вещей для мобилизованных рабочих. Срок командировки с 8/VIII-44 г. по 8 /IX-44 г.

Директор (подпись)».

Мобилизованные горвоенкоматами граждане Поволжья в дальнейшем именуются спецпереселенцами и контролируются спецкомендатурой г. Кизела. В 1953 году появляются сведения о выезде их домой. Приказ по Вижайскому леспромхозу треста «Чусовлес» №38 от 5 марта 1953 года «...Рабочему с/переселенцу ШРАЙБЕР Ивану Ивановичу предоставить окончательный расчет для соединения с семьей.

Основание: Указание с/комендатуры. И.О.

Директор Пименов» [Д. 27. Л. 135].

Документы по личному составу военного периода – это в основном рукописи. Источники написаны чернилами фиолетового и черного цвета с 2-х сторон листа. Важно, что в пофамильных списках приведены полностью сведения о мобилизованных: фамилия, имя, отчество, дата

рождения, наименование поселения, откуда они прибыли и куда были направлены для работы.

Сострадание, боль за все тяжести, которые перенесли мобилизованные, передается документами.

Другую категорию источников составляют воспоминания участников событий, бывших мобилизованных и местных жителей, печатные издания. Таким образом, архивные материалы в совокупности с другими источниками позволят достаточно полно раскрыть тему использования трудармейцев на лесозаготовках в период Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет.

Источники:

Приказы и списки Вижайского мехлесопункта и Верх-Яйвинского лесспромхоза (фонд №1, опись №2, дела №№ 8, 9, 10, 27, 1933, 1934, 1937, 1938, 1883);

Н. Ф. Антусенко. Архив документов по личному составу ликвидированных предприятий лесной промышленности. Справка о составе и содержании фондов, 2007.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИШЕРСКИХ ЛАГЕРЕЙ: ПОТЕРИ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ

*М. В. Рубинов, к.и.н., доцент кафедры государственного управления
и истории гуманитарного факультета Пермского национального
исследовательского политехнического университета*

Решениями большевистских руководителей во главе со Сталиным в места лишения свободы направлялись те, кто реально или потенциально противодействовал мероприятиям большевиков по построению социалистического общества. Важнейшая роль среди этих мероприятий отводилась форсированной индустриализации, то есть созданию объектов промышленности в кратчайшие сроки. Для проведения форсированной индустриализации проводилось насильственное изъятие ресурсов из деревни. Действительные или возможные противники коллективизации и других действий большевиков пополняли места заключения. Сама же система мест заключения была реорганизована таким образом, чтобы с ее помощью возводить промышленные объекты и решать другие задачи индустриализации. Типичным местом заключения стали лагеря, для руководства которыми в начале 1930-х гг. было создано Главное управление лагерей (ГУЛАГ).

Индустриализацию саму по себе не следует считать процессом, который наносит обществу ущерб. Создание новых промышленных предприятий и расширение действующих является необходимым условием для повышения благосостояния людей. Необходима индустриализация и для роста обороноспособности государства. Вопрос в том, кто принимает решения о строительстве и реконструкции предприятий и какими методами данные цели достигаются.

Индустриализация может проводиться несколькими способами. В условиях рыночной экономики данный процесс может происходить либо исключительно за счет усилий частных предпринимателей, либо благодаря совместным действиям предпринимателей и государства. Роль предпринимательской деятельности в условиях индустриализации очень важна. В работах таких экономистов, как Б. Бруцкус, Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек, и в работах других видных исследователей содержатся весомые доказательства, что только предприниматели способны получить знания о целях, к которым люди стремятся, и о средствах, с по-

мощью которых можно наилучшим образом достичь этих целей. Без этих знаний невозможно организовать производственный процесс. С точки зрения указанных авторов, социалистические мероприятия, запрещающие или искажающие предпринимательскую деятельность, ведут к тому, что люди, занятые в производственном процессе, не могут определить, достижению каких целей должен служить производственный процесс и какие средства необходимы для организации производства с наибольшей эффективностью ¹.

В условиях административно-командной экономики – крайнего варианта социализма – государство, проводящее индустриализацию, берет под контроль практически всю собственность и распределение ресурсов. Часть рабочей силы при этом может оставаться в той или иной степени свободной, но широко применяются и различные формы принудительного труда. Вместе с тем следует отметить, что фактически контроль над ресурсами в условиях сталинского режима был у партийных и хозяйственных руководителей, которые часто преследовали свои собственные интересы, торговались с вышестоящими органами за контроль над ресурсами и обменивались ими между собой. Данные явления ограничивали способность Сталина контролировать экономические процессы. Но если бы подобных явлений не было, советская экономика не смогла бы существовать ². Все это было характерно и для экономики ГУЛАГа. В 1931 г. его служащие, ответственные за составление планов, указывали, что «ни один лагерь не поделится своими имущественными ресурсами (хотя бы и не нужными ему сейчас), пока не получит уверенность, что эти ресурсы не потребуются для его хозяйственной деятельности в будущем» ³.

Как показывают современные исследования, цели сталинской индустриализации во многом были ошибочными, масштабы – неоправданными ⁴. Тем не менее некоторые производственные проекты, осуществленные в годы сталинской индустриализации, могли быть реализованы и в условиях рыночной экономики. Поэтому важно изучить не только цели, но методы сталинской индустриализации, среди которых выделяется труд заключенных – крайняя противоположность предпринимательству и вольнонаемному труду.

Важной задачей, стоящей перед исследователями ГУЛАГа, является определение эффективности труда заключенных в сравнении с другими категориями неполноправного населения, а также с трудом советских вольнонаемных рабочих. Историки обращают внимание и на то, что вольнонаемные рабочие в сталинский период испытывали более или менее серьезные административные ограничения, в частности, при смене места работы. В своих исследованиях историки обращаются к методам, которые используются экономистами: под эффективностью понимается соотношение затрат и результатов, которое может быть представлено

в виде различных показателей в денежном и натуральном выражении. Важный вклад в исследование эффективности принудительного труда внесли пермские историки А. Б. Суслов и С. А. Шевырин⁵. Вместе с тем после ознакомления с их выводами можно сформулировать ряд вопросов. Насколько эффективнее можно было бы решить производственные задачи, аналогичные задачам, поставленным перед лагерями, с помощью предпринимателей и вольнонаемных рабочих? Только ли при использовании достаточно сложных механизмов проявляется неэффективность принудительного труда? Проявилась ли ущербность принудительного труда только в начале 1950-х гг. или она прослеживалась с самого начала форсированной индустриализации, когда широко применялся ручной труд и механизмы были проще в сравнении с теми, которые поступали в лагерь в начале 1950-х гг.?

Чтобы дать ответы на эти вопросы, необходимо сопоставить показатели производственной деятельности Вишерского исправительно-трудового лагеря и данные о вольнонаемном труде в промышленности Урала в конце XIX в. Для такого сопоставления есть весомые основания.

Лагерь на р. Вишере, на севере Прикамья, был основан в 1926 г. как Вишерское отделение Соловецких лагерей особого назначения (СЛОН). В 1929 г. на базе Вишерского отделения Соловецких лагерей было организовано самостоятельное Управление Вишерских лагерей особого назначения (УВЛОН), имевшее целый ряд территориальных подразделений, расположенных на обширной территории от г. Перми до северных границ современного Пермского края. Позднее Управление Вишерских лагерей особого назначения стало именоваться Управлением Вишерских исправительно-трудовых лагерей (УВИТЛ)⁶. Большое количество заключенных ВИШЛАГа было занято на строительстве Вишерского целлюлозно-бумажного и Березниковского химического комбинатов. Впервые в истории страны труд лишенных свободы использовался в крупномасштабном промышленном строительстве. Другая часть лагерного контингента заготавливала лес. Воспоминания В. Т. Шаламова и документальные материалы свидетельствуют, что заключенные Вишерского лагеря, занятые на промышленных стройках, в 1929–1931 гг. получали продовольствие по сравнительно высоким нормам, были неплохо для того времени одеты. Условия размещения заключенных были более благополучные в сравнении с тем, как это обстояло в дальнейшем. Однако условия труда и быта лишенных свободы, занятых на лесозаготовках в верховьях р. Вишеры, были намного хуже⁷. Вишерский и Березниковский комбинаты были построены в сжатые сроки. Таким образом, Вишерские лагеря, с точки зрения руководства ГУЛАГа, действовали успешно. Если удастся показать, что в сравнении с предпринимательством и вольнонаемным трудом на стройках конца XIX в. производственная деятельность Вишерских лагерей отличалась более высокими издержками, то можно

будет распространить этот вывод и на остальные производственные проекты ГУЛАГа.

Масштабное промышленное строительство, которое велось в конце XIX в. на Урале, для сравнения выбрано по следующим причинам. Некоторые возводимые объекты по объему и характеру работ в период строительства можно сопоставить с Вишерским и Березниковским комбинатами. Географические условия в местах промышленного строительства были схожи с теми условиями, в которых спустя 30–40 лет схожие задачи решали заключенные ВИШЛАГа. Механизмы, которые использовали строители 1890-х гг., не должны были качественно превосходить уровень строительной техники, достигнутый к 1930-м гг. Схожесть применяемого оборудования и географических условий позволяет сравнить эффективность принудительного и наемного труда, оценить предполагаемые потери для экономики от использования труда заключенных. Правда, необходимо заметить, что рабочие в конце XIX в. не были полностью свободными. По сословной принадлежности многие из них были крестьянами, обязанными посылать деньги в свою деревню, чтобы участвовать в выкупных платежах. Но такие крестьяне сами решали, какую работу вне сельского хозяйства следует выбрать.

Может ли служить оправданием для использования принудительного труда в 1930-е гг. удаленность и малонаселенность мест промышленного строительства? Опыт индустриализации конца XIX в. дает отрицательный ответ на этот вопрос. Необходимо подчеркнуть, что тогда на Урале силами вольнонаемных рабочих были реализованы крупные проекты в промышленном и железнодорожном строительстве. Достаточно назвать такие предприятия, как Горнозаводская железная дорога, Чусовской металлургический завод, металлургические заводы на Вишере, построенные в тех местах, где впоследствии располагались территориальные подразделения Вишерских лагерей. Этими предприятиями список построенных в глухих уголках заводов далеко не исчерпывается.

Заказчики строительства предприятий обычно предпочли бы, чтобы предприятия были возведены в сжатые сроки. Чем скорее будет возведено предприятие, тем скорее оно начнет производить продукцию, которая нужна заказчику. Поэтому долгие сроки строительства нежелательны и для социалистических руководителей, и для предпринимателей. Как известно, Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат был построен примерно за 1,5 года (в течение 1930–1931 гг.), Березниковский химический комбинат приблизительно за 2 года (в течение 1930–1932 гг.). Правда, есть сведения, что на проектную мощность Вишерский комбинат вышел только в 1953 г.⁸ Но короткие сроки строительства не были исключительным преимуществом лагерной экономики. Следует напомнить о строительстве Надеждинского завода Богословского акционерного общества: «Его постройка в глухой, девственной тайге на севере Урала

поразительна по темпам строительства: закладка завода произведена 29 мая 1894 г., первая домна задута 16 августа 1896 г., а к 15 сентября этого же года была прокатана первая партия рельсов...»⁹

Многим известны слова В. Т. Шаламова об экономической стороне деятельности Вишерских лагерей, узником которых ему довелось побывать: «Было опытным путем доказано, что принудительный труд, при надлежащей его организации (без всяких поправок на обман и ложь в производственных рапортичках) превосходит во всех отношениях труд добровольный». Чтобы подтвердить или поставить под сомнение эту оценку, необходимо сравнить производительность труда заключенных ВИШЛАГа с соответствующими показателями, характеризующими труд вольнонаемных рабочих до революции.

Среди объектов, где были заняты узники ВИШЛАГа, для сравнения с дореволюционными стройками следует выбрать строительство Вишерского ЦБК, поскольку его возведение было приоритетной задачей для руководителей лагеря. Вишерский комбинат предполагалось оснастить передовым для своего времени оборудованием, рассчитанным на производство в крупных масштабах. Следовательно, возведение данного предприятия требовало значительных затрат труда, но в то же время должно было привести к выпуску большого количества продукции. При этом сведения о строительстве и производственной деятельности Вишерского ЦБК можно обнаружить в источниках в большей мере, чем сведения о других направлениях производственной деятельности ВИШЛАГа. На Урале в конце XIX в. передовыми по своим технологиям и по масштабам деятельности предприятиями были объекты металлургии. Именно поэтому необходимо сопоставить производительность труда строителей, возводивших эти объекты, с аналогичным показателем, который характеризует труд строителей Вишерского комбината. Показателем в денежном выражении, на основании которого можно провести такое сравнение, может быть доля выручки предприятия, приходящаяся на одного работника, занятого на строительстве данного объекта. Однако при определении таких показателей возникают большие методологические сложности. Трудно и, может быть, даже невозможно найти исторические источники, из которых можно было бы взять необходимые сведения.

Приблизительно оценить экономическое значение предприятий – объемы производства и выручки – можно с помощью такого показателя, как количество занятых на них рабочих. Тогда для того, чтобы сравнить эффективность принудительного и свободного труда, можно предпринять следующие действия. Количество рабочей силы, занятой на строительстве Вишерского ЦБК, необходимо сопоставить с количеством рабочих, занятых на этом предприятии после его пуска. Аналогичным образом число рабочих, привлеченных к строительству и реконструкции металлургических заводов в 1890-е гг., нужно сравнить с количеством ра-

бочих на этих предприятиях после ввода в действие новых мощностей. Сведения, необходимые для такого анализа, в источниках и литературе отсутствуют. Вместе с тем к предложенному подходу можно сделать такое замечание: количество рабочих, занятых на предприятии, не всегда говорит о его экономической мощи. Оно может быть связано с низкой производительностью труда рабочих данного предприятия. В этом случае оценка производительности труда строителей будет завышаться. Напротив, уменьшение численности рабочих на предприятии, вызванное ростом производительности труда вследствие внедрения нового оборудования, может привести к занижению производительности труда строителей, возводивших это предприятие. Данное методологическое замечание следует учитывать при сравнении эффективности подневольного и принудительного труда на основании выбранного показателя.

Согласно официальному изданию «18 месяцев, которые создали комбинат «ВИШХИМЗ», вышедшему в 1933 г., количество рабочих, занятых на строительстве ЦБК и подсобных работах, увеличилось с 800 человек в апреле 1930 г. до 16 000 человек в сентябре 1931 г.¹⁰ Данные, относящиеся к сентябрю 1931 г., соответствуют сведениям, которые можно обнаружить в лагерных архивах¹¹. После строительства Вишерского ЦБК там работало 9665 чел. (в том числе 6542 заключенных)¹². Таким образом, количество строителей Вишерского ЦБК в 1,7 раза превосходило количество рабочих, занятых на комбинате. Эти данные можно выразить и по-другому: 10 строителей Вишерского комбината могли возвести производственные и жилые помещения для 6 рабочих и служащих данного предприятия.

А что происходило в промышленном строительстве в 1890-е гг.? В 1895–1900 гг. на Урале было построено 10 металлургических заводов, на старых и новых заводах были возведены 23 доменные печи. Подсчеты показывают, что эти доменные печи должны были обслуживаться 38 433 рабочими. Количество строительных рабочих на стройках конца 1890-х гг. можно определить с меньшей точностью. По приблизительным оценкам, оно должно было достигать 29 710 чел.¹³ Если сопоставить количество строителей доменных печей и количество рабочих, которые должны были обслуживать эти печи, можно прийти к выводу, что 10 рабочих, занятых на строительстве домен, обеспечивали занятость примерно 13 рабочих на предприятиях, которые возводились и реконструировались.

Итак, если не учитывать изложенное выше методологическое замечание, полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что строители Вишерского комбината (и заключенные Вишерского лагеря, и работники, приехавшие строить Вишерский комбинат по найму) работали с гораздо меньшей производительностью, чем вольнонаемные строители в 1890-е гг. Тогда пример Вишерских лагерей показывает, что экономические издержки принудительного труда весьма велики. Они проявляются

даже в условиях, когда доля ручного труда при решении производственных задач очень весома, когда еще не внедрена сложная техника. Объекты, которые строились при доминировании принудительного труда, возвело бы гораздо меньшее количество рабочих, нанятых предпринимателями. В этом случае работники, не занятые строительством, могли бы принести пользу экономике в других сферах. Следовательно, цена форсированной индустриализации – это материальные блага, которые не были произведены в силу запрета предпринимательства и в силу использования подневольного труда. В исторических обстоятельствах России конца 1920-х–начала 1930-х гг. речь идет прежде всего о непродовольственном производстве.

Но, возможно, более низкий производственный показатель строителей ВИШЛАГа обусловлен более высокой производительностью труда рабочих Вишерского ЦБК в сравнении с уральскими металлургами конца XIX в.? Материалы центрального аппарата ГУЛАГа не подтверждают данное предположение. В августе 1930 г. планировалось использовать на строительстве Вишерского ЦБК в течение 1930–1931 гг. только 6000 заключенных, включая административный и хозяйственный персонал, а также задействованных в лагерной и хозяйственной «обслуге»¹⁴. Может быть, эти планы основывались на дореволюционном опыте строительства крупных предприятий? «Удлиненный рабочий день, штурм, месяцы без дней отдыха, бросание рабочей силы с одной работы на другую без хотя бы кратковременного отдыха, использование квалифицированной рабочей силы на черной работе... все это привело к тому, что... сейчас у ВИШЛАГа рост показателя использования на производстве обратно пропорционален движению показателей производительности труда»¹⁵, – отмечала Плановая группа ГУЛАГа в своем обзоре от 8 июля 1931 г. Тем не менее вопрос о том, что может произойти с экономикой страны в том случае, если внедрение новых механизмов в промышленности происходит при доминировании старых технологий в промышленном строительстве, требует отдельного рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи.

В сфере лесозаготовок труд заключенных Вишерского лагеря также должен был приносить большие экономические потери. В начале 1932 г. в отделениях лагеря, организованных для проведения лесозаготовок, содержалось 9088 заключенных, занятых непосредственно заготовкой леса¹⁶. При этом в 1897 г. на всем Урале насчитывалось 31,2 тыс. работников лесных промыслов¹⁷.

Производственная деятельность Вишерского лагеря вела не только к экономическим, но и к социальным потерям: к человеческим страданиям и жертвам. В 1931 г. умерли около 1550 заключенных Вишерского лагеря, – 4,1% от среднегодовой численности заключенных лагеря, что было выше, чем в среднем по лагерям ГУЛАГа¹⁸. В сентябре 1931 г. в лагере находилось 1500 инвалидов¹⁹. В лагере должны были направлять

заклученных, годных к физическому труду²⁰. Хотя есть свидетельства, что в лагерной практике данное указание нередко нарушалось, приведенные сведения о смертности позволяют утверждать, что попадание в разряд инвалидов – это следствие пребывания в Вишерских лагерях.

Обратимся теперь к положению дореволюционных рабочих. Как отмечают историки, изучавшие данный вопрос, «по официальным... данным, на частных заводах, рудниках и приисках Пермской губернии за период с 1886 по 1893 г. произошло 923 несчастных случая, при которых пострадали 1043 человека. Для 358 человек (34,3%) они закончились смертельным исходом, для 389 (37,3%) – тяжелыми увечьями; среди пострадавших 172 (16,5%) были несовершеннолетними...»²¹ Исследователи считают эти данные преуменьшенными в несколько раз. Но даже с учетом такого мнения историков дореволюционной промышленности показатели смертности в ВИШЛАГе за 1931 г. выглядят очень высокими в сравнении с данными о несчастных случаях на дореволюционных предприятиях, где ситуация с охраной труда отнюдь не была благополучной.

Нельзя забывать еще одно проявление социальных издержек ГУЛАГа – люди и в лагерях, и за их пределами теряли ориентиры для своего поведения, а значит, создавались предпосылки для роста преступности. И экономические, и социальные потери были неизбежной ценой социалистического эксперимента в его крайней форме, который начал проводиться в конце 1920-х гг.

¹ Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. – М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2008.

² Грегори П. Политическая экономия сталинизма. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008, с. 266–270, 281–282.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-9414. Оп. 1. Д. 2920. Л. 128.

⁴ См., напр.: Солонин М. На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года. – М.: Яуза, Эксмо, 2006, гл. 13, 14.

⁵ Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953): Монография/ Уральский гос. ун-т. Перм. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург– Пермь, 2003, с. 117–122; Шевырин С.А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края, конец 1920-х – середина 1950-х гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ижевск, 2008, с. 185–193.

⁶ В дальнейшем в данной статье термины «Вишерские лагеря» и «Вишерский лагерь» («ВИШЛАГ») будут использоваться как синонимы.

⁷ Шмыров В.А. К проблеме становления ГУЛАГа (ВИШЛАГ)// Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. – Пермь: Издательство «Здравствуй», 1998, с. 70–90.

⁸ Степанов М.Н. Вишерский целлюлозно-бумажный завод// Уральская историческая энциклопедия. [http:// www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-3-379.html](http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-3-379.html).

⁹ История Урала в период капитализма. – М.: Наука, 1990, с. 74.

¹⁰ Шевырин С.А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории

современного Пермского края, конец 1920-х – середина 1950-х гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, с. 30.

¹¹ ГАРФ. Ф. р-9414. Оп. 1. Д. 2919. Л. 54,64; Д. 2920. Л. 8, 24, 43, 70, 115, 119, 133, 138; Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 849. Оп. 1. Д. 762. Л. 13, 45.

¹² Подсчитано по: ПермГАНИ, ф. 849, оп.1, д. 316, л. 18.

¹³ Подробнее см.: Рубинов М.В. Принудительный труд в период становления ГУЛАГа: экономические издержки (По материалам Вишерского ИТЛ) // Вестник ПГТУ: Культура. История. Философия. Право. 2011. №4(32), с. 90–94.

¹⁴ ГАРФ. Ф. р-9414. Оп. 1. Д. 2919. Л. 54,64; Ф. р-5515. Оп. 33. Д. 11. Л. 39.

¹⁵ ГАРФ. Ф. р-9414. Оп. 1. Д. 2920. Л. 73.

¹⁶ Там же. Л. 148, 177.

¹⁷ История Урала в период капитализма, с. 105.

¹⁸ ГАРФ. Ф. р-9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 1, 2, 4, 5, 7, 10.

¹⁹ ПермГАНИ, ф. 849, оп.1, Д. 762, Л. 13.

РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПЕРМСКОГО КРАЕВОГО АРХИВА О НАСЕЛЕНИИ ЛАГЕРЕЙ И СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ В 1940-Х – НАЧ. 1950-Х ГГ.

*С. М. Рязанов, главный специалист Государственного архива
Пермского края*

Документы о спецпоселенцах и населении лагерей в Пермском краевом архиве сосредоточены в рассекреченных фондах управления исправительно-трудовых лагерей и колоний Пермской области (ГКБУ «ГАПК». Ф. р-736), проверочно-фильтрационного лагеря (ПФЛ) № 0519 (Ф. р-266), прокуратур (ФФ. р-437, р-438, р-1366), эвакогоспиталя № 3952 (Ф. р-673) и предприятий области (ФФ. р-1086, р-1116 и др.) В данной статье мы остановимся лишь на некоторых из этих фондов.

Большая часть материалов о спецпереселенцах и населении лагерей за 1940-е – нач. 1950-х гг. в нашем архиве сосредоточилась в фонде прокуратуры Пермской области (Ф. р-1366). Весьма неприглядную картину положения дел в ПФЛ №0302, расположенном в Кизеловском районе Молотовской (Пермской) области, рисует нам дело о его проверке прокуратурой 4–10 января 1945 г. (Оп. 1. Д. 104). Имеющаяся в деле докладная записка содержит общие сведения о комиссии и спецлагере, сведения о бытовых условиях спецконтингента (с/к), их трудовом использовании, партийно-политической работе в лагере, состоянии охраны и режима, физическом состоянии с/к, а также выводы. В качестве приложений представлены таблицы о выходе на работу и выделяемой спецодежде. Хотя свою работу по добыче угля ПФЛ выполнял в целом удовлетворительно, комиссия не могла не отметить, что бытовые условия с/к «крайне тяжелые». Так, «в шахте Рудничная треста Кизелуголь, в лаготделении №5... помещения ветхие, разваливаются, непригодны для жизни. В помещениях холодно... Сушилки и дезкамера отсутствуют» (Л. 4–5). Кроме того, сообщается о многочисленных фактах мародерства, избиений и издевательств охраны по отношению к с/к. Комиссия констатировала, что избиения с/к происходили «...под предлогом отказа от работы, а иногда и без всяких причин. При избиении употреблялись посторонние предметы: топоры, лопаты, палки и т. п.» (Л. 33).

После ПФЛ часть с/к, не прошедшая фильтрацию, попадала в Молотовскую область на спецпоселение. Сведения о количестве спецпоселенцев по районам и спецкомендатурам на территории Молотовской

(Пермской) области за разные годы можно также найти в фонде. Одни из самых ранних – на 1 января 1945 г. (Д. 724). Помимо общего количества в статистические отчеты включены сведения по категориям спецпоселенцев: «власовцы», «оуновцы», немцы, крымские татары, кулаки и др.

В фонде прокуратуры сохранились многочисленные дела кон. 1940-х – нач. 1950-х гг., содержащие постановления и заключения о переводе на положение спецпереселенцев как сроком на 6 лет, так и на вечное спецпоселение. Структура подобных документов следующая: данные о составившем акт офицере УМВД, фамилия, имя, отчество спецпоселенца, год рождения, место жительства из личного дела ПФЛ, обвинение и постановление о высылке на 6 лет или рекомендация о вечном поселении. Большинство имеющихся постановлений и заключений касается «власовцев», реже «оуновцев» (ДД. 737, 1099, 1102 и др.).

Помимо постановлений о высылке встречаются акты об аресте и этапировании к месту спецпоселения совершивших побег из спецпоселений, расположенных в Молотовской (Пермской) области и за ее пределами, а также заключения о неправильном приговоре к спецпоселению и дела по жалобам спецпоселенцев (Д. 731, 737 и др.). Кроме того, в фонде присутствуют акты прокурорских проверок спецпоселений и переписка с вышестоящими и нижестоящими прокуратурами по вопросам спецпоселенцев и государственных преступников (Д. 731, 745, 749 и др.).

В Государственном краевом архиве находятся на хранении и фонды нижестоящих прокуратур Молотовской области, в том числе две прокуратуры лагерей – Широколага и Поньшлага НКВД СССР (Ф. р-437, р-438). В фондах прокуратур сохранились документы по финансовой отчетности середины 1940-х гг., содержащие отдельные сведения о личном составе прокуратуры. Однако основную массу документов составляют уголовные дела, заведенные на заключенных, совершивших различные преступления, находясь в заключении, а также на сотрудников администрации, охраны лагеря и вольнонаемных строителей ГЭС. В делах содержатся акты, заключения, переписка, объяснительные, приказы, постановления об избрании меры пресечения, о возбуждении и прекращении дел, протоколы допросов, копии приговоров и выписки из личных дел, освещающие самые разнообразные аспекты истории исправительно-трудовых лагерей.

В ГКБУ «ГАПК» хранится также рассекреченный фонд одного лагеря – ПФЛ №0312 (позднее – №0519) НКВД СССР (Ф. р-266). Фонд содержит 19 единиц хранения за 1944–1945 г. Среди них приказы и распоряжения начальника управления лагеря по личному составу и снабжению за 1944–1945 г. и материалы к ним, содержащие сведения о продовольственных нормах для персонала и с/к, назначениях в охрану лагеря и др. отделы и иным проблемам жизни спецлагеря (Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4 и др.) Как и документы прокуратуры, приказы демонстрируют весьма низкий мо-

ральный уровень охраны. Так, 25 января 1945 г. «боец ВОХР Полянский бросил работу и самовольно ушел в Шайтан, где совершил кражу вещей на квартире у гр-ки Шайтана Смысловой», за что был арестован на 10 суток, а дело передано оперуполномоченному для расследования и возбуждения уголовного дела (Д. 2. Л. 11). Сведения приказов дополняются имеющимися в фонде заявлениями сотрудников и перепиской о личном составе (Д. 7, 8, 9 и др.). Суровый быт заключенных характеризуют также акты приемки выполненных работ по ремонту жилищного фонда (Д. 12).

В фонде сохранились журналы регистрации граждан, прибывших в лагерь №0312 на проверку. Записи приведены в алфавитном порядке. Каждая содержит порядковый номер, фамилию, имя, отчество с/к и год его рождения, остальные графы: должность в армии, личный номер, партийность и пр. – не заполнены. Кроме того, напротив ряда фамилий имеются записи, вероятно, о выбытии, с указанием даты и названия лагеря (Оп. 2. Д. 31, 32, 33, 34).

Таким образом, документы Государственного архива Пермского края могут существенно помочь при изучении спецконтингента и заключенных исправительно-трудовых лагерей в 1940-х – нач. 1950-х гг.

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА КЦБК И Г. КРАСНОКАМСКА В 1930-Е ГГ.

*Т. Р. Семакина, заведующая отделом музейной педагогики
«Краснокамский краеведческий музей»*

Основание города Краснокамска связано с началом строительства Камского целлюлозно-бумажного комбината. В 1929 г. была выбрана площадка для строительства комбината и рабочего поселка между деревнями Стрелка и Конец-Бор, в 1930 г. состоялась закладка комбината. Посёлок первоначально назывался Бумстрой, а в 1933 году ему присвоили имя Краснокамск и статус посёлка городского типа. Уже в 1938 году Краснокамск получил статус города. По масштабам производства Камский ЦБК, давший первую продукцию в 1936 г., был самым крупным в Европе. Сооружение комбината способствовало возникновению Закамской ТЭЦ, бумажной и печатной фабрики «Гознак», сульфитно-спиртового завода.

13 октября 1928 г. Президиум Пермского Окрисполкома заслушал доклад Д. Н. Гардинга о проекте Камского целлюлозно-бумажного комбината. Была принята резолюция, в которой говорилось о необходимости скорейшего осуществления строительства комбината по разработанному проекту, освещения основ проекта комбината в печати, издании специальной брошюры и постановки ряда докладов в Перми, Свердловске, Москве с привлечением представителей НТС ¹.

Выбрана была ровная площадка (место это называлось Горюшкой) привольного правого высокого берега Камы с ее глубокими и чистыми водами. Это произошло весной 1929 года. 23 марта 1930 г. Президиум Окрисполкома по докладу инженера А.Е. Ширяева принял решение о размещении целлюлозно-бумажного комбината в районе между деревнями Стрелка и Конец-Бор в квартале 60 и 61, лесопильного и деревообделочного завода в квартале 61 и 62, фабрику «Гознак» в районе д. Стрелка, теплоэлектроцентраль в квартале 61 и запасной участок для склада дровяного топлива в части квартала 67 (рядом с биржей балансов) ².

31 июля 1931 года СТРОЙ НТСа Союзстроя ВСНХ вынес решение по проекту Камского целлюлозно-бумажного комбината. По этому решению было подтверждено общее расположение и связка предприятий – Камского целлюлозно-бумажного комбината, фабрики «Гознак», лесопильного и деревообделочного завода, электростанции. Также в этом ре-

шении говорилось о перемещении фабрики «Гознак» немного ниже, чем это планировалось раньше. Выбранное для строительства место подвергалось основательной проверке, участок оказался незатопляемым, гарантированным от оползня и обладающим удовлетворительными грунтами, характер дна и берега Камы требовал значительных берегоукрепительных и дноуглубительных работ³.

Подготовительные работы по постройке комбината были начаты на основании постановления Президиума ВСНХ СССР от 17 июля 1929 года. При Пермской конторе Волго-Каспий леса 19 июля того же года был организован «Отдел по постройке Камского целлюлозно-бумажного комбината»⁴.

В июле 1929 г. прошло заседание Президиума ВСНХ РСФСР, на котором было принято решение разрешить подготовительные работы Волго-Каспий лесу и о выделении средств на подготовительные, изыскательные и проверочные работы⁵.

Из письма А. А. Бурова, начальника строительства КЦБК, председателю ВСНХ РСФСР тов. Лобову С. С. хорошо видно, какие трудности испытывало камское строительство на начальных этапах, письмо содержит информацию о проблемах финансирования строительства, снабжения стройматериалами, наличия рабочей силы и т. п.. Указывалась причина срыва работ и невыполнения планов строительства в 1929 – 1930 гг., следствием чего будет отсрочка срока окончания постройки бумкомбината⁶.

Строительство Краснокамского ЦБК проходило в тяжелых условиях: постоянная нехватка рабочей силы, проблемы с финансированием, снабжением стройматериалами, топливом, оборудованием. Несколько раз менялись сроки сдачи комбината в эксплуатацию (июль 1932 г., октябрь 1932 г., 1934 г.). В конце 1930 г. строительные работы были приостановлены. К этому времени по всей стране в незавершенных проектах оказалось заморожено около 40% всех капиталовложений в промышленность.

В январе 1931 г. строительство комбината было временно законсервировано. Однако уже в сентябре того же года строительство Камского целлюлозно-бумажного комбината было расконсервировано и включено в число ударных строек страны⁷.

Весной 1932 г. на площадку Бумстроя по назначению ЦК партии пришел Я. И. Горячев уже в качестве начальника строительства, а не подготовительных работ.

Правительством страны принимается решение о необходимости строительства рядом с бумкомбинатом бумажной фабрики «Гознак». Будущему предприятию задана проектная мощность, а сам объект, как и бумкомбинат, стал ударной стройкой. Первым директором строящейся фабрики был назначен Николай Иванович Шестаков.

1933 г. должен был стать основным годом строительных работ: предстояло освоить примерно четвертую часть всех капиталовложе-

ний, отпущенных на строительство комбината. В построенных зданиях цехов шел монтаж оборудования и агрегатов первой очереди, а пустить их было нельзя, не было электроэнергии, воды, пара. Требовалось много электроэнергии – 800–900 киловатт. Предполагалось, что энергией, производственным паром и водой Камский комбинат и сооружавшаяся фабрика «Гознак» будут обеспечены Закамской ТЭЦ. Но строительство теплоцентрали началось лишь осенью 1933 г. Ее возведение отставало на полтора года. Для ускорения строительства энергетикам выделили дополнительную рабочую силу и материалы.

На строительстве Камского целлюлозно-бумажного комбината в 1934 г. начинаются монтажные работы по сборке оборудования в разных цехах комбината: в марте начинают сборку варочного котла № 1, колчеданной печи №1 в кислотном цеху. В апреле начинают монтаж оборудования в рольно-очистном отделе. В мае приступили к сборке бумажной машины №1. В это же время в Ленинграде на заводе «Вторая пятилетка» изготовили первую советскую бумагоделательную машину для Камского комбината ⁸.

1 января 1936 года целлюлозный завод был готов к пуску. Через месяц вступил в строй очистной отдел, и первая партия целлюлозы ушла с берегов Камы потребителям. Наступила очередь бумаги.

В 1936 г. электростанция наконец заработала на полную мощность. На комбинат подан первый ток, в домах стали зажигаться электрические лампочки.

Первая камская бумага была получена с пятой (санитарной) машины, предназначенной для производства оберточной бумаги. С пуском этой машины связана дата в истории не только Камского ЦБК, но и всей бумажной промышленности страны. Заработала первая отечественного производства бумагоделательная машина, которую изготовили, смонтировали и отрегулировали инженеры и рабочие ленинградского машиностроительного завода «Вторая пятилетка». Неказистой была первая камская бумага – сероватая, плотная, негнущаяся ⁹.

Требовалось большое количество строительных рабочих. Удовлетворить потребность набором рабочих на месте и самотеком было невозможно. Основными районами организованного набора рабочей силы были Кировская и Молотовская области. В Кировской области вербовка проводилась в Котельничском, Санчурском и других районах. В Молотовской области к Камбумстрою был прикреплен Осинский район.

В ходе строительства выросли из рядовых рабочих и стали квалифицированными специалистами сотни передовиков строительства. Инженерно-технические работники, повышая свою квалификацию, обучали рабочих методам работы.

Эксплуатационные кадры Камбукомбината в основном готовились через школы ФЗУ бумажных предприятий – Сокола, Балахны, Кон-

дрова, Каменской фабрики, Сяси и других. Они участвовали в монтаже оборудования. Значительная часть эксплуатационных рабочих прибыла на комбинат по приглашению с бумажных фабрик. Таким образом, в пусковой период комбината сформировалось ядро квалифицированных рабочих ¹⁰.

Пермский край был одним из значительных островов печально знаменитого архипелага ГУЛАГ. В разные годы в области существовала сеть лагерей: Вишерлаг, Усольлаг, Кизеллаг, Соликамлаг, Ныроблаг и др. Тысячи заключенных строили ЦБК в Красновишерске, Соликамске, шахты Кизела и Губахи, промышленные предприятия в Перми, Березниках и других городах, занимались лесозаготовками. Труд заключенных и спецпереселенцев использовался и при строительстве Камбумкомбината.

В мае 1930 года около тысячи заключенных – мужиков с Дона и Кубани – валили здесь лес, расчищая стройплощадку для будущего комбината и рабочего поселка, копали первые котлованы для варочного и кислотного цехов. Они же строили первые бараки поселка Соломиты и обносили их проволочными ограждениями в два ряда с вышками для охраны.

Строительство поселка Соломиты было развернуто на территории между нынешней ТЭЦ-5 и болотом, теперь засыпанным шлаковыми отходами ТЭЦ. Соломиты – это дощатые бараки, в простенках которых для утепления закладывались соломенные маты. В бараках были сплошные нары, рассчитанные на 100–120 человек в каждом.

В начале 1931 г. из Татарской АССР на Бумстрой привезли две тысячи раскулаченных крестьян, изгнанных из своих домов с самым жалким скарбом (на сборы давалось не более трех часов). Их и разместили в поселке Соломиты (в 200 метрах напротив современной проходной Краснокамского завода металлических сеток), где было построено более десяти барakov.

По состоянию на сентябрь 1931 г. на строительство прибыло 2 эшелона со спецпереселенцами и их семьями: I эшелон – всего 1675 человек, из них – трудоспособных 743, II эшелон – 1474 человека, из них – трудоспособных 717, всего – 3149 человек, из них трудоспособных – 1460 ¹¹.

В 1932–1933 годах на Бумстрой этапировали большую партию заключенных с Украины и Дона. Это были в основном осужденные за «колоски» (по Указу от 7 августа 1932 г.). Их поместили в так называемые «улоновские» бараки *, что напротив современной ж/д вокзала (станции) ¹².

* Скорее всего, это название происходит от УВЛОН – Управление Вишерского лагеря особого назначения, видимо, ранее эти бараки использовались для размещения заключенных Вишерского лагеря, работавших на строительстве.

Из письма первого директора комбината Якова Ивановича Горячева начальнику Пермского оперсектора ОГПУ Прохоренко известно, что на строительстве комбината был Лагпункт ВИШЛАГа. В 1933 г. лагпункт ликвидирован в связи с невыполнением договора и неудовлетворительной работой заключенных на строительстве. Директор просит прислать на строительство спецпереселенцев в количестве 600–700 человек, поскольку их работа была более эффективной¹³.

В апреле 1938 года, когда комбинат уже вышел на проектную мощность и ему потребовалось огромное количество балансовой древесины, всех спецпереселенцев из Краснокамска отправили в глухие лесные поселки севера области на лесоповал. В 1936–1938 гг. многие главы семейств спецпереселенцев попали в сталинско-ежовскую «мясорубку», и многие были расстреляны¹⁴.

Вот некоторые факты и цифры. В Краснокамске, тогда еще рабочем поселке, всего было репрессировано 1317 человек, из них расстреляны – 356, умерли при следствии 40 человек. Всего погибло 396 человек, не считая тех, кто умер в ссылке, лагерях и спецпоселениях. Сегодня трудно представить себе то, о чем красноречиво говорят архивные документы: якобы среди краснокамцев оказалось 69 шпионов – почти все они расстреляны. 389 человек осуждены за антисоветскую агитацию, а это 29,6% от общего числа репрессированных. Было репрессировано также 498 спецпереселенцев из Татарской АССР, в основном малограмотные крестьяне¹⁵. Только за январь 1938 г. было арестовано 750 трудпоселенцев.

В скорбных списках расстрелянных значатся тысячи людей, среди них: Я. И. Горячев, первый директор Камского целлюлозно-бумажного комбината; Н. И. Шестаков, директор бумфабрики «Гознак»; В. А. Хорошев, первый директор ТЭЦ-5; П. П. Мельцер, главный инженер Бумстроя, и многие другие.

Не только руководящие работники стали жертвами сталинщины, пострадали в большинстве рабочие: слесари, коновозчики, плотники, чернорабочие¹⁶.

Яков Иванович Горячев приехал на строительство Камского целлюлозно-бумажного комбината весной 1932 г. 16 декабря, когда он находился в очередном отпуске в Москве, его арестовали. До 1940 г. содержался в пермской тюрьме, а затем постановлением Особого совещания НКВД приговорен к восьми годам лишения свободы за участие в правотроцкистской организации. Отбывал наказание в городе Ухта Коми АССР. В 1949 г. ему вновь предъявляют обвинение – уже за проведение вредительской работы в цехах бумкомбината и отправляют в ссылку в Красноярский край. Реабилитирован 26 октября 1955 г. Через пять лет умер в Москве.

Николай Ионович Шестаков в Краснокамск приехал с семьей в 1931 г. Должность его тогда называлась так: начальник особого управления

по строительству и пуску бумажной фабрики «Гознак». 13 января 1935 г. постановлением Особого совещания Николая Ионовича арестовали. «За содействие зиновьевской группе» (на XVI партийном съезде проголосовал и поддержал С. М. Кирова, а не И. В. Сталина) – так написано в обвинительном заключении. Выслан на четыре года в Дудинку. Туда же вскоре выслали жену Анну Степановну с тремя сыновьями, как семью врагов народа. В январе 1937 г. Николая Ионовича вновь арестовали. 17 апреля того же года по прежнему обвинению был вторично осужден, на этот раз – к пяти годам лишения свободы. Но и этого показалось мало Особому совещанию НКВД. Третий приговор поставил точку на жизни человека.

Василий Андреевич Хорошев – первый директор Закамской ТЭЦ. 1 июня 1936 года Василий Андреевич приказом наркома назначен начальником строительства Закамской ТЭЦ, через три месяца – директором теплоэлектростанции. Ему было всего тридцать девять лет, когда его внезапно арестовали, обвинили в контрреволюционной деятельности. Мало того, оказалось, что Хорошев целенаправленно проводил подрывную работу, направленную на срыв снабжения электроэнергией промышленных предприятий. 13 августа 1937 г. Василий Андреевич был расстрелян.

В 1937 году был арестован главный инженер Бумстроя Павел Павлович Мельцер. На Бумстрой он был переведен из-под Ленинграда в конце декабря 1933 года, с 1 января 1934 года его назначают главным инженером. Это были годы строительства и пуска Камского бумкомбината, а затем и не менее трудные первые годы становления нового мощного предприятия.

До суда Павел Павлович находился в тюрьме, потом был суд. Однако судья заявил, что Мельцер и другие члены заводоуправления, арестованные вместе с ним, не виновны. Решено было отправить дело в Москву на решение Особого совещания, которое выслало всех участников «заговора» на восемь лет в Ухту Коми АССР. Последнее письмо от него жена получила в конце июня 1941 года. Через два года она с детьми переехала в Москву, не раз обращалась в различные инстанции с просьбами сообщить о судьбе мужа. В справочном отделе МВД ей ответили, что Мельцер жив и работает, но переписка запрещена. После смерти Сталина пришла справка из г. Сыктывкара, что Павел Павлович умер 3 декабря 1941 года.

В истории Краснокамска, как в капле воды, отразилась история страны периода сталинской индустриализации, ее героические и трагические страницы. Были выдающиеся достижения, построены тысячи промышленных гигантов, но какую огромную цену пришлось за это заплатить, сколько человеческих жизней было принесено в жертву форсированной индустриализации. Об этом тоже нужно помнить.

¹ МБУК «Краснокамский краеведческий музей», экспозиция «Краснокамск – город первых пятилеток».

² ГКУ «Государственный архив Пермского края» (далее ГАПК). Ф. р-122. Оп. 1. Д. 821. Л. 183.

³ Там же. Ф. р-156. Оп. 1. Д. 110. Л. 4–5.

⁴ Там же. Ф. р-122. Оп. 1. Д. 680. Л. 43.

⁵ Там же. Л. 44.

⁶ Там же. Д.893. Л.39–39 об, 4.

⁷ Там же. Ф. р-156. Оп. 1. Д. 112. Л. 5.

⁸ Камский целлюлозно-бумажный комбинат: Сборник статей. – Пермь, 1962. С. 117.

⁹ Город под соснами. – Пермь, 2008. С. 12–27.

¹⁰ Камскому комбинату 20 лет. – Краснокамск, 1956. С. 22–26.

¹¹ ГАПК. Ф. р-156. Оп. 1. Д. 107. Л. 53–56.

¹² Там же. Д. 103. Л. 8.

¹³ Там же. Ф. р-1086. Оп. 3с. Д. 2. Л. 107.

¹⁴ Борисов Н. А. «ГУЛАГ на Бумстрое»// «Забота». 1995. №4. С. 1.

¹⁵ Книга памяти жертв политических репрессий. – Краснокамск, 2008. С. 6–7.

¹⁶ Там же. С. 10.

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ В 1930-Е ГОДЫ

Р. Н. Фатхутдинов, главный специалист отдела научно-справочного аппарата, автоматизированных архивных технологий и информационно-поисковых систем ГБУ Пермский архив новейшей истории

Пермский край, богатый природными ресурсами, с малообжитыми северными районами, представлялся советской власти очень перспективным для трудового использования многочисленной категории репрессированных – спецпереселенцев.

В начале 1930-х годов в Пермском крае, как и в ряде других регионов СССР, возникли многочисленные спецпоселения, в которых содержались ссыльные граждане СССР, вычлененные из общей среды по идеологическому, социально-экономическому, классовому и этническому принципу.

Положение спецпереселенцев во всех отношениях было очень тяжелым. Сразу после выселения они были значительно ограничены в правах. Четко регламентированный правовой статус спецпереселенцев отсутствовал – не преступники и не свободные граждане. Они являлись гражданами СССР без права выезда с мест их поселения, наблюдение за ними возлагалось на органы ОГПУ (НКВД–МВД).

Первым массовым депортациям в начале 1930-х годов подверглись раскулаченные крестьяне, которых погрузили в эшелоны и отправили к местам ссылки. С начала февраля 1930 года спецпереселенцы с каждым днем прибывали в северные районы нашего края по железнодорожным путям, далее направлялись пешим этапом или по рекам Прикамья. Многие районы к приему ссыльных совершенно не были готовы. В итоге в сильные морозы февраля – марта 1930 года высланные спецпереселенцы вынуждены были жить в палатках и шалашах. На языке самих спецпереселенцев – их выселяли «под березку». [1, Л. 2]. Начиналось самостоятельное строительство спецпоселков. Строившиеся бараки не соответствовали санитарно-гигиеническим и техническим нормам. Строились они наспех, из старого леса, поэтому были продуваемые и холодные. Полов не было, крыша была сделана из жердей и слегка присыпалась тающей и осыпающейся землей. Например, комендант Красновишерской районной спецкомендатуры докладывал о состоянии строительства спецпоселка Вая следующее: «Ход строительства

поселка проходил в погоне за количеством без соблюдения качества, в результате чего в настоящее время преимущественное большинство домиков требует капитальной затраты на их дооборудование. Ни один из домов не имеет надлежащего вида, а представляет из себя временную лесную избушку. В ряде домиков печи разваливаются, оборудование в квартирах никакого нет, с/п спят на полу. Санитарное состояние в поселке таково, что площадь от разных нечистот не очищена, помойных ям нет» [2, Л. 14].

Снабжение спецпереселенцев было неудовлетворительным, а в некоторых местах полностью отсутствовало. Многие районы были малодоступны для заброски продовольствия ввиду распутицы, существования непроходимых болот и других причин. Но помимо малодоступности они были еще и весьма отдалены, что при незначительных транспортных средствах делало их малодостигаемыми. Так, в июне 1931 г. бюро Березниковского райкома ВКП(б) констатировало: «Пункты новостроящихся поселков для спецпереселенцев намечены без достаточного учета экономической целесообразности и возможности обслуживания» [3, Л. 17].

Многие архивные источники свидетельствуют о критическом положении в продовольственном обеспечении спецпереселенцев. Так, например, из докладной записки Чердынского районного отделения ОГПУ узнаем о том, что «в ряде поселков с/п вместо хлеба едят мох, опил и прочее, в силу чего спецкадры теряют физическую мощь, получают разные заболевания, как, например, в поселке Мерково на 50% с/п от плохого питания ослабли до невозможности и неспособны выходить на работу» [4, Л. 71].

Отдаленность рабочих мест от постоянного места жительства зачастую составляла от 5 до 50 км. Известно, что в поселке В.-Лупья Чердынского района спецпереселенцы утром уходили на работу пешком, вечером же с работы их уже привозили на подводе, так как они не в силах были прийти обратно [4, Л. 73].

Ссылыные практически не снабжались спецодеждой, что в условиях сурового уральского климата приводило к массовым случаям обморожения ног и невыхода на работу. Бывший спецпереселенец Г. М. Штомпель вспоминает: «Полученные рукавицы, за неимением обуви, мы надевали на ноги» [5, Л. 4].

Сложившиеся условия способствовали широкому распространению бегства спецпереселенцев с мест ссылки. К примеру, в Ашинском леспромхозе Бардымского района необеспеченность нормальными жилищно-бытовыми условиями и перебои с продовольственным снабжением привели к тому, что с 1 января по 1 октября 1932 г. бежали 337 семей спецпереселенцев – 1330 человек [6, Л. 117].

В течение 1930-х годов материальное положение спецпереселенцев было очень тяжелым. Их быт долгое время оставался неустроенным,

климатическая и хозяйственная адаптация протекала тяжело. Основными проблемами для большинства переселенческих семей были дефицит жилья, отсутствие одежды и обуви, голод, недоступность медицинской помощи. Длительная бытовая неустроенность тормозила социальную адаптацию спецпереселенцев, обостряла у них чувство социальной незащищенности и несправедливости.

На сегодняшний день исторический опыт советских репрессий по отношению к крестьянству показывает, что приоритетными ценностями в деятельности государственной власти должны быть права и свободы граждан. Никакая экономическая и политическая целесообразность не может оправдать репрессий против собственного населения.

Источники:

1. Интервью с Беркутовой Анастасией Федоровной. Пермский «Мемориал». Ф. 5. Оп.10. Д.1.
2. ПермГАНИ. Ф. 849. Оп. 1. Д. 439.
3. ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 16.
4. ПермГАНИ. Ф. 849. Оп. 1. Д. 396.
5. Интервью с Штомпелем Георгием Макаровичем. Пермский «Мемориал». Ф. 5. Оп. 102. Д. 5.
6. ПермГАНИ. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 23.

АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

***И. Ю. Федотова, начальник отдела научно-справочного аппарата,
автоматизированных архивных технологий и информационно-
поисковых систем ГКБУ Пермский архив новейшей истории***

Советская власть определила свое отношение и политическую линию к религии и религиозным организациям, в первую очередь к Русской православной церкви (РПЦ), практически с первых дней своего существования. Эта политика проводилась по нескольким направлениям: антирелигиозная пропаганда, закрытие культовых зданий, репрессии в отношении православного духовенства и активных верующих. Репрессии в отношении православного духовенства – неотъемлемая часть советской истории.

В Пермском государственном архиве новейшей истории (ПермГАНИ) находятся на хранении архивно-следственные дела более чем на 35 тыс. человек, подвергшихся политическим репрессиям в годы советской власти. Из них 348 человек – православные священнослужители (данные получены на основании базы данных «Картотека репрессированных», включающей биографические сведения из архивно-следственных дел, находящихся на хранении в ПермГАНИ). Их архивно-следственные дела являются ценным источником для изучения репрессивной политики государства в отношении РПЦ. Анализ всего массива документов позволяет проследить основные тенденции данной политики, ее особенности на разных этапах. Изучение отдельных дел дает возможность познакомиться с судьбами священнослужителей, установить, каким образом на них повлияли политические репрессии.

Кроме того, состав документов архивно-следственных дел позволяет исследовать не только вопросы, непосредственно связанные с репрессиями в отношении РПЦ, но и другие аспекты государственно-церковных отношений. Чаще всего это происходит, если в состав архивно-следственных дел входит не только «стандартный набор» документов (анкета арестованного, протоколы допросов, обвинительное заключение, приговор, документы о реабилитации и т.п.), но и другие, приобщенные к делу материалы. В качестве примера можно рассмотреть два характерных случая.

В архивно-следственных делах священнослужителей, арестованных в 1919–1921 гг., были выявлены документы, позволяющие изучать формирование взаимоотношений членов РКП(б) и рядовых представителей духовенства на местах. Так, в делах священника К.М. Воронцова и дьякона В.В. Дьяконова были выявлены ходатайства об их освобождении, подписанные не только верующими, но и членами партии. Коммунисты сообщали, что К.М. Воронцов ни разу не высказывался против советской власти [1, Л. 22–24 об.]. В защиту В.В. Дьяконова выступили члены местной ячейки РКП(б), которые отмечали, что «В. Дьяконов заступался перед белыми за арестовываемых коммунистов и советских работников» [2, Л. 6, 8].

Кроме ходатайств, в архивно-следственных делах сохранились и выписки из протоколов партийных собраний, которые также свидетельствуют о поддержке арестованных служителей культа. Так, об освобождении осужденного священника Е.А. Горланова ходатайствовали не только прихожане, но и члены местной парторганизации. Вопрос об арестованном священнике рассматривался на партсобрании, выписка из протокола которого находится в деле. Члены организации признавали, что Е.А. Горланов «спас более 10 жизней наших дорогих товарищей», и ходатайствовали об его освобождении [3, Л. 21 – 21 об.].

Таким образом, анализ документов архивно-следственных дел позволяет сделать вывод, что на местах взаимоотношения коммунистов и православного духовенства формировались медленнее, чем на официальном уровне, и в 1919 г. – начале 1920-х гг. были еще крайне неустойчивы.

Еще один аспект взаимоотношений советского государства и православной церкви, который возможно исследовать с помощью документов архивно-следственных дел православных священнослужителей, – процесс закрытия храмов, его связь с репрессиями в отношении духовенства.

Нередко вскоре после ареста священнослужителей какой-либо церкви местными Советами принималось решение о ее закрытии. При этом следствие происходило практически одновременно с процедурой закрытия церкви. В некоторых архивно-следственных делах отложились документы, позволяющие проследить этот процесс.

Примером может служить архивно-следственное дело священнослужителей Свято-Троицкого храма г. Молотово (ныне Мотовилихинский район г. Перми). Осенью 1935 г. были арестованы члены «контрреволюционной группы» при этом храме: четыре священника (П.В. Конюхов, А.П. Дроздов, П.А. Казыльский и В.П. Трухин) и два дьякона (И.И. Мальгин и Н.М. Шаромов), церковнослужители и «активные верующие» (рабочие и служащие г. Молотово и г. Перми, две бывшие монахини) [4; Л. 6–6 об., 34–34 об., 43–43 об.].

В деле содержатся спецзаписки, направленные начальником Пермского сектора НКВД Л.Г. Лососом в УНКВД по Свердловской области, за-

метки, опубликованные в газете «Молотовский рабочий», и выписка из протокола заседания Президиума Молотовского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 1 декабря 1935 г. Спецзаписки позволяют установить, когда началось расследование по делу «контрреволюционной группы» и как оно протекало [5; Л. 2, 5, 26]. Публикации в «Молотовском рабочем» помогают понять, как проводилась кампания по закрытию Свято-Троицкого храма [6; Л. 216–218]. Согласно выписке из протокола заседания Совета, основанием для принятия решения ходатайствовать о закрытии храма послужило нарушение церковным советом договора на аренду здания храма, использование его «для деятельности контрреволюционной монархической организации» и учет требований трудящихся г. Молотово [6; Л. 220]. Анализ документов архивно-следственного дела позволяет сделать вывод, что арест священнослужителей Свято-Троицкой церкви послужил поводом для начала кампании по закрытию храма.

Таким образом, рассмотрение архивно-следственных дел православных священнослужителей свидетельствует, что они содержат разнообразную информацию и могут быть использованы как источник для изучения не только репрессий в отношении духовенства, но и по другим аспектам взаимоотношений советского государства и РПЦ.

Примечания:

1. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11084.
2. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11088.
3. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11357.
4. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 8911. Т. 1.
5. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 8911. Наблюдательное дело.
6. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 8911. Т. 2.

ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ КРЕСТЬЯН НЫРОБСКОГО РАЙОНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕПРЕССИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х – 1930-Е ГГ.

*Г. Н. Чагин, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой древней
и новой истории России историко-политологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского
университета*

Сегодня невозможно высчитать, сколько крестьян было арестовано и выслано в Ныробском районе, сколько их не вернулось в родные дома и семьи. Но документальных свидетельств о их судьбах имеется достаточно. В архивах обнаружено около 70 заявлений крестьян в сельские Советы и райисполком, а также в областной Совет и ВЦИК, которые ярко иллюстрируют, как крестьяне боролись за восстановление избирательного права и более всего за снятие твердого задания. В протоколах комиссий и заявлениях граждан изложены мотивы, по которым власть восстанавливала в правах, но чаще всего отклоняла их ходатайства. Этот подход так же интересен, как и мотивы, побудившие отнести людей к категории лишенцев.

В письмах крестьян приводятся аргументы, которыми апеллировала власть при отнесении того или иного лица к категории лишенцев: «Кулак, эксплуататор наемного труда», «крупный лесопромышленник, эксплуататор наемного труда», «крупный торговец лошадьми, живущий на нетрудовые доходы», «член семьи торговца с момента революции», «систематическая торговля с остяками, эксплуататор наемного труда», «барышник, перекупщик», «перекупщик скота», «мелкий торговец с оборотом до 100 руб.», «помощник стражника», «член семьи лишенца, применял наемный труд», «иждивенка, жена лишенца», «жена, иждивенка барышника», «содержатель кельи», «служитель религиозного культа», «жена служителя культа», «дочь служителя культа», «служитель культа монах», «любитель певчий, не имеющий звания псаломщика», «иждивенец, жена любителя певчего».

Если внимательно присмотреться к выставленным аргументам, то, безусловно, среди лишенных избирательных прав никаких более или менее зажиточных лиц, накопивших себе капитал за счет эксплуатации наемного труда, не существовало. Это были прежде всего труженики и хозяйственники, стремившиеся своим трудом и своими способностями

обеспечить себя лучшими условиями для жизни. «Служители культа» и их родственники опасности никакой не представляли. Люди, которых считали «примкнувшими к белой дружине», уже давно отошли от прежних убеждений. Каких-либо высказываний и тем более действий от них не исходило. Ясно, что лишенцы стали неугодными людьми по идеологическим мотивам партии и советской власти. Архивные источники позволяют нам услышать голоса этих людей и взглянуть на их хозяйства, поскольку в ряде случаев приводится описание дома, инвентаря, имущества.

Приведем документы из личного дела крестьянина д. Фадино Чагина Дмитрия Михайловича, 1880 г.р., которые наглядно иллюстрируют отношение государства, местной исполнительной власти к крестьянину, а население – к своему земляку, а порой и к родственнику.

Когда в 1929 г. Д.М. Чагина лишили избирательного права «за эксплуатацию чужого труда на рыболовстве», он обратился с заявлением в сельский комитет крестьянской общественной взаимопомощи (СККОВ) Фадинского сельсовета. Из комитета получил выписку из протокола:

«Слушали заявление гражданина дер. Фадиной того же с/совета Чагина Дмитрия Михайловича о восстановлении в правах решающего голоса.

В прениях выступили:

Чагин Григорий Михайлович, который сказал, что Чагин Дмитрий Михайлович дал лошадь середняку, который не имеет совсем денег, и таковой ждет бедняка с уплатой по возможности.

Чагин Александр Петрович доказал, что Чагин Дмитрий Михайлович во время посевной кампании дал мне обсеменить землю, когда у меня не было, и дал мне семена с возвратом без процента до снятия урожая.

Пономарев Степан Иванович высказался, что у Чагина Дмитрия Михайловича имелась вейлка-сортировка, которую он дает всем без всякого взимания платы.

Постановили: Чагина Дмитрия Михайловича подписаться под приговором, дабы дать возможность восстановить в правах решающего голоса, так как таковой подходит по социальному положению, и помогал бедноте, а также давал использовать имеющийся у него инвентарь вейлку для бедняцкого населения, а также он занимал выборные должности при советской власти до лишения прав голоса, а именно председатель с/совета в 1918 г.»¹.

Вместе с этой выпиской из протокола он получил справку комитета и сельсовета о социальном положении:

«Справка дана сия гражданину дер. Фадиной Чагину Дмитрию Михайловичу о социальном положении.

Имеется всей пашни 3,35 сот., посева всех культур 2,8 сот. Сеннокос заливной 50 сот. Арендванная сенокосная земля 1 дес. Лошадей

рабочих 2 шт., нерабочих 1 шт., коров дойных 2 шт., молодняк 2 шт., овец 4 шт., моложе года 2 шт., коза 1 шт.

Сельхозинвентаря: плуг 1 шт., сабан 1 шт., плохой, борона железная 1 шт., веялок 1 шт., саней с полосами 1 шт., саней простых 2 шт., плохие, телега 1 шт. железная, невод 50 сажень, витилей 30 штук.

В чем и удостоверяет Фадинский С.К.К.О.В. и сельсовет. 12/II-30 г. Председатель С.К.К.О.В Подосенев. За председателя сельсовета Чагин»².

Справка с подписями официальных лиц и оттиском гербовой печати сельсовета. Но этих показаний для райисполкома было недостаточно, и он не отменил своего прежнего решения. В отчаянии 29 мая 1929 г. Д.М. Чагин пишет письмо в Исполком Уральской области. Приведем его дословно, чтобы ближе познакомиться с протестным заявлением крестьянина о несправедливом к нему отношении со стороны власти.

«В Уральской областной исполнительный комитет. Гражданина Верхне-Камского округа, Ныробского района, Фадинского с/совета, д. Фадино Чагина Дмитрия Михайловича прошение.

Ныне я, Чагин, лишь в первый раз узнал, что меня и семейство мое, а именно: самого 50 л[ет], жену Александру Михайловну 36 л[ет], сына Николая 20 л[ет] и родственницу, живущую совместно (глухая и ненормальная) Наталию Дмитриевну Сивухину 60 л[ет] лишили права избирательного голоса. Причиной лишения голоса с/совет выставляет якобы то, что, дескать, я, Чагин, рыбака на озере «Чусовое» (рыбачу), пользуюсь наемным трудом и эксплуатирую чужой труд. Этот мотив является совершенно неправильным и не соответствует фактической обстановке дела, и, видимо, своим заключением с/совет ввел в заблуждение вышестоящие избиркомы.

Дело в том, что всего семьи у меня 9 человек, работниками в которой в полной степени надо считать самого просителя Чагина и сына Николая, так как жена Александра занята хозяйством и малолетними детьми, дочь Агрофьяну выдал в прошлом году в замужество, родственница Наталия только помогает рыбачить, и остальные члены семьи находятся в возрасте от 1 до 16 лет.

Хлебопашеством хотя я и занимаюсь, но в очень небольшом размере. Хлеба далеко мне своего не хватает, и я вынужден бываю со своим семейством почти все время работать – рыбачить на озере «Чусовое», которое является до сих пор чуть ли не основным источником существования всего нашего двора. Ни о какой наемной силе здесь не могло быть и речи, так как рыбную ловлю мы производим всегда своими руками и исключительно силами семьи. Ни временных, ни постоянных рабочих никогда не держали на этом деле.

До 1927 г. работа производилась мною совместно с другими рыбаками артелью, то есть трудовым соглашением мы арендовали озеро

у лесничества и рыбачили каждый сам по себе – своей семьей. Лишь в 1927 г. я брал это озеро в аренду сам лично, но рыбачил опять-таки силами своей семьи и наемному труду не прибегал.

С/совет и сельизбирком за эксплуатацию, видимо, счел такое заявление, что в 1927 г. на озеро приезжали сами по себе любители с удочкой и ввиду отсутствия иногда лова, предлагали услуги порыбачить моими снастями. Правда, я им не отказывал. Но зато они пользовались уловом рыбы. Таких случаев было очень немного, да и любители принимали участие по своей инициативе, никакого приглашения я им не делал. Видеть здесь наем рабочей силы или эксплуатации труда, по моему мнению, нельзя и поэтому избиркомы неправильно подвели меня, Чагина, под п. б. (пункт б. – Г.Ч.) ст. 15 инструкции ВЦИК по пере-выборам, тем более взрослых членов в моей семье (сына, родственни-цы), которые работают на рыбалке сами по себе.

Спрашивается, с кем же я рыбачил, и кто мне помогал неводить на озере «Чусовом». Рыбачить мне помогли исключительно члены двора и семьи: вышедшая в замужество дочь Аграфьяна, сын Нико-лай, родственница Наталия, и отчасти дети – сын Иван и дочь Анна. Ясно, что с указанным составом семьи я вполне мог обходиться без наемной силы. Да и нанимать ее мне не было смысла и цели, так как своей семьей я зарабатывал на рыбной ловле за весь сезон не более 500 рублей. Следовательно, нанимать посторонних мне было невыгодно. Но и указанный заработок на 9 членов семьи является незначительным. Хотя с/совет считает у меня доходность выше, но он не учитывает большой расход на аренду, снасти, одежду, обувь, пропитание и т.д.

Что касается лояльности моей к советской власти, то у белых я не был, ни в чем не замечался. Напротив, при начале советской власти вступал членом в коммуны бедноты, а в 1918 г. служил даже председа-телем с/совета в д. Фадиной.

Рыбу в 1927 г., которая была поймана на озере, исключительно сдавалась мной в кооперацию, а также сдавалась рыба в охотничью кооперацию; и в 1928 г., когда арендатором озера я не состоял, а со-стояло Т-во (товарищество. – Г.Ч.) охотников, эксплуатируя меня как рыбака – рабочего. Кулаком я никогда не состоял.

Считая, что я, Чагин, и семья моя занималась производительным и общественно полезным трудом, и вполне подходящим под понятие ст. 68 Конституции РСФСР, прошу Уралоблисполком пересмотреть вопрос о лишении меня и моей семьи права голоса, и в соответствии с циркуляром ВЦИК от 13/III с.г. восстановить меня, Чагина, и все се-мейство в избирательных правах. О последующем не оставить мне объявить. 20/V-29 г. К сему за неграмотного Чагина по просьбе его Ариадна Сизова»³.

Письмо Д. М. Чагина было направлено из Уральского областного исполкома в Ныробский райисполком для внимательного рассмотрения просьбы заявителя. Д.М. Чагину было предложено собрать документы, подтверждающие, что «эксплуатацией чужого труда он не пользовался».

На его защиту выступили земляки. 9 февраля 1930 г. состоялся сход деревни, на котором был принят: *«Приговор жителей д. Фадино». В нем заявлялось, что Д. М. Чагин «не сопротивлялся выполнения общественных постановлений, а также добровольных вкладов по разным займам», «но таковой действительно занимался рыбной ловлей и не имел своей рабочей силы, был вынужден взять со стороны потребности рабочей силы по времени этих сезонов, он им выплачивал той натурой, которую они добывали, то есть рыбой, а при своем сель/хозяйстве таковой наемной силы не имел, обрабатывая своим трудом, не эксплуатируя наемного труда, в чем даем свои подписи и подписуемся»* ⁴. Приговор подписали 68 чел. Кроме того, некоторые жители д. Фадино приложили еще личные заявления.

Таким образом, видно, что в числе лишенцев оказался человек, который честно трудился, имел справное хозяйство, помогал людям, которые встали на его защиту.

Д. М. Чагин был восстановлен в избирательном праве в декабре 1930 г., но впоследствии вновь подвергся репрессии ⁵. Его выселили из дома с конфискацией всего имущества, арестовали и куда-то сослали. В родную деревню он не вернулся ⁶.

В архивном деле имеется документ, касающийся сына Д.М. Чагина – Николая Дмитриевича, 1907 г.р., который, как и многие сыновья отцов, лишенных избирательных прав, 26 сентября 1930 г. был зачислен в тыловое ополчение и отправлен на Дальний Восток. Командир батальона тылового ополчения, находящегося на станции Шимановская Уссурийской железной дороги, в 1932 г. направил письмо в Ныробский райисполком с просьбой сообщить, «восстановлен ли Чагин Николай Дмитриевич в избирательных правах».

26 сентября 1932 г. на «суженом заседании» Ныробского райисполкома рассматривался запрос командира батальона. По нему было принято следующее постановление: *«Как члена двора кулацко-зажиточной части эксплуатирующего чужой труд и враждебно относящегося к мероприятиям советской власти, оставить в списке т/ополченцев и по ст. 69 пункта по Конституции лишить избирательных прав голоса»* ⁷.

На письме командира батальона, сохранившемся в архивном деле, читается виза секретаря райисполкома: «Н. Д. Чагин значится в списках лишенных избирательного права» ⁸. Второй раз командир батальона направлял запрос в Ныробский райисполком в феврале 1933 г. Вернулся ли Н. Д. Чагин в родную деревню – нам неизвестно.

В Ныробском районе лишенцем стал крестьянин из с. Ныроб Чагин Семен Васильевич, 1882 г.р.⁹ Основанием для этого послужили два факта: служба в полиции стражником и синильное (красильное) заведение отца. Посчитав постановление райисполкома несправедливым, С.В. Чагин обратился с письмом во Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК). Заявление С.В. Чагина рассматривалось на заседании Президиума ВЦИК 16 августа 1926 г., и выписка из протокола заседания была направлена в Уральский областной Совет (получена 28 октября 1926 г.) и заявителю. ВЦИК постановил: *«Гражданину Чагину Семену Васильевичу предоставить права, утраченные им в силу п. 9 ст. 69 Конституции РСФСР»*¹⁰.

В Ныробском райисполкоме восстанавливать С.В. Чагина в правах гражданства не торопились, хотя на столе у председателя лежало постановление ВЦИК от 16 сентября 1926 г. В таком случае С.В. Чагин обратился в окружную избирательную комиссию Верхне-Камского округа, которая на своем заседании 27 марта 1929 г. постановила: *«Исключить Чагина Семена Васильевича из списка лиц, лишенных права голоса»*¹¹.

В 1931 г. С.В. Чагин вступил в Ныробский колхоз. К работе относился добросовестно, замечаний не получал. С ноября 1931 г. по 1 марта 1932 г. являлся сельисполнителем Ныробского сельского Совета. Крестьяне Ныроба выдали ему справку, что *«торговлей не занимался, синильное производство, содержащее отцом, ликвидировано в 1910 г. Участником белой дружины не был, наемный труд не применял»*¹². Кажется, жизнь С.В. Чагина наладилась, в семью пришел покой. Но, как свидетельствуют, документы «за справедливую жизнь ему еще предстояло немало бороться».

На общем собрании членов Ныробского колхоза «Красный пахарь» (участвовало 32 мужчин и 13 женщин), состоявшемся 30 апреля 1933 г. под председательством С. Я. Носова, обсуждался доклад Рабоче-Крестьянской инспекции о чистке колхозных рядов. Выступивший с информацией И. А. Чагин *«обрисовал, что наш колхоз засорен классово-чуждыми элементами и работа наша должна пойти под лозунгом большевистской партии»*¹³. Он доложил, что на заседании правления с участием группы бедноты были выявлены люди, которых нужно исключить из колхоза. По предложению И. А. Чагина общее собрание постановило *«исключить из колхоза Чагина Семена Васильевича, как отец его имел подсобное предприятие (синильню) и сам Чагин служил в полиции стражником, за что был лишен прав голоса»*¹⁴.

После этого С. В. Чагин обращается в бюро жалоб РКИ Ныробского района¹⁵. В письме он сообщает: *«Полицейским стражником служил из-за куска хлеба, торговли не имел, хозяйство мое было середняцкое, синильное заведение было ликвидировано еще самим отцом, оно было*

временным, заработок от него – 100 рублей в год»¹⁶. Но в просьбе С. В. Чагину было отказано.

С.В. Чагин, посчитав решение колхозного собрания и бюро жалоб РКИ Ныробского района несправедливыми, 8 сентября 1933 г. обращается в Ныробский сельский Совет. 12 сентября 1933 г. состоялось заседание Президиума сельского Совета, в протоколе которого появилась запись: *«Слушали С.В. Чагина о неправильном доведении твердого задания и исключении из колхоза. Отец его и он вместе будут не в разделе, имел синильное предприятие, служил в полиции, на основании чего исключение из колхоза считается правильным и твердое задание правильное»*¹⁷.

С.В. Чагин вспомнил, как его право в 1926 г. отстоял ВЦИК. Он направляет письмо во ВЦИК и прикладывает к нему несколько важных документов: выписку из протокола заседания Президиума ВЦИК от 16 августа 1926 г., выписку из протокола заседания окружной избирательной комиссии Верхне-Камского округа от 27 марта 1929 г., справку от крестьян с. Ныроб, выписку из протокола общего собрания членов Ныробского колхоза, выписку из протокола заседания Президиума Ныробского сельского Совета, выписку из протокола бюро жалоб РКИ Ныробского района и др.

Письмо С. В. Чагина, адресованное всероссийскому старосте М. И. Калинин, ВЦИК получил 5 августа 1933 г. В нем заявитель подробно разъяснил свое социальное происхождение и положение, высказался по поводу тех постановлений, которые принимались на уровне колхоза, сельсовета, райисполкома, РКИ Ныробского района.

Приведем некоторые выдержки из письма С. В. Чагина. *«Применили твердое задание по мясу 100 кг, по молоку 560 литров. В постановлении изложено все, что может усугублять меня как гражданина, но Президиум с/с ни один пункт моего обвинения не подкрепил документами, когда и что я сделал, за которые можно бы меня бичевать, как эксплуататора... не торговал...» «Синильное предприятие имел наш отец до германской войны в 1909 г. Семья наша в то время состояла из 5 братьев и 5 сестер. С 1910 г. синильня окончена, а в 1921 г. отец помер. Вышел из Красной армии в 1921 г.» «Моя служба стражником ни в коем случае не может усугублять мое положение, ибо ВЦИКом я восстановлен в праве голоса еще в 1926 г. Колхоз и с/с игнорируют постановление ВЦИКа». «Совершенно нет никакого капитала-накопления посредством эксплуатации, лишь имел две ветхих избы». «На основании вышеизложенного прошу Всероссийский центральный исполнительный комитет ныробское постановление с/сов. от 19 мая 1933 г. отменить и тем самым дать мне возможность существовать с семьей 5-ти человек (3 детей) и выплачивать посильные налоги для меня. На мою жалобу прошу ответить мне лично»¹⁸.*

Письмо С. В. Чагина поступило из секретариата ВЦИКа в Ныробский райисполком. 27 декабря 1933 г. оно рассматривалось на заседании комиссии по разбору крестьянских жалоб при Ныробском райисполкоме. Комиссия постановила: *«В ходатайстве отказать, исключить из колхоза и доведение твердого задания подтвердить, имея в виду то, что Чагин служил при царском строе полицейским, синильное предприятие и торговлю имел его отец, не дед, как указывает проситель Чагин, и все хозяйство перешло целиком и полностью просителю Чагину. О чем сообщить в секретариат ВЦИК и просителю. Выписка дана ВЦИК и просителю 30 декабря 1933 г.»*¹⁹.

Как дальше развивались события для С. В. Чагина, нам неизвестно. Имеем лишь документальный факт за 1936 г., что он проживал в поселке при Вишерском бумкомбинате. Очевидно, не получив справедливого решения, уплатил все налоги, положенные по твердому заданию, и покинул родной Ныроб навсегда.

В д. Гадья принимались меры «по ужесточению борьбы против кулаков» к Чагину Савелию Семеновичу. История с ним так же не менее драматична, как с другими репрессированными крестьянами.

Судя по документам, инициатива репрессивных мер происходила от местных коммунистов. На заседании Гадьинской партячейки ВКП(б) 24 мая 1933 г. председатель сельсовета Г. Г. Чагин информировал, что *«Чагин Савелий Семенович... идет против всех советских мероприятий, на каждом собрании высказывается и бузит проводимым мероприятиям, также держал наемный труд по целому году и также в апреле м-це в последних днях проводил подпольную работу общего собрания единоличников, а также не обеспечил весеннюю посевную кампанию»*²⁰.

Партячейка постановила: *«Поручить провести через президиум с/совета доведения твердого задания Чагина Савелья Семеновича. Секретарь ячейки ВКП(б) А. Чагин»*²¹.

На следующий день, 25 мая 1933 г., созывается заседание президиума Гадьинского сельского Совета и на нем принимается постановление: *«Гр-на Чагина Савелия Семеновича обложить по твердому заданию, приняв во внимание за основу: наем чужого труда, факт в 1927 г. жила Чагина Р.Г. 6 месяцев, в 1928 г. жила Сулова М.В. 1 месяц и, кроме того, с 1921 г. по 1930 г. применял наем чужого труда в среднем за год 40 поденщиков, имея в то время достаточно трудоспособной силы в хозяйстве. Ведет агитацию против мероприятий сов. власти, как во время вручения обязательств по хлебосдаче и др. видим, имеет связь со спецпереселенцами, снабжает таковых продуктами и т.д.»*²².

Выписка из протокола заседания президиума Гадьинского сельского Совета от 25 мая 1933 г. снабжена описью хозяйства С. С. Чагина, запланированного к ликвидации.

Учиненное насилие заставило С.С. Чагина обратиться с заявлением во ВЦИК:

*«Москва Всероссийскому Центральному
Исполнительному Комитету
от гр-на деревни Гадья того же с/совета Ныробского р-на Урал.
обл. Чагина Савелия Семеновича 15/VI 33 года.
Заявление.*

Категорически опровергаю и требую вашего участия для тщательной проверки постановления през"идюма Гадьинского с/сов. от 25/V с/г., выписка которого к сему прилагается. Сам я, Чагин Сав. Семенов., не когда не думал заняться с целью эксплоатаци наживы чужого труда. В 1927 г. я держал во избежении упадка хоз-ва Чагину Раису 5 м-цев, но моя жена Чагина Парасковья нетрудоспособная 80%, об этом знают все гр-не, живущие на территории с/сов. Сам же ежегодно работал на государственных работах, об этом тоже знают все. Кроме того, сын Чагин Николай находится в рядах рабоче-крестьян. Во время дачи характеристики парт яч., комсом. и пленум признали моё хозяйство кулацким. Весь посев имею около двух га.

Кроме того, описали моё имущество до мизерной штуки как-то: кальсоны и т.д. Копия описи имущества прилагается. В постановление през"идюма с/сов., я считаю, подошли просто не учтя мои обстоятельства.

В случае потребности мой адрес: Урал обл., Ныробск. р-н, Гадьинск. с/совет Чагин Савелий Семенович»²³.

Из ВЦИКа 3 августа 1933 г. последовало письмо в Ныробский райисполком: «Направляется жалоба гр-на Чагина С.С. из дер. Гадья на неправильное обложение на 1933 г. твердым заданием и описи имущества. Из заявления видно, что его сын служит в РККА. Секретариат ПредВЦИКа поручает Вам срочно жалобу проверить и при подтверждении службы сына в РККА решение сельсовета безоговорочно отменить, а привлечь хозяйство жалобщика к сдаче с/х продуктов на общем основании, а опись с имущества снять. Ваше решение сообщите в Секретариат к 30 VIII-33 г., одновременно известите жалобщика.

Секретарь ПредВЦИК (Долматов, подпись). Член ЦИК (Тупицын, подпись)»²⁴.

Ознакомившись с письмом из ВЦИКа, председатель Ныробского райисполкома оставляет на нем визу: «Чагиной. Срочно запросить с/совет, доведено нет задание, если доведено, то немедленно снять. 15/VIII. (Лагунников)».

18/VIII на этом письме рукой делопроизводителя райисполкома О. Чагиной появляется запись: «Справка по телефону – твердое задание снято. 18/VIII О. Чагина (подпись)».

Обращая внимание на датировку документов и на сроки их прохождения по инстанциям, нетрудно заметить, что при оформлении официальных постановлений Гадьинский сельский Совет не всегда был последовательным. Так, заявление С. С. Чагина от 15/VI-33 г. ВЦИК получил 8/VII-33 г. Возвратилось оно в Ныроб, и 15/VIII председатель райисполкома запрашивает сведения из Гадьинского сельского Совета, предлагая: *«Если доведено, то немедленно снять»*.

18/VIII-33 г. на этом письме рукой делопроизводителя райисполкома О. Чагиной появляется запись: *«Справка по телефону – твердое задание снято. 18/VIII. О. Чагина (ее подпись)»*.

Вскоре Ныробский райисполком получает документы из Гадьинского сельского Совета с грифом «секретно»:

«Секретно. Ныроб, президиум РИКа.

На президиум с/совета гр-ну Чагину Сав. Сем. доведено твердое задание, но не было учтено то, что его сын в настоящее время находится в РККА. В силу чего на президиуме с/сов 8/VI-33 г. вынесено решение тв. зад. отменить, и одновременно сообщить в часть о исключении его сына из РККА домой. По имеющимся материалам, после чего тв. зад. привести в силу, а поэтому с/совет просит сообщить о исключении сына из частей РККА домой.

Адрес кр-ца его сына Чагина Николая Сав.: Д.В.К., станция Шимановская почтовый ящик № 25.

Прилагается: выписка из протокола президиума и п-яч. ВКПб Предс/совета Г. Чагин (подпись)»²⁵.

Письмо Гадьинского сельского Совета, полученное после запроса председателя райисполкома 15/VIII в связи с возвращением заявления С.С. Чагина из ВЦИКа, написано на листе бумаги с угловым штампом сельсовета и датировано 4/VI-1933 г. То есть датировано раньше, чем отменялось твердое задание – 8/VI.

Приходится усомниться: отменял ли президиум Гадьинского сельского Совета 8/VI твердое задание, если С.С. Чагин написал письмо во ВЦИК 15/VI, а делопроизводитель райисполкома после получения 15/VIII письма ВЦИК запрашивает Гадьинский сельский Совет и полученное сообщение об отмене твердого задания указывает с датой 18/VIII. Настораживает еще и такой факт: датированное письмо Гадьинский сельский Совет с прилагаемыми документами отправляется с грифом «секретно». По всей видимости, никакой отмены твердого задания 8/VI-33 г. не было. Документы составлялись, как говорится, «задним числом».

Настораживает еще один факт в письме Гадьинского сельского Совета. Президиум сельсовета отменил твердое задание С.С. Чагину, и об этом было решено сообщить в воинскую часть, чтобы его сына Николая отпустили домой. Но одновременно в постановлении записали: когда сын возвратится в д. Гадью, *«твердое задание привести в силу»*, то есть

заставить его выполнить.

Таким образом, как ни старался С.С. Чагин избавиться от несправедливого отношения к нему местной власти, но этого ему, по всей видимости, избежать не удалось.

Вместо того, чтобы действовать в пользу колхоза и поддержать первых колхозников, сдавших скот и инвентарь, власть пошла на их унижение и даже уничтожение, отыскивая в их прошлом поступки и примеры, не совместимые с задачами времени.

¹ ГАПК. Ф. р-625. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

² Там же. Л. 10.

³ ГАПК. Ф. р-625. Оп. 1. Д. 29. Л. 27–28 об.

⁴ ГАПК. Ф. р-625. Оп. 1. Д. 29. Л. 6–7.

⁵ Там же. Л. 29.

⁶ Кстати, в 1933 г. раскулачиванию и выселению подвергся брат Д.М. Чагина – Егор Михайлович, 1862 г.р., который так же не вернулся в д. Фадино.

⁷ ГАПК. Ф. р-625. Оп. 1. Д. 16. Л. 46.

⁸ Там же. Д. 23. Л. 3.

⁹ С. В. Чагин служил в царской армии в звании унтер-офицера, после – красноармейцем. Был слушателем курсов политической грамоты при 4-м запасном телеграфно-телефонном дивизионе.

¹⁰ ГАПК. Ф. р-1423. Оп. 1. Д. 167. Л. 13.

¹¹ Там же. Л. 14.

¹² Там же. Л. 19.

¹³ ГАПК. Ф. р-1423, оп. 1, д. 167, л. 7.

¹⁴ Там же.

¹⁵ РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция, занимавшаяся вопросами государственного и партийного контроля в 1920–1934 гг. Ей позволялось принимать решения о наложении дисциплинарных взысканий, а также отстранении и увольнении должностных лиц.

¹⁶ ГАПК. Ф. р-1423. Оп. 1. Д. 167. Л. 7.

¹⁷ Там же. Л. 28.

¹⁸ ГАПК. Ф. р-1423. Оп. 1. Д. 167. Л. 11–12.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ Там же. Д. 168. Л. 22.

²¹ ГАПК. Ф. р-1423. Оп. 1. Д. 168. Л. 22.

²² Там же. Л. 21–21 об.

²³ ГАПК. Ф. р-1423. Оп. 1. Д. 168. Л. 13–13 об.

²⁴ Там же. Л. 12.

²⁵ ГАПК. Ф. р-1423. Оп. 1. Д. 168. Л. 20.

ALLGEMEIN
Die Lager Bergen-Belsen, Esterwegen
und Ravensbrück-neue Gedenkstätten,
ihre Geschichte und Konzeption

Karl-Heinz Ziessow

Zunächst kurz zu den deutschen Konzentrationslagern, an deren Orten und zu deren Erinnerung die Gedenkstätten errichtet wurden.

Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager (KZs) bildete ein dichtes Netz, von dem in einem von Jahr zu Jahr zunehmendem Maße praktisch das gesamte Land bedeckt war, bevor es sich dann auch auf die besetzten Gebiete außerhalb Deutschlands erstreckte. Man kennt die Namen der großen Lager, viel weniger aber die unzähligen kleinen Filialen der Unterdrückung. Waren es auf dem Territorium des Deutschen Reiches fast ausschließlich Konzentrationslager, in denen der massenhafte Tod durch grausamen Arbeitszwang, durch Vernachlässigung, Seuchen und permanente Unterernährung herbeigeführt wurde, so lagen die berüchtigten Vernichtungslager mit ihren Gaskammern vorwiegend auf erobertem Gebiet östlich der Reichsgrenze.

Sofort nach der Machtübernahme der Nationalsozialisten begann die SA (Schutzabteilung), Internierungslager für politische Gefangene einzurichten, die bald unter das Kommando der SS (Schutzstaffel) kamen. Seit 1936 wurde der Kreis der Verhafteten und Verschleppten erheblich ausgeweitet und es wurden nun neben politischen Gefangenen auch sogenannte "Arbeitsscheue" und "Asoziale", Homosexuelle, die Angehörigen der Religionsgemeinschaft Zeugen Jehovas, beim Überfall auf die Synagogen im November 1938 auch bereits 26.000 Juden inhaftiert. Die Lager Sachsenhausen in der Nähe von Berlin und Buchenwald bei Weimar wurden gebaut. Sachsenhausen wurde zum Verwaltungszentrum des Systems der Konzentrationslager und zur Ausbildungseinrichtung für KZ-Kommandanten und Lagerpersonal. Buchenwald entwickelte sich zum größten Konzentrationslager auf deutschem Boden.

Mit dem Überfall auf Polen 1939 beginnt der Ausbau und die Umgestaltung der Konzentrationslager. Das System der Zwangsarbeit wird ausgedehnt, die Zahl der Häftlinge wächst rapide, darunter nun auch viele aus den militärisch eroberten Ländern. Etwa mit dem Angriff auf die Sowjetunion beginnt auch eine vierte und letzte Phase der Entwicklung der Konzentrationslager.

Sie ist vor allem durch die massenhafte Verfolgung und Ermordung von Juden sowie durch den allgemeinen Einsatz von KZ-Insassen in privaten Industrieunternehmen gekennzeichnet. 90% der 1945 in Konzentrationslagern inhaftierten 700.000 Menschen haben keine deutsche Staatsangehörigkeit. Man nimmt an, dass etwa zwei Drittel der sechs Millionen ermordeter Juden in KZs umgekommen sind.

Ich möchte nun kurz drei Gedenkstätten an Orten von Konzentrationslagern in Norddeutschland vorstellen, die in den letzten Jahren neu gestaltet worden sind.

BERGEN-BELSEN

Ich beginne mit Bergen-Belsen, jenem Lager, das durch die Bilder und Filmsequenzen seiner Befreiung vor allem in Großbritannien, von hier aus aber auch in der universalen Erinnerung, zum Inbegriff des Lagerelends zum Zeitpunkt der Befreiung durch die Alliierten geworden ist. [eventuell Film] Filmausschnitte wie dieser sind in die Welt Erinnerung eingegangen.

Dabei gehört der Ort in der südlichen Luneburger Heide eher zu den spärlich als Konzentrationslager in Anspruch genommenen Geländen. Große Teile der Luneburger Heide wurden schon seit dem 19. Jahrhundert für militärische Zwecke genutzt, und 1935 entstand hier in Bergen ein großer Truppenübungsplatz. Die für die Arbeiter beim Kasernenbau errichteten Baracken wurden dann nach dem Überfall auf die Sowjetunion als Grundlage für ein Kriegsgefangenenlager genutzt. Bereits in den ersten Tagen nach dem Überfall hatte die deutsche Armee mehr als zwei Millionen sowjetische Soldaten gefangen genommen, von denen im Sommer und Herbst 1941 etwa 500.000 als Arbeitskräfte nach Deutschland transportiert wurden. Etwa 91.000 sowjetische Kriegsgefangene wurden bis Ende 1941 in die Luneburger Heide gebracht. Heide- und Mooregebiete waren bevorzugte Ziele für diesen Gefangenen Einsatz, weil hier der Kontakt zur deutschen Bevölkerung und zu Gefangenen aus anderen Nationen leicht zu verhindern war.

Im April 1943 übernahm die SS einen Teil des Kriegsgefangenenlagers Bergen-Belsen und richtete hier ein Konzentrationslager für jüdische Haftlinge ein, die als Geiseln gegen internierte Deutsche eingetauscht werden sollten. Die Belegung erweiterte sich 1944 sukzessive durch arbeitsunfähige Haftlinge aus anderen KZs sowie durch weibliche Haftlinge aus Auschwitz, die von hier aus in andere Konzentrationslager verteilt werden sollen. Schließlich treffen hier mit Fortschreiten der Front auch Transporte aus weiter östlich gelegenen KZs ein. Am 15. April 1945 werden 55.000 Haftlinge durch britische Truppen befreit. Mindestens 52.000 Haftlinge sind in Bergen-Belsen bis dahin umgekommen. Doch auch mit der Befreiung ist die Existenz des Lagers nicht beendet. In den zugehörigen Militärkasernen sind bis 1946 etwa 10.000 polnische Displaced Persons untergebracht, sowie bis 1950 fast 12.000 jüdische Displaced Persons.

In der weiteren Geschichte des Geländes spiegelt sich der Umgang der Bundesrepublik mit der Erinnerung an die Lagervergangenheit. Nachdem die Lagerbaracken wegen der Seuchengefahr bereits unmittelbar nach der Befreiung durch das britische Militär abgebrannt worden waren, wurde ein großer Teil des Lagerareals von einem Landschaftsarchitekten zu einer parkähnlichen Friedhofsanlage umgewandelt. 1952 wurde die ganze Anlage dem Land Niedersachsen übergeben und 1952 als erste KZ-Gedenkstätte der Bundesrepublik eröffnet. Die Geschichte des Lagers wurde nicht dokumentiert, vorhandene Spuren der Gebäude im Gelände wurden nicht gesichert, die Gräber blieben anonym. Die historische Topographie des Lagergeländes war seither verborgen. Das zum Memorial verwandelte Gelände war ein Monument, mit dem man dem politischen Anspruch des Gedenkens Genüge getan hatte, ohne dass eine weitere Auseinandersetzung von ihm ausging. Dieser Zustand des Schweigens blieb wie auch in anderen deutschen Orten, in denen der Nationalsozialismus seine deutlichen Spuren hinterlassen hatte -mehr oder weniger bis in die achtziger Jahre unverändert. Ein kleines Dokumentenhaus war 1966 errichtet worden, das 1985 erheblich erweitert wurde.

Erst in den neunziger Jahren setzten aktive Bestrebungen ein, den Gedenkstätten eine neue Aufgabe und ein neues Programm zu geben. Ende der neunziger Jahre erklärte sich die Bundesrepublik Deutschland bereit, eine Neugestaltung der Gedenkstätte zu fordern und entwickelte mit dem Land Niedersachsen einen Arbeits- und Finanzierungsplan für mehrere Jahre.

Die Forderung begann 2000, und 2007 wurde ein großes Dokumentationszentrum am Rande des Lagerareals eröffnet. Es umfasst eine Dauerausstellung mit vielen Medienstationen in denen filmische Interviews die intensive Dokumentationsarbeit der Forschungseinrichtung zeigen. Am Ende öffnet sich das Gebäude in einen weiten Ausblick in das Lagergelände. Der Besucher durchschreitet bis dorthin die verschiedenen Phasen der Lagergeschichte, zunächst auf 300 qm die Geschichte des Kriegsgefangenenlagers, dann auf 600 qm die Geschichte des Konzentrationslagers. In den Boden einglassene Vitrinen zeigen Objekte, die durch die Lagerarchäologie ans Licht gebracht wurden. Im Obergeschoss wird auf 300 qm die Geschichte nach der Befreiung, vor allem die der Displaced Persons erzählt. Die Ausstellung schließt mit einem "Raum der Namen" und einem "Epilog". Eine zentrale Rolle spielen in der gesamten Ausstellung Tagebücher, Aufzeichnungen, Augenzeugenberichte und Haftlingszeichnungen, die neben den Medienstationen der Perspektive der Opfer "als Akt der Gerechtigkeit" (Katalog, Einführung) ein großes Gewicht verleihen.

ESTERWEGEN

Am 31. Oktober 2011 wurde die Gedenkstätte Esterwegen im Emsland, ganz in der Nähe der Grenze zu den Niederlanden eröffnet. Viele Orte mit späteren Konzentrationslagern haben schon eine lange Vorgeschichte als

Lagerorte. So reicht diese Vorgeschichte in Esterwegen beispielsweise zurück bis zum Deutsch-Französischen Krieg 1870/71; damals wie später auch wollte man Gefangene als Arbeitskräfte zur Moorkultivierung einsetzen. Seither ist von diesem Ort immer wieder Gebrauch gemacht worden, wenn in Zeiten von Krieg und Unterdrückung ein Platz weit jenseits aller Zentren gefragt war. Etwa 30% des Landes waren in Nordwestdeutschland Moorgebiete, bevor die großen landwirtschaftlichen Kultivierungen um 1850 langsam einsetzten, und hier schien es einen unerschöpflichen Bedarf an Arbeitskräften für alle möglichen Erschließungsaufgaben zu geben.

Als mit Beginn der nationalsozialistischen Herrschaft 1933 politische Gegner in großer Zahl verhaftet wurden, begann das preußische Innenministerium mit der Planung von Konzentrationslagern im Emsland, in denen diese sogenannten "Schutzhaftlinge" interniert und zu schwerer "gemeinnütziger Arbeit" gezwungen werden sollten. Bereits im Sommer 1933 waren drei Barackenlager für 4.000 Gefangene im Emsland fertiggestellt, die dem preußischen Innenministerium unterstellt waren und von Angehörigen der SS bewacht wurden: Borgermoor, Esterwegen und Neusustrum.

Die bisherigen Konzentrationslager Borgermoor und Neusustrum wurden bereits 1934 in preußische Strafgefangenenlager umgewandelt, Esterwegen blieb Konzentrationslager und wurde dem Reichsführer SS Himmler unterstellt. 1936 wurde das Konzentrationslager Esterwegen aufgelöst. Die Gefangenen wurden nach Oranienburg bei Berlin gebracht, wo sie beim Aufbau des neuen KZ Sachsenhausen mitarbeiten mussten. Esterwegen wurde nun als Strafgefangenenlager betrieben, in dem neben politischen Gefangenen seit 1942 auch verurteilte Soldaten, seit 1943 auch Widerstandskämpfer aus den benachbarten Ländern inhaftiert wurden. Zusätzlich waren vier weitere Strafgefangenenlager errichtet worden, so dass das gesamte Emsland schließlich von einem Netz von 15 Lagern überzogen war.

Auch hier in Esterwegen begannen die Spuren des Lagers nach Kriegsende zu verschwinden. Die Baracken wurden seit 1950 sukzessive verkauft. 1963 errichtete die Bundeswehr auf dem ehemaligen Lagergelände ein Depot. Allen Versuche, hier eine Gedenkstätte zu errichten, die bereits kurz nach Kriegsende begannen, blieben lange erfolglos. 1963 errichtete die Gewerkschaftsjugend einen Gedenkstein für den wohl prominentesten Häftling, den Nobelpreisträger Carl von Ossietzky. 1981 wurde mit Unterstützung ehemaliger Häftlinge ein privater Verein gegründet, der die Einrichtung einer Gedenkstätte zum Ziel hatte. Der Verein richtete 1985 in einer nahegelegenen Stadt, in Papenburg, eine kleine Dauerausstellung über die Emslandlager ein. 2001 übernahm dann der Landkreis Emsland das ehemalige Lagergelände von der Bundeswehr, um nun hier eine Gedenkstätte zu erbauen. 2008 wurde die "Stiftung Gedenkstätte Esterwegen" gegründet, deren Ziel die Erforschung der Geschichte aller Emslandlager und die Errichtung und der Betrieb der Gedenkstätte Esterwegen ist.

Bei der Neugestaltung der Gedenkstätte Esterwegen hat die Darstellung des Lagergeländes als Erinnerungsraum eine besondere Rolle gespielt. Wichtige Ziele waren u.a.:

- die Bereiche der Täter (Wachpersonal) und Opfer (Gefangene) deutlich sichtbar zu trennen,
- jene Elemente des Lagers hervorzuheben, die Symbole von Gefangenschaft, Gewalt und Terror waren, sowie
- die unterschiedlichen Phasen der Lagergeschichte sichtbar zu machen.

Zentrale Elemente zur Ausführung dieser Ziele wurden Stahlwände, Stahlobjekte und Stahlstege, die Aufschüttung von rotbraunem Schotter auf dem Lagergelände sowie die Kennzeichnung der Baracken durch Baumgruppen.

RAVENSBRUCK

Abschließend möchte ich noch sehr kurz auf Ravensbrück eingehen. Hier in Brandenburg im Nordosten Deutschlands entstand 1938 das große Konzentrationslager der SS für Frauen. Das Lager war 170 Hektar groß und umfasste etwa 40 weitere Außenlager. 132.000 Frauen, 20.000 Männer und 1.000 weibliche Jugendliche wurden hier registriert. Im Lager wurden 1940 Werkstätten für Textil- und Lederbearbeitung eingerichtet, die im Rahmen der Kriegswirtschaft eingesetzt wurden.

Nach der Befreiung des KZ durch die Rote Armee und dem Kriegsende wurden Teile des Lagers und der SS-Wohnsiedlung bis 1994 von der Sowjetarmee bzw. den GUS-Streitkräften militärisch und zu Wohnzwecken genutzt. Bereits 1958/59 wurde ein erstes Lagermuseum im Zellenbau eingerichtet, und im September 1959 wurde hier eine der drei nationalen KZ-Gedenkstätten der DDR eröffnet. Seit 1984 gab es in der ehemaligen SS-Kommandantur ein "Museum des antifaschistischen Widerstandskampfes". 1993 wurde Ravensbrück in die Stiftung Brandenburgische Gedenkstätten aufgenommen, die vom Land Brandenburg und der Bundesrepublik Deutschland getragen wird. In den ehemaligen Aufseherinnenhäusern wurde 2002 eine Internationale Jugendbegegnungsstätte eingerichtet. 2007 wurde ein neues Besucherzentrum fertiggestellt, und zur Zeit entsteht im Kommandanturgebäude die Hauptausstellung der Gedenkstätte.

Na faci ex enit num iliquat lumsan ullutat atum quisiscidunt utat, quis ad tatum vel dolore venim zzriuscip ea faccummy nisissis esenim quatie duismod dunt verilit iusto euiscilit ad ent alis et, commy nim nulla conulla feugait, core do exero odo cortis amcon er sit, sequat praessi ex exercinis eugait vel del iriureros euis esenim dolore min vel irilla ad dolum ver suscipuscin venit prate tismodolore feugiate vel el ea feugue vel dolendignim quissec tetumsandrer sectem zzzrillam nulla at. Magnissim deliquat acil diamet veros do odo diat iliqui ex ex ea facilla faccum quisquidnt wisl erci tatumsan henim vulput adio dipsumsan vel ulla con henibh ex eugait utpat ipit, quation ullahcon utet, cons

digna consequis acip endre do dionumm olendre commodigna alis nullam quat. Ure dolendigna faciduis am, velisissis augiat.

Tin velis et nos nim nonsenim ing er senit nos acinci tetuerit inibh exer aut wisse tate feum ent et alit, commolorem iurer sum vent iliquat nulla facipsum alisismod tat, venis ecte delit alit ad magnim zzriureet lorpero od tisit praesto euis et lutat praesto dolore modio eugiamet praessed dolobor sit aliquis nim vel ut utet praesequat praessi blandiam, sisisci psustrud tism il eros am delendi amconum dui blaorting enis aliquis sequis do dolum inciniamet iure feuis alit nis autat eumsan henibh ea conulla cons nostrud ting et velesequat vel dolobor sum nullaor augiamet la faccum nulluptate tatin utpatue minim numsandre commy nim iriure veleniscidui et ullaemetum digna alisim zzriusto od eugiam acin ut et ad min hendrero exer susci bla amconul putpatie et in veriuere deliquisit lobor at nonsequis ad min ut adionul putat.

Ud enim autat. Ut alisl ute eum venim exero odolestrud dolut nisi.

Alit am ercidunt ea feugiam zzzrilla mcommolorper sequis nim am ent wisl iustio commod tat praessim delenisl diam iure cortie tatuero exerilis accum ex esto od tat. Dipsusci blaorer iliquip sumsan utatem ex ex ea feugait dignim ipisi et wisl diamcon ullum volor at.

Ex ex eraesectem in er sed te tem ilisl elenibh eril iuscil essed dolumsan henibh eugiametuer ilismol oreraesse conulputem zzzrit ip ex ero corperit in ex euis in henibh exer sum nulputat. Moloreraesto commy nonsent wis exer ing esed del dolortin ullan venis nullan volum volutate dolor sum accumsan hendipsum dolestrud tat at. Ero odipsum sandiam at et lor atetuerostio eros amet eum ilit dolese magnim iriure minismo dignim dolorem ilit wismoluptat velit, vulla faccum ipit lametum nullum inibh et am, vendre te ea aliquipit alit, corem vullums andionse min henim nullute magna atisit duisis augueri urercil iquatuer sisismodo ea con ulputat accumsandrem zzzriusc ipsuscilla feugait lametue do ea adip el ulput do dolesse euguero odio ectet am quatuereit acip ero consequatio odipit lut utet velismo dolessi eum dolor sed dolorem quisi tat. Os dunt praesting et ing elenism odorper in utat. Dit lore veraesequisi tie tem quamet, quat.

Adigniat nulla commy nonsequat. Feupit dolore tie faccum iliquat, consed magniscidunt nullaorperit luptat nosto con henisim do cor ad tat, volessi bla feugiam, sit landre magniat, consequis ex el dolore te feugait nis nostrud tie magnit eu facing endrem quisi tat nonsequatuer si.

Elisissent illa feuguer cidunt utpat la am nummole ssequi ese consenibh endre minibh ea feuis nullandre tem zzriureet, sum volor il eriuscillam augait veros nulla feummod olorper sisit, vulputat prat praessecte ent am dion vulluptat. Ad dit lan vel utpat, commy nos nulla faccum iure vullutem incilii erci tat utet lor in vent nulla auguercincil eugue conullam vero dolesto cortionsed molorper sum zzriure mod elestio dolor si ting eumsan ecte dolobor ercilis.

«А ВСЁ, ЧТО ПОСТРОЕНО...»
Проблемы территории предприятий, созданных
в эпоху индустриализации в СССР и прекративших
свое существование...

И. А. Паникаров, председатель ИПО «Поиск незаконно репрессированных», г. Магадан

Северо-Восток России, называвшийся до середины 50-х годов ёмким словом «Дальстрой», был одним из богатейших регионов Союза ССР до начала 90-х годов. А ещё этот необъятный край, составлявший к концу своего «заката» (май 1957 г.) 7-ю часть территории Советского Союза (3 млн квадратных километров), издавна и до настоящего времени «величают» Колымой.

В конце 20-х гг. в Колымо-Индибирском крае геологами были обнаружены несметные богатства полезных ископаемых: «По данным геологических прогнозов, запасы золота в бассейнах рек Индибирки и Колымы занимали одно из первых мест в мире, составляя более 20 процентов всех известных мировых запасов. Запасы олова были наибольшими в Союзе»...

Но как взять эти богатства?

На заседании комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся 15 мая 1929 года, подчеркивалось: «...мы имеем огромные затруднения в деле посылки рабочих на Север. Сосредоточение там многих тысяч заключенных поможет нам продвинуть дело хозяйственной эксплуатации природных богатств Севера...» и «...рядом мер как административного и хозяйственного содействия освобожденным мы можем побудить их оставаться на Севере, тут же заселяя наши окраины...»

Принятые Политбюро ЦК ВКП(б) в первой половине 1929 г. изменения, касающиеся карательной политики и состояния мест заключения, разрешали формирование целой системы исправительно-трудовых лагерей, ставших основой ГУЛАГа, в ведомственном отношении подчинявшегося ОГПУ СССР. По положению, утвержденному Постановлением СНК СССР от 7 апреля 1930 г., в исправительно-трудовые лагеря теперь направлялись осужденные к лишению свободы на срок не менее трех лет.

Эти изменения способствовали созданию в районе Колымы в ноябре 1931 года государственного треста по промышленному и дорожному

строительству в районах Верхней Колымы – «Дальстрой», где с первых дней существования начали использовать труд заключённых.

Главной и основной целью создания треста «Дальстрой» было совсем не «целенаправленное уничтожение людей», что утверждают многие иностранцы, да и российские высокопоставленные «мужи» и даже историки. Целенаправленно уничтожить можно было на месте, а не везти за 10 тысяч километров, чтобы расстрелять.

Необъятные и к тому же богатейшие окраины СССР были совершенно безлюдными. На Колыме, к примеру, до конца 20-х годов абсолютно безнаказанно и с огромной выгодой добывали золото американцы и корейцы и никто их не мог остановить, а тем более предъявить какую-то ноту протеста. Вот и нужно было заселять край и добывать полезные ископаемые. Но вряд ли кто-либо по своей воле поехал бы в глушь на верную гибель. Вот и приняли решение «загнать» сюда заключённых, большая часть из которых после освобождения оставалась жить в этом краю, вращая, как говорится, в эту землю корнями...

Заключённые и вольнонаёмные за четверть века («Дальстрой» существовал до мая 1957 года) создали по сути дела «золотую республику». Было построено множество золото-олово-вольфрамо-кобальтовых и др. приисков, рудников, шахт, поселков. Для примера: только в Ягоднинском районе Магаданской области во времена ГУЛАГа существовало более 300 посёлков-лагерей, около сотни из которых после ликвидации лагерей превратились в уютные, хоть и небольшие вольные посёлки. До 1985 г. в районе существовало около десяти золотых приисков, добывавших в год более 20–25 тонн чистого золота, два крупных сельскохозяйственных предприятия (совхозы), Оротуканский завод горного оборудования, Спорнинский авторемонтный завод, Ягоднинские завод строительных материалов, ремонтно-механический завод, Оротуканское и Ягоднинское строительные управления, Ягоднинская и Дебинские геолого-разведочные экспедиции, Ягоднинский и Оротуканский горно-обогачительные комбинаты, Тасканская теплоэлектроснация, Ягоднинские пищевой и мясо-молочный комбинаты и множество других предприятий и организаций...

К сожалению, всё то, что построено, не людям осталось, а было бесцеремонно и бездумно разрушено в течение трёх-пяти лет. Население самостоятельно выехало, оставшись совершенно без работы. Большинство жителей не получило от государства никаких компенсаций и гарантий на дальнейшую нормальную жизнь. А оставшиеся люди, в том числе и ныне живущие, опять оказались в... неволе. То есть, не имея средств на выезд (билеты стоят от 25 до 60 тысяч рублей, контейнеры – до 100 тысяч рублей), оказались как бы снова в лагере, но уже без «колючки», вышек и конвоя...

Сегодня (опять привожу пример по Ягоднинскому району) в районе проживет около 9 тысяч человек, в то время как в 1984 году – почти

53 тысячи. Мы абсолютно ничего не производим – только потребляем. Золото добывают как таковые старатели, которых государство обложило неимоверными налогами и всяческими указаниями, что можно и чего нельзя делать на той земле, на которой они живут и трудятся...

По сути, на Колыме сегодня существует как бы экономический ГУЛАГ, то есть территория Магаданской области работает на центр, на Москву. Московские банки и фирмы разного рода скупают богатейшие земли, заводят свои порядки и делают, что хотят...

Обидно и больно знать и видеть, как Колыма превращается в тайгу, то есть всё некогда освоенное для блага человека – для нормальной жизни – сегодня по-живому разрушено...

Да, был ГУЛАГ, но ведь после него – в 60–80-е годы люди на Колыме жили и не «роптали» на судьбу. И нет никому дела до этой многострадальной земли-кормилицы...

НАСЛЕДНИКИ БЕРЕЗНИКОВСКОГО ХИМИЧЕСКОГО КОМБИНАТА

В. В. Швец, научный сотрудник МБУК «Березниковский историко-художественный музей имени И. Ф. Коновалова»

В 2012 году второй по величине город Пермского края – Березники празднует свой 80-летний юбилей: 20 марта 1932 г. вышло постановление президиума ВЦИК РСФСР: «Город Усолье и рабочие посёлки Дедюхино, Лёвну, Усть-Зырянку и Чуртан Березниковского района Уральской области объединить в один город – Березники». Образование города было неразрывно связано со строительством одного из гигантов первой пятилетки Березниковского химического комбината (далее – БХК).

На строительстве нового города и комбината трудились и местные жители, и приехавшие сюда со всего Союза специалисты, добровольцы по путёвкам комсомола, бригады сезонников. В отдельные моменты на стройке было занято до 15 тыс. чел. В строительстве города, его промышленных предприятий использовался и подневольный труд заключённых ГУЛАГа (на Адамовой Горе – ныне пос. Чкалово, до 1934 г. располагался лагерь), и ссыльнопоселенцев. 23 апреля 1932 БХК выдал первый аммиак. В предвоенные пятилетки в Верхнекамье вырос новый социалистический город, «город Света» по В. Шаламову. В 1940 году химкомбинат был разделён на четыре самостоятельных предприятия: азотно-туковый (ныне филиал «Азот» ОАО «Уралхим»), содовый, анилино-красочный (ныне ОАО «Бератон») заводы, ТЭЦ-4. Три предприятия из этой четвёрки продолжают стабильно развиваться и работать и по сегодняшний день. Один завод прекратил своё существование 3 года назад. Рассмотрим судьбы двух предприятий: «АЗОТА» и «БЕРАТОНА».

Летом 1929 года на берегу Камы рядом с действующим содовым заводом начались работы по подготовке площадки для строительства Березниковского химического комбината. Крупнейший в стране промышленный комплекс включал в себя полтора десятка заводов азотно-туковых, содово-хлорных, анилино-красочных производств и крупнейшую в стране ТЭЦ высокого давления. Комбинат был внесен в список 54 наиболее важных объектов первого пятилетнего плана развития СССР, т.к. его продукция имела исключительно важное значение для народного хозяйства и в первую очередь для обеспечения обороноспособности страны. Вывод комбината на полную проектную мощность был

рассчитан на две очереди. Строительство БХК проходило в сложных условиях, ускоренными темпами. Много усилий и времени пришлось потратить на отсыпку грунта и строительство дамбы, чтобы защитить будущую промплощадку от весенних разливов Камы. Работы нулевого цикла осуществлялись до середины 1930 г. и требовали большого количества неквалифицированной рабочей силы, которую в основном поставлял ВИШЛАГ.

Гигантская стройка нуждалась и в строительных материалах, поэтому в окрестностях комбината было построено несколько кирпичных заводов, заводов по изготовлению строительных материалов, механический городок. Для обеспечения социально-бытовых условий строителей и их семей строились бараки, общежития, больницы, клубы, школы, столовые и бани. Через два года после начала строительства БХК население района увеличилось почти в 4 раза. Зарождался новый город, который, впрочем, был предусмотрен проектом строительства комбината.

Главным и самым сложным в техническом и технологическом отношении производством было производство синтетического аммиака, производимого по технологии англо-американской фирмы «Найтроджен». Все оборудование аммиачного завода было иностранного производства: колонны синтеза изготовлены концерном Круппа, газодувки – фирмой AEG, генераторный цех «под ключ» поставлен английской фирмой «Пауэргаз», компрессоры – швейцарского и французского производства. Проектировали ТЭЦ и поставляли для нее оборудование англичане. Другие заводы азотно-туковой группы – азотно-кислотные, аммиачной и лейнаселитры, сульфата аммония – также оснащались импортным оборудованием. В период монтажных и пусконаладочных работ в Березниках работали специалисты фирм-поставщиков оборудования, которые не только готовили оборудование к работе, но и обучали персонал. В 1940 г. в целях улучшения оперативного управления по решению ВСНХ СССР БХК был разукрупнен: цехи по производству и переработке аммиака были объединены в Березниковский азотно-туковый завод (БАТЗ).

В 1971 г. производство аммиака на БАТЗ было переведено на природный газ. Переход на новый вид сырья и топлива принес предприятию экономические и экологические преимущества, позволил приступить к строительству новых крупнотоннажных производств. На протяжении 70–80-х гг. шло масштабное строительство и освоение новых мощностей.

26 мая 1974 г. первым вошел в строй действующих новый цех ВАА. В декабре 1975 года получена первая продукция на новых агрегатах по производству аммиачной селитры, слабой азотной кислоты, в августе 1976 г. состоялся пуск первого крупнотоннажного агрегата по производству аммиака, 11 января 1981 г. включен в работу второй агрегат аммиака, 6 августа 1981 года – агрегат карбамида.

В 1982 году, когда основные крупнотоннажные агрегаты были введены в строй действующих, БАТЗ был реорганизован в производственное объединение «Азот».

В 1992 году зарегистрировано акционерное общество открытого типа «Азот». В 2007 году ОАО «Азот» вошло в состав «ОХК «УРАЛХИМ», с 2010 г. филиал «Азот» ОАО «ОХК «УРАЛХИМ» в городе Березники.

Сегодня филиал «Азот» – одно из крупнейших предприятий среди отечественных производителей аммиака и азотных удобрений на его основе (аммиачная и калиевая селитры, карбамид), а также специальных видов селитр для горнодобывающей промышленности.

Филиал «Азот» является единственным в России производителем высших алифатических аминов, калиевой и натриевой селитры, кристаллического нитрита натрия. География реализации продукции предприятия широка: Российская Федерация, страны СНГ и дальнего зарубежья. «Азот» – успешное, динамично развивающееся предприятие, которое отличают стабильность производства и высокое качество продукции. С 2005 г. завод выпускает пористую модифицированную аммиачную селитру, которая пользуется большим спросом внутри страны и за рубежом. С 2009 года завод начал отгрузку растворов аммиачной селитры для производителей эмульсионных взрывчатых веществ.

Иначе сложилась судьба «Бератона». Осенью 1931 г. возле д. Мосягино в 150 км от Соликамского тракта началось строительство новых корпусов БХК – завода бертолетовой соли. 18 августа 1939 г. нарком химической промышленности подписал приказ №91 об образовании на базе Мосягинской площадки завода №237 и выделении ее из состава химкомбината. К этому времени на площадке действовали технологический цех №39, кислородный цех, сушильно-размольное отделение бертолетовой соли, электрическая подстанция, котельная. Шло строительство новых объектов: производства перекиси бария и хлористого бария. Цех хлористого бария включал семь корпусов, в одном из корпусов предусматривалось создание схемы получения азотнокислого бария. Таким образом, продукты бариевых солей определили дальнейшее развитие Мосягинской площадки.

С началом Великой Отечественной войны на свободных площадях были размещены производства военного назначения, эвакуированные из городов Славянска, Рубежного, Сталиногорска (Новомосковска) и выпускавшие продукты органического синтеза. С этого времени основным направлением развития предприятия стала организация производств органического синтеза. За годы войны выпуск продукции для нужд обороны и военной промышленности возрос в 38 раз, а количество выпускаемых продуктов более чем в три раза. В 40-е гг. были введены в эксплуатацию производства для обеспечения обороноспособности страны: азотнокислого бария, пикриновой кислоты, мет. натрия, фенола. Заводу было пе-

редано здание городской ветлечебницы, где разместилось производство медикаментов: стрептоцида белого, уротропина, антифибрина, кальцекса, хлороформа, а позднее производство красителя метил-виолета. Это был первый краситель, выпущенный в цехах завода.

В 50-е гг. сданы в эксплуатацию цехи по выпуску прямых, основных, кислотных и сернистых красителей, ускорителей для вулканизации резин, анилина и дефинеламина технического. Решением Министерства химической промышленности СССР в декабре 1958 г. при заводе был создан филиал НИИ органических продуктов и красителей (НИОПик), позднее НИИХИМПОЛИМЕР (до 20 февраля 1991 г.). Затем он был преобразован в малое научно-производственное предприятие «Химикат», которое действовало до 31 декабря 2001 г.

В 60-е и 70-е гг. получили развитие производства полупродуктов для красителей, флотореагентов, сданы в эксплуатацию опытный цех, второй цех по выпуску ускорителей для вулканизации резины, введено производство флокулянтов, освоен выпуск диамета Х.

В 80-е гг. сдан в эксплуатацию цех химической и биологической очистки сточных вод, продолжалась реконструкция и совершенствование действующих производств.

В 90-е гг. освоены новые виды химикатов-добавок для производства резино-технических изделий, противозадирных присадок к маслам, продуктов для повышения нефтеотдачи пластов (ацетат хрома), флотореагентов для переработки медно-молибденовых и медно-никелевых руд. Отработана технология и запущено производство получения акриламида биотехнологическим методом в промышленном масштабе, а на его основании – производство флокулянтов.

С развитием предприятия связаны важные вехи в развитии отечественной химии. Впервые в СССР и России были построены и запущены производства анилина контактным методом (1958 г.), акриламида биотехнологическим способом (1993 г.). Однако в «нулевых» обстановка на предприятии становится нестабильной. Процитируем небольшую заметку из местной газеты «Березниковский рабочий» от 6 декабря 2009 г.: «ОАО «Бератон» стал банкротом. Эксперты считают, что погасить долги «Бератона» будет проблематично: 99 объектов недвижимости и оборудование «Бератона» оценено в 285,7 млн рублей. Среди заинтересованных в приобретении «Бератона» предприятий эксперты называют СИ-БУР, «Нижнекамскнефтехим» и «Ренова». Производство на «Бератоне» было остановлено еще в июле 2009 г., а процедура банкротства была инициирована 11 августа 2009 г.».

Среди причин, вызвавших банкротство предприятия, следует выделить прежде всего ведущую роль оборонного производства, специфическую продукцию (часто неконкурентоспособную) и, к сожалению, неэффективный менеджмент. Всё это привело в конечном итоге к ликвидации

предприятия. Из позитивных последствий прекращения производства на «Бератоне» следует отметить значительное улучшение экологической обстановки в городе, связанное с прекращением выброса вредных веществ в атмосферу.

Однако негативные последствия прекращения работы одного из градообразующих предприятий, построенного в годы первых пятилеток, несомненно, перевешивают этот «позитивный» фактор. Слишком дорогую цену заплатил наш народ за форсированную индустриализацию, за строительство многочисленных заводов-гигантов. Закрытие многих предприятий, построенных в годы сталинской индустриализации, общая тенденция в современной России. Нужны ли были эти жертвы?

О ПОНЯТИИ «СОЦГОРОДОВ»

*И. В. Яковлев, учитель истории и обществознания муниципальной
основной общеобразовательной школы №4 г. Красновишерска*

Знаете ли вы, что значит «соцгород»? Понятие это, хотя и по сей день присутствует на географических картах в виде многочисленных «соцгородков», начисто лишилось содержания, превратившись просто в обозначение давным-давно построенного жилого района. Обветшалые двух-, трехэтажные домики, порой кирпичные, но чаще – деревянные... Они встречаются во всех крупных промышленных городах, а прямым продолжением их стали кварталы «хрущоб». Да и более поздняя массовая застройка восходит к очень давним временам и концепциям, к идеям, обрекшим нашу страну на многолетний, тотальный дефицит жилья, на привычку жить в полубарачных условиях – потому, как и панельная многоэтажка – не более чем 9 – 12 улучшенных барачков, поставленных друг на друга. (Утверждение это может показаться излишне радикальным, потом поясню: под словом «барак» в данном случае понимается место, где вам не очень-то хотелось бы жить, да приходится.)

Само слово «барак» пришло к нам из Западной Европы, где оно встречается в разных транскрипциях в испанском, итальянском и французском языках. Но обозначает примерно одно и то же – временное жилище вытянутого типа прямоугольного в плане.

Сама идея о создании городов социалистического типа возникает изначально, от строк «Интернационала» и революционного восторга. «Мы наш, мы новый мир построим!» Все теперь по-новому – коммуна! Всё – общее! Частное – плохо, личное – не приветствуется. Всё – обща! Мы – вместе! Кто не с нами – тот против нас! Пафос послереволюционных лет, готовность на жертвы во имя будущего были реальностью – и нельзя сказать, что партийная верхушка этими настроениями просто воспользовалась – напротив, в те годы многие партийные руководители в полной мере этот пафос разделяли.

Другое дело, что практика быстро показала, что без выстраивания иерархии управлять невозможно, а в голодные и холодные годы иерархия строится на доступе к еде и теплоте жилья. В городах возможность сносно питаться и жить в относительно комфортных условиях быстро стала привилегией. Оказалось, что коммуна сразу не получается, нужно потерпеть, чтобы у всех всего было вдоволь, а чтобы приблизить этот светлый час, дать ответственным товарищам и передовикам всего вдоволь уже сей-

час – ведь они непосредственно над этим работают. А вот придет время – ну, скажем, лет через 15, – и тогда жить станет лучше? Жить станет веселее. Только вот придется еще человека для этого немного переделать, перековать.

Идея поселения «нового типа» совершенно иная, нежели капиталистические города". Это совершенно утопическая идея «единого человеческого общежития», города, где труженики работают и живут совместно, в домах-коммунах, вместе едят в общественных столовых, вместе отдыхают в красивых парках и вместе учатся и читают в общественных читальнях. И даже вместе, коллективно воспитывают детей. Где нет обратительного «частного», но все общее.

Этот образ светлых городов счастья зачаровывал тогда не только отъявленных леваков и интеллектуалов – широкие массы были вполне увлечены им – не в последнюю очередь потому, что светлое чистое общежитие и налаженная система общественного питания выглядели очень привлекательно по сравнению с теми условиями, в которых оказалась значительная часть трудящихся в крупных городах. Проблемы накапливались с начала века, а в годы мировой войны и после революции обострились до предела.

Как же должен был выглядеть этот новый город. Город-сад, если мы вспомним Маяковского. Следует согласиться с Йоргом Баберовски: «Большевики мечтали о социальном порядке, доступном внешнему контролю, в котором не будет места НИКАКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ. Для них государство выступало в роли садовника, превращающего дикий ландшафт в симметрично разбитый сад. Сад человечества при социализме должен был состоять из европейцев современного типа, новых людей, освободившихся от духовного и культурного уклада унаследованного ими из прошлого». (Йорг Баберовски. Красный террор. История сталинизма (РОССПЭН, 2007). А жилищная политика, сами принципы расселения должны были этих новых людей вырабатывать. Все бы хорошо, но вот одна загвоздка встает на пути осуществления данного плана. Та самая ИЕРАРХИЯ. Как же без неё обойдется новый город, новая стройка, да и вообще новое государство. Вот и начинается превращение города-сада в сад для всех и в сад для избранных.

Чтобы мы могли представить себе, каким должен был быть наш город-сад по планам архитектора А.А. Тиминского, достаточно заглянуть в районную газету от 15 июня 1932 года. Или посмотреть копию этой статьи в юбилейном сборнике, выпущенном к 70-летию города Красновишерска. Кратко позволю себе процитировать некоторые положения данного плана развития Красновишерска: город рассчитан в первый свой этап на 50 тысяч жителей. Транспортные проблемы решаются с помощью рейсовых автобусов и трамвайных линий. Ширина запланированных улиц впечатляет даже сегодня. Основные улицы должны быть шириной 20 метров,

магистральные улицы – 40 метров. Бульвар, соединяющий центр города с пассажирским железнодорожным вокзалом – 110 метров. Не правда ли, – впечатляет. Особенно если мы представим сегодняшний город.

Особо хочется отметить, что все спецкварталы, которые были запланированы в плане 1932 года, сохранились до сегодняшнего дня. Это больничный городок, столовые, детские учреждения. Все постройки довоенного периода полностью следуют именно плану Тиминского.

Отзывы на строящийся поселок и комбинат в прессе того периода были самые восторженные. Например, Алексей Маленький написал свою знаменитую книгу «Новый материк. Письма с Вишеры». Книга выдержала несколько изданий, но, к сожалению, в электронных носителях её найти не удалось. О Вишерском ЦБК писали такие популярные издания, как журнал «Огонек» и Уральская Советская Энциклопедия.

Если посмотреть на Красновишерск, Краснокамск или Березники в моменты их рождения, то ситуация выстраивается примерно следующим образом. Существующие на бумаге планы строительства городов никак не укладывались с тем положением, которое существовало в этих населенных пунктах. Население этих городов было не однородно и его можно подразделить на несколько категорий, и каждая категория нуждается в своеобразных условиях жизни и быта, а следовательно, никакие правила общежития, которые закладывались в понятие соцгородов, просто не могут быть воплощены в жизнь.

Категории населения Красновишерска на момент строительства и пуска Вишбумкомбината:

- Руководящая номенклатура (стройки и лагеря)
- Сотрудники НКВД и Военизированная охрана лагеря
- Иностранцы-специалисты
- Вольнонаемные специалисты бумажной промышленности
- Вольнонаемные разнорабочие (как правило, жители соседних деревень)
 - Репрессированные жители различных регионов страны, сосланные на поселение (жившие под комендатурой)
 - Заключенные лагеря (обязательное подразделение на несколько категорий в соответствии с лагерными понятиями того времени, политические, уголовные и отдельно можно выделить осужденных священнослужителей). Абсолютно идентичное деление происходило и в Краснокамске, и в Березниках и несколько позднее в Боровске.

С началом строительства комбината на Вишере и затем его пуском и началом эксплуатации складывается несколько микрорайонов, в которых проживают определенные категории населения.

1. До 1934 года продолжает существовать лагерь УВИТЛ. Это район на берегу реки Вижаихи прямоугольной формы с барачными постройками, используя выражение Шаламова, соловецкого типа.

2. Рядом на милицейской горке расположилось жилье для руководства лагеря и отделения НКВД.

3. Севернее комбината была определена жилая зона, так же получившаяся неоднородной. Высшее руководство комбината, директор и главные специалисты поселились в так называемом техническом городке. Район улицы Свердлова, берег Вишеры и местечка Боровуха.

4. Для среднего технического персонала строится отдельный микрорайон, так же расположенный рядом с Боровухой. Довольно комфортабельные по тем временам дома в два этажа были построены в две улицы по 5 штук. Что и дало в народе название данного микрорайона «Десятидворка». Квартиры в этих домах предоставлялись как полностью на семью, так и в виде коммунального жилья.

5. Для основного рабочего вольнонаемного персонала строятся типовые двухподъездные, 8-квартирные дома по улицам Дзержинского и Пролетарской. Все дома заселялись по коммунальному принципу, так в одном доме в среднем проживало от 14 до 28 семей, по количеству комнат в доме.

6. После ликвидации лагеря в 1934 году все имущество было передано на баланс комбината, и эзковские бараки были переоборудованы под жилье для рабочих (приложение №3). Власти попытались стереть, из памяти людей само слово «лагерь», назвав три бывшие лагерные линии именем Максима Горького (1-я, 2-я и 3-я), а сам жилой массив поселком Максима Горького. Но человеческая память оказалась гораздо живучей и лагерь так и остался Лагерем.

Практически идентично складывалась ситуация и в других городах, есть пример Магнитогорска, там все происходит точно так же, только в гораздо больших объемах.

О реальной картине «социалистического расселения» 30-х годов можно судить по данным американца Джона Скотта, работавшего в 1933–1938 гг. в Магнитогорске. В своей книге «По ту сторону Урала» (Jenseitsdes Ural, Stockholm, 1944) он приводит крайне любопытную таблицу распределения жителей Магнитогорска по типам жилья в 1938 г. Скотт ссылается на тогдашнюю внутреннюю статистику (у него в Магнитогорске был знакомый чиновник, который владел цифрами).

Население Магнитогорска тогда – четверть миллиона человек. В районе Березки, где располагались виллы высокого партийного, советского и энкавэдэшного начальства, а также в Центральной гостинице жило 2% населения. Это – правящий слой. В Кировском районе (бывший «соцгород», объект творчества группы Эрнста Мая) жило 15% населения. Соцгород состоял из пятидесяти 3–5-этажных домов, каждый на 75–200 комнат. Селили по 3–4 человека в комнату. Но там были водопровод, отопление и электроплиты. В собственных домах (вероятно – избах) жило 8%, в бараках и другом «временном жилье» – 50%, в землянках – 25%

населения. Можно предположить, что такая структура жилья была типичной для новых советских городов в 30–50-х гг. (до хрущевских реформ) и соответствовала планам строительства жилья. После 1938 г. ситуация явно не улучшилась, только ухудшилась.

В соответствии с этим делением населения мы видим, как формируется архитектурный облик тогдашнего города, но об этом несколько позднее, позвольте теперь остановиться на том, где, зачем строились так называемые соцгородки.

Выше уже приводились слова из «Интернационала» «Мы наш, мы новый мир построим». Но тот, кто помнит гимн, хорошо знает, что перед этими строками есть еще слова: «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем». Разрушения, конечно же, были колоссальные и прежде всего в душах людей. Все новое нужно строить совершенно на новом месте.

Так и получается с нашими соцгородками, ставшими сегодня во многом заложниками той политики, так как развивались они в основном как моногород. Город с одним градообразующим предприятием (город-завод), если в дальнейшем ничего другого в городе не было построено, превратился в заложника этого предприятия. Это пример и Красновишерска, и других городов нашей страны, вступивших в последние 20 лет в эпоху рыночных отношений.

Большинство соцгородов начинали строиться или на голом месте, как Красновишерск, Магнитогорск, Краснокамск и другие города первых пятилеток, или начинали развиваться на базе деревень и рабочих поселков. Здесь был простор для фантазий архитекторов и проектировщиков, не нужно было учитывать устоявшуюся традицию старого, уже развитого города, хотя власть не останавливалась ни перед чем, но только если в этом была острая, по их мнению, необходимость.

Теперь наверное, настало время поговорить, почему же возникло то самое выражение «Город-лагерь, город-сад».

Исходя из концепции строительства соцгородков, в этих населенных пунктах должны были работать места массового отдыха горожан, так легче было для власти контролировать население. Для Красновишерска в первую очередь такими стали городской парк культуры и отдыха и ДК имени Дзержинского. Последний был построен в рекордно короткие сроки из-за пожара в лагерном театре.

Что примечательного можно отметить в этом здании. Во-первых, оно было огромно, примерно на 1000 посадочных мест. Во-вторых, Великий немой заговорил в Красновишерске раньше, чем в Перми, благодаря подарку (звуковой киноустановки) Уралобкома ВКП(б) ко дню открытия комбината, т.е. к 31 октября 1931 года. При ДК Дзержинского была собрана одна из самых интереснейших библиотек, работала краеведческая ячейка, естественно, духовой оркестр и масса кружков художественной самодеятельности.

В соответствии с планом развития города рядом с ДК должен был быть парк культуры и отдыха. И он появился. Силами горожан было облагорожено природное место на берегу реки Вишеры, проложены дорожки, построены ротонды и фонтаны, затем будут установлены гипсовые скульптуры, т.е. все то, что характерно для парков того времени.

Инициаторами всех этих движений и начинаний, как ни странно, были или бывшие заключенные, или высланные. Благодаря им в Красновишерске появился такой праздник, как День открытия парка. Высланные ленинградцы и жители Ленинградской области нашли сходство с любимым городом и организовали уже на новом месте общегородской праздник Проводы белых ночей.

Массовое увлечение в 30-е годы авиацией не могло не сказаться и на Красновишерске. В северной части парка были установлены парашютная вышка и макет аэроплана.

В городе были установлены два памятника Ленину и памятник героям Гражданской войны (борцам с колчаковщиной).

Открытие навигации для города было уже неофициальным праздником прибытия пароходов.

Часто встает вопрос, почему возникает ностальгия по тем временам у старшего поколения? Почему, когда показываешь и рассказываешь об этом на уроках или показываешь старые фотографии, ученики подчас просто не верят в то, о чем ты говоришь.

Ответ напрашивается сам собой. Бессилие местных властей в наведении элементарного порядка в местах общего пользования, нарушения представителями власти, совершаемые точно так же, как и обыкновенными гражданами в тех же самых местах. Под властью я сейчас понимаю всех: государственных и муниципальных служащих, представителей полиции и депутатский корпус. Особенно это бросается в глаза в таких маленьких городках, как наш Красновишерск. И это не проблема Красновишерска, это проблема всей российской глубинки.

Подростающее поколение не верит в то, что может быть их город садом, для них картинки из прошлого – это не имеющие ничего общего с их городом изображения. Этого, как они говорят, просто не может быть, потому что такого нет. Вдобавок ко всему закрытие предприятий увеличивает количество маргинального слоя населения. И огромный провал в сознании, общественном мнении, произошедший в 90-е годы XX века. Самая яркая картина, на мой взгляд, иллюстрирует это положение в Кизеле. Знаменитом уральском шахтерском городе, который на глазах превращается в город-призрак.

Позиция государства в лице бывшего министра экономического развития, а сейчас советника президента Эльвиры Набиулиной, показывает нам отсутствие заинтересованности в сохранении малых городов России. «Нам вряд ли удастся сохранить жизнеспособность всех малых и

средних городов. Убывание городов небольшого размера — это такая непреодолимая глобальная тенденция», — сказала она. В частности, министр привела оценки некоторых экспертов, согласно которым поддержка неэффективных городов стоит стране около 2–3% экономического роста ежегодно, а это расточительная роскошь.

Сбывается Шаламовское пророчество, с которым он пытался бороться в течение своей жизни, — засилье лагерного беспредела. А как бы не хотелось сейчас об этом говорить.

Список используемых источников:

http://www.slovosfera.ru/bookreview/stalinarh_2011.html

<http://vkouznetsov.livejournal.com/56444.html>

<http://biblio28.ru/kraevedenie/pamyatnyie-mesta/uralmash-obrazecz-kompleksnoj-zastrojki-sovetskogo-perioda.html>

<http://otvet.mail.ru/question/5727727/>

Муниципальный архив Красновишерского района. Ф. 187 «Архивная коллекция фотодокументов». Оп. 3. Д. 418 «План-проект города Красновишерска. 1932 год».